

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 5 (114) / 2021

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Астапкина Е. С.</i> Категория оценочности в семантике осязательных прилагательных английского, немецкого, русского и белорусского языков ...	7
<i>Бекреева Ю. В.</i> Репрезентация образа деятеля в семантике глаголов-предикатов (на материале очерка А. Кравцевича «Гедымін (1316–1341). Каралеўства Літвы і Русі»)	14
<i>Биюмена А. А., Залевская Н. С.</i> Гендерные стереотипы в рекламных текстах Беларуси и Южной Кореи.....	20
<i>Еромейчик Т. В.</i> Интерактивность как форма моноадресации в дискурсе рекламы	27
<i>Еромейчик Т. В.</i> Речевая агрессия как способ социального взаимодействия в сетевой спортивной коммуникации	35
<i>Колесникова В. О., Свистун Т. И.</i> Заимствования в медиатекстах об автомобилях	42
<i>Лавицкий А. А., Дединкин А. Л.</i> Динамика современного деструктивного дискурса.....	48
<i>Лавринович Н. В.</i> Особенности функционирования отказа в письменной деловой коммуникации	56
<i>Неборская Л. Н., Новик Д. И.</i> Средства выражения атрибутивной посессивности при передаче отношений «часть–целое» в немецком и белорусском языках	63

Романское и германское языкознание

<i>Басовец И. М., Тихон Т. Н.</i> Особенности употребления сленгизмов в социальных сетях англоязычных знаменитостей	71
<i>Гойло А. А.</i> Функциональные особенности левой дислокации и топиализации в национальных разновидностях английского языка	81
<i>Денисенко Е. С., Фурашова Н. В.</i> Номинативные потребности в сфере пандемии COVID-19 (на материале немецкого языка)	89

<i>Дмитриева И. В., Павлова В. В.</i> Формализация значений климатических глаголов в английском предложении	95
<i>Дудина А. М., Никитина Д. А.</i> Метафора во французском медийном заголовке: прагма-семантический аспект	101
<i>Ничипорчик Т. И., Фурашова Н. В.</i> Номинация явлений тематической сферы «COVID-19» в немецком языке	107
<i>Подлипская Ж. В., Фурашова Н. В.</i> Функционально-семантический аспект модификаций фразеологизма <i>Andere Länder, Andere Sitten</i> в современном немецком языке	113
<i>Фольман Р.</i> Standard Language and Dialect in Austria.....	118
<i>Яскевич В. В.</i> Интонация утверждения в условиях белорусско-английского билингвизма	129

Литературоведение

<i>Авраменко В. И.</i> «Серафита». Философский роман О. де Бальзака.....	137
<i>Аксюциц П. С., Рогачевская М. С.</i> Художественный и научный дискурс в романах «Человеческие следы» С. Фолкса и «Суббота» И. Макьюэна	144
<i>Булыко А. В.</i> Дискурс игры в романах «Волхв» Дж. Фаулза и «Дом доктора Ди» П. Акройда	154
<i>Садко Л. М.</i> Полісістэмны характар ранняй лірыкі М. Танка	163

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Astapkina E. S.</i> The Category of Evaluation in the Semantics of Tactile Adjectives in the English, German, Russian and Belarusian Languages.....	7
<i>Bekreyeva Y. V.</i> Representation of the Image of a Doer in the Semantics of Predicate Verbs (Based on the Essay by A. Kravtsevich “Gedymin (1316–1341). Karaleustva Litvy i Rusi”).....	14
<i>Biyumena A. A., Zalevskaya N. S.</i> Gender Stereotypes in Advertising Texts in Belarus and South Korea.....	20
<i>Eromeitchik T. V.</i> Interactivity as a Form of Monoaddressation in the Advertising Discourse	27
<i>Eromeitchik T. V.</i> Speech Aggression as a Way of Social Interaction in Network Sports Communication.....	35
<i>Kolesnikova V. O., Svistun T. I.</i> Borrowings in Mediatexts about Automobiles	42
<i>Lavitski A., Dziadzinkin A.</i> The Dynamics of Modern Destructive Discourse	48
<i>Lavrinovich N. V.</i> Features of the Refusal Functioning in Written Business Communication.....	56
<i>Neborskaya L. N., Novik D. I.</i> Means of Expressing Attributive Possessiveness in the Rendering of the “Part–Whole” Relationship in German and Belarusian	63

Romance and Germanic Linguistics

<i>Basovets I. M., Tikhon T. N.</i> Specifics of Slangisms Functioning in Social Networks of English-Speaking Celebrities.....	71
<i>Goylo A.</i> Functional Peculiarities of Left Dislocation and Topicalization in National Varieties of English	81
<i>Denisenko E., Furashova N.</i> Nominative Needs in the Sphere of Pandemic COVID-19 (based on the German language material)	89
<i>Dmitrieva I., Pavlova V.</i> Formal Representation of Climatic Verb Meanings in the English Sentence.....	95

<i>Doudina A., Nikitsina D.</i> Metaphor in the French Media Headline: a Pragma-Semantic Aspect.....	101
<i>Nichiporchik T., Furashova N.</i> Nomination of Phenomena in the Thematic Sphere “COVID-19” in German	107
<i>Podlipskaya Zh., Furashova N.</i> Functional-Semantic Aspect of Modifications of the Phraseological Unit <i>Andere Länder, Andere Sitten</i> in Modern German.....	113
<i>Vollmann R.</i> Standard Language and Dialect in Austria	118
<i>Yaskevich V. V.</i> Intonation of Statements in the Situation of Belarusian-English Bilingualism	129

Studies in Literary

<i>Avramenko V.</i> <i>Séraphîta</i> : The Philosophical Novel of H. de Balzac.....	137
<i>Aksiuchyts P., Ragachewskaya M.</i> Fictional and Scientific Discourse in the Novels <i>Human Traces</i> by S. Faulks and <i>Saturday</i> by I. Mcewan.....	144
<i>Bulyka N.</i> Game Discourse in the Novels <i>The Magus</i> by J. Fowles and <i>The House of Doctoe Dee</i> by P. Ackroyd	154
<i>Sadko L.</i> Polysystemic Character of M. Tank’s Early Lyrics.....	163

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'37

Астапкина Екатерина Сергеевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языкознания
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Ekaterina Astapkina
PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of English Linguistics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
astapkina.ekaterina@gmail.com

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ В СЕМАНТИКЕ ОСЯЗАТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

THE CATEGORY OF EVALUATION IN THE SEMANTICS OF TACTILE ADJECTIVES IN THE ENGLISH, GERMAN, RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES

Данная статья посвящена выявлению и описанию специфичности категории оценочности в семантической структуре осязательных прилагательных английского, немецкого, русского и белорусского языков. Рассмотрены вопросы репрезентативности и продуктивности соответствующей лексики в связи с выраженностью и влиятельностью семы оценки в их составе. Корпус эмпирического материала, собранного методом сплошной выборки, составил 429 единиц. На основе компонентного анализа проведено моделирование семантики осязательных прилагательных с учетом возможностей их деривационного развития.

Ключевые слова: *семантика; осязательное прилагательное; оценочность; модель; продуктивность.*

The given article is devoted to revealing and describing the specificity of the category of evaluation in the semantic structure of the tactile adjectives in English, German, Russian and Belarusian. The questions of representativeness and productivity of appropriate vocabulary in connection with the expression and influence of the evaluation seme in their composition are considered. The corpus of empirical material collected by the method of continuous sampling amounted to 429 units. Statistical modeling of the semantics of tactile adjectives, taking into account their derivational possibilities, was carried out on the basis of component analysis.

Key words: *semantics; tactile adjective; evaluation; model; productivity.*

Являясь одной из наиболее частотных частей речи, прилагательные представляют собой активно используемую и динамичную группу лексики, играющую важную роль в реализации потенциала абсолютного большинства языков. В данной связи продуктивна сравнительная характеристика соответствующих единиц и моделирование тех или иных общих закономерностей их семантической структуры и деривационного развития (см., например, [1]). Английский и немецкий языки, равно как и русский и белорусский, являются достаточно хорошо изученными, что позволяет с высокой степенью объек-

тивности агрегировать и анализировать соответствующий языковой материал. Пожалуй, наиболее показательна в данной связи характеристика качественных прилагательных – как лексики, в семантике которой в том или ином виде идентифицируется отсылка к некоей норме или эталону. В свою очередь, ориентация на норму или эталон подразумевается при реализации оценочности. *Осязательные прилагательные* как подгруппа качественных адъективов представляют собой релевантный материал – компактный и гомогенный: в результате сплошной выборки на основании формального критерия – наличия в толковании прилагательного идентификаторов, указывающих на осязательно воспринимаемый признак, из словарей английского, немецкого, русского и белорусского языков [2; 3; 4; 5] было отобрано 429 единиц.

Таким образом, объектом данного исследования явились качественные прилагательные осязательного восприятия английского, немецкого, русского и белорусского языков. Предметом в представленной работе, в свою очередь, выступает категория оценочности в семантике осязательных прилагательных, ее выраженность и влияние. Методологической базой выполненного исследования стал компонентный анализ.

В семантике осязательных прилагательных, помимо указания на степень проявления признака и норму, эталон, как правило, присутствует сема оценки: «семантика практически каждого качественного прилагательного не так уж проста, ибо, помимо называния самого свойства в имплицитной или эксплицитной форме, она включает оценочный и количественный компоненты» [6, с. 170]. Как отмечает Е. М. Вольф, «классические предикаты сочетают в себе два аспекта – обозначение собственно признака и обозначение оценки, с этим связана их способность выступать в двух структурах – денотативной и квалификативной, которые обычно реализуются в пределах одного высказывания» [7, с. 6]. Справедливо и замечание Н. Д. Арутюновой о том, что «бедность и недискретность сенсорной семантики (за исключением зрительно воспринимаемых свойств), ее отделенность от концептуальных систем выдвигает в ней на первый план аксиологическую классификацию. Оценочная характеристика ощущений и впечатлений <...> оказывается важной для человека» [8, с. 85].

Лингвисты отмечают, что оценка подразумевает *шкалирование* референтной семантики и оценка сама может быть представлена в виде шкалы, с *антонимичностью* семантического комплекса «хорошо–плохо». Это позволяет говорить о таких свойствах оценочной шкалы, как неопределенность и неоднородность. Вместе с тем в структуре шкалы имеется зона нормы (норм), которая может быть ориентирована как на среднюю, так и на крайнюю часть шкалы [7, с. 48–49, 53–54; 8, с. 332–333]. Однако по данным нашего исследования (см. ниже) норма, как правило, подразумевает *нейтральную оценку*, и «нейтральная» зона на оценочной шкале располагается между «положительной» и «отрицательной» зонами. Особенностью оценки в речевой практике является *асимметрия* между положительной и отрицательной зонами: «хорошо–плохо». При этом в естественном языке симметрия

полярных оценок составляет лишь частный случай, а соотношение основной общеоценочной пары «хорошо–плохо», как правило, несимметрично. Так, оценка «хорошо» может означать как соответствие норме, так и превышение ее, в то время как оценка «плохо» всегда означает отклонение от нормы.

Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует *субъективный фактор*, дополняющий объективную обобщенную характеристику. Так, оценочные смыслы особенно часто возникают тогда, когда объект оценки как-то связан со сферой деятельности человека, где почти любой признак лица предполагает и его оценку. Оценочный смысл могут иметь и чисто дескриптивные высказывания, например, *каменный взгляд*, которые Е. М. Вольф называет «квазиоценочными» [7, с. 29–32].

Предметы могут оцениваться с самых разных точек зрения, в аспекте их положительности / отрицательности, истинности, возможности, необходимости и т.п. [7, с. 9]. При выделении оценочных значений прилагательных осязательного восприятия целесообразно принять за основу подход Н. Д. Арутюновой, при котором к аскиологическим значениям причисляются значения двух типов: *общеоценочные* (значимость ‘хороший’, ‘плохой’) и *частнооценочные* (например, значимость ‘красивый’, ‘нежный’), которые отчетливо выделяются при анализе семантической структуры осязательных прилагательных русского, белорусского, английского и немецкого языков [8, с. 75–76].

В контексте выполненной сплошной выборки лексико-семантическая группа осязательных адъективов в рассматриваемых языках представлена следующими тематическими подгруппами: о с я з а т е л ь н ы е п р и л а г а т е л ь н ы е со значимостью ‘горячий–холодный’ (*температурные прилагательные*), ‘мокрый–сухой’, ‘качество поверхности’ и прилагательные, описывающие *внутреннее строение предмета* (‘твердый–мягкий’) (таблица).

Количественное распределение лексем ЛСГ
по наличию в их семантике осязательных признаков

Осязательные признаки	Количество лексем			
	рус.	белорус.	англ.	нем.
‘горячий–холодный’	20	24	39	25
‘мокрый–сухой’	18	49	27	32
‘качество поверхности’	16	24	18	18
‘твердый–мягкий’	34	54	33	40

Рассмотрим реализацию категории оценочности в подгруппе осязательных прилагательных со значимостью ‘горячий–холодный’. Указание на оценку эмоций, вызываемых при осязании признака, присутствует в толковании прямых значений рассматриваемых лексем германских языков. Так, очень высокая или низкая температура вызывает неприятные ощущения, которые оцениваются отрицательно, а невысокая температура, соответствующая субъективной «норме», – приятные ощущения, которые получают положительную оценку, например:

нем. *bitterkalt* 1 ‘очень холодный’ – ‘sehr, unangenehm kalt; eiskalt’ (‘очень, неприятно холодный; ледяной’); англ. *chill* 1 ‘холодный’ – ‘unpleasantly cold’ (‘неприятно холодный’) и ср. англ. *warm* 1 ‘теплый’ – ‘slightly hot, especially in a pleasant way *OPP* cool’ (досл. ‘слегка горячий, особенно в приятном смысле *АНТОНИМ* прохладный’)¹.

Сема оценки в прямых значениях температурных прилагательных английского и немецкого языков зачастую служит базой для формирования переносного оценочного значения, даже если она присутствует имплицитно и не отмечена в словарях. При этом наличие оценочного значения в производных единицах свидетельствует о необходимости его учета в описании производящих единиц.

Так, в английском и немецком языках прилагательные с семантикой ‘горячий’ в производных значениях активно используются для характеристики физических и творческих способностей человека в значениях ‘способный’, ‘успешный’: англ. *a hot young guitar player* ‘способный молодой гитарист’, нем. *eine heiße Favoritin* ‘фаворит соревнования’.

В значении ‘интересный, захватывающий, популярный’ температурные прилагательные сообщают интеллектуальную оценку:

англ. *his new film is hot stuff* ‘его новый фильм популярен’, нем. *ein heißes Buch* ‘интересная книга’.

Немецкое прилагательное *heiß* ‘горячий’ также используется для передачи эстетической оценки и обнаруживает в своей семантической структуре производное значение ‘модный, красивый’:

нем. *eine heiße Bluse* ‘красивая блузка’.

Так, несмотря на то, что холодная температура вызывает неприятные ощущения, английское *cool* ‘прохладный’ имеет в прямом значении сему положительной оценки и развивает в своей структуре соответствующее производное оценочное значение. Изначально данное прилагательное употреблялось для характеристики джазовой музыки и было связано, скорее, со скоростью воспроизведения, а не вызываемыми эмоциями: ср. англ. *hot jazz* ‘having a strong and exciting rhythm’ (‘горячий джаз: имеющий быстрый и возбуждающий ритм’). В современном английском языке производное оценочное значение *cool* ‘прохладный’ используется также для выражения одобрения и согласия: *Do you want to come over and watch a video tonight? – I’m cool with that* ‘Не хочешь прийти ко мне сегодня вечером и посмотреть фильм? – Я не против’.

Таким образом, прилагательные теплового восприятия английского языка (16 лексико-семантических вариантов, далее ЛСВ) и немецкого языка (4 ЛСВ) активно используются для выражения разного рода оценки. Это становится возможным благодаря имплицитному или эксплицитному наличию в их производящей семантике оценочного компонента. Данный

¹ Здесь и далее приведены примеры из словарей, указанных в списке использованных источников.

вывод подтверждается фиксацией регулярности модели семантического переноса ‘температурный признак’ → ‘оценка предмета с точки зрения вызываемых эмоций’ относительно прилагательных английского языка [6; 9].

Перейдем к анализу реализации категории оценочности в подгруппе осязательных прилагательных со значимостью ‘м о к р ы й – с у х о й’. В прямых значениях прилагательных данной подгруппы указание на оценку, как правило (по нашим данным всегда), присутствует имплицитно. При сочетании с существительными, называющими материальные объекты, норма признака ‘мокрый–сухой’ и, соответственно, его оценка зависят от ситуации. В рассматриваемых германских языках функцию выражения отрицательной оценки берут на себя лексемы «влажного» блока. Так, в английском языке для выражения нормативной оценки служит ЛСВ прилагательного *wet* ‘мокрый’: например, *You are all wet!* ‘Ты совсем не прав!’. Данная модель развития значения ‘мокрый’ → ‘неправильный’ заимствована из американского английского; логика его развития, видимо, была следующей: *wet* ‘drunken’ (‘пьяный’) → ‘ineffectual’ (‘безрезультатный, слабый’) → ‘in the wrong’ (‘неправильный’). В немецком языке прилагательные *schlüpfrig* ‘мокрый и гладкий’ и *schmierig* ‘мокрый и липкий’ развивают значение ‘безнравственный, неприличный’ и выражают отрицательную этическую оценку: *ein schlüpfriger Witz* ‘непристойная шутка’. В русском и белорусском языках оценочное значение в семантической структуре данной подгруппы осязательных прилагательных не выявлено. Таким образом, семантический перенос ‘мокрый–сухой’ → ‘оценка’ оказывается нерегулярным и представлен единичными ЛСВ английского и немецкого языков.

Рассмотрим реализацию оценочного компонента в семантике осязательных прилагательных со значимостью ‘к а ч е с т в о п о в е р х н о с т и’. При сочетании адъективов данной подгруппы с существительными, называющими материальные объекты, норма признака выражена в семантике прилагательного *гладкий*. В прямом значении сема оценки эксплицирована только в его английской экспоненте: *smooth 1* ‘гладкий’ – ‘a smooth surface has no rough parts, lumps, or holes, especially in a way that is *pleasant* and attractive to touch’ (‘гладкая поверхность не имеет неровных частей, выступов, впадин и *приятна* на ощупь’).

Характерно, что в производных значениях прилагательных со значимостью ‘гладкий’ положительная оценка фиксируется в словарях русского, белорусского и немецкого языков, однако не отмечена в английском языке (см. подробнее [10]). Так, в белорусском языке для передачи приятных ощущений при прикосновении адъектив *гладкі* употребляется в производном значении ‘не шурпаты, слізкі, прыемны на дотык’ и передает сенсорную оценку: *гладкае шкло*, *гладкая папера*. В немецком языке лексема *glatt* ‘гладкий’ в значении ‘настоящий, явный’ используется для подтверждения истинности суждения, мнения: описываемое явление сравнивается с обычным проявлением ситуации, а прилагательное выражает нормативную оценку: *eine glatte Lüge* ‘чистейшая ложь’, *eine glatte Provokation* ‘настоящая провокация’.

В русском, белорусском и немецком языках лексема *гладкий* актуализирует оценочную сему в значении ‘правильный, легкий для понимания’ при восприятии на слух или чтении стихов, прозы, поэзии и т.д.): рус. *гладкая речь*; белорус. *гладкі язык*; нем. *ein glatter Stil* ‘гладкий слог’. В английском языке данная модель не выражена. При этом следует отметить использование в английском языке прилагательного *sticky* ‘липкий’, которое передает степень признака, не соответствующую норме, – для выражения положительной оценки: *a sticky website* ‘интересный сайт’.

При отклонении от нормы «гладкости» и передаче признаков ‘скользящий’ или ‘шершавый’ референтные лексемы выражают отрицательную оценку. Так, в немецком языке функцию репрезентации отрицательной оценки берут на себя лексемы со значением ‘скользящий’, ‘липкий’, а в английском, русском и белорусском языках – со значением ‘шершавый’. Отрицательные эстетическая и этическая оценки могут быть выражены следующими производными значениями:

- ‘лишенный тонкости, легкости, изящества’ (стиль, речь; внешний вид): рус. *шершавый стих, огрубелые лица*; белорус. *агрубелы выгляд*;
- ‘непристойный, вульгарный’: англ. *a coarse joke, ein schlüpfriger Witz* ‘непристойная шутка’;
- ‘грязный, неопрятный’: нем. *eine schmierige Absteige* ‘грязная квартира’.

Таким образом, выражение положительной оценки в русском, белорусском и немецком языках реализуется при помощи признака ‘гладкий’; в английском языке функцию положительной оценки берет на себя прилагательное *sticky* ‘липкий’. Для отрицательной оценки фактов, явлений реальной действительности в английском языке используется признак ‘шершавый’, в немецком признак ‘скользящий’ – как отличные от «нормального» признака ‘гладкий’. Таким образом, оценочное значение у рассматриваемых прилагательных представлено 3 ЛСВ в русском, 2 ЛСВ в белорусском и английском языках, 7 ЛСВ в немецком языке.

Перейдем к анализу осязательных прилагательных со значимостью ‘т в е р д ы й – м я г к и й’. В прямых значениях лексем русского, английского и немецкого языков сема оценки присутствует эксплицитно: например, рус. *мягкий* 1 – ‘такой, который легко поддается, уступает при надавливании, прикосновении и вызывает ощущение чего-л. *приятного, нежного*’, англ. *mushy* 1 ‘мягкий’ – ‘soft, wet and unpleasant’ (‘мягкий, мокрый и неприятный’); *soggy* 1 ‘топкий’ – ‘unpleasantly wet and soft’ (‘неприятно мокрый и мягкий’). Очевидно, признак ‘мягкий’ вызывает неприятные ощущения при его несоответствии норме.

Сема оценки, которая присутствует в прямом значении отдельных лексем шкалы ‘твердый–мягкий’, может переходить в ядро производного значения, оценивая при этом явления разной природы. Производное значение ‘безошибочный, надежный’ представлено лексемой «твердый» в трех языках: рус. *твердые знания*; белорус. *цвёрдыя веды*; англ. *a solid reputation* ‘хорошая

репутация'. Признак 'твердый' может использоваться и для передачи отрицательной оценки – в случае характеристики речи, манер, стиля: белорус. *красяное слоўца*; англ. *coarse jokes* 'пошлые шутки'.

Прилагательные со значением 'мягкий' служат для передачи положительной оценки в русском и белорусском языках (рус. *пышная свадьба*; белорус. *пышны замак*) и отрицательной оценки в английском языке (англ. *a fluffy romantic fantasy* 'несерьезная романтическая фантазия').

Вместе с тем адъективы английского языка нередко демонстрируют разнообразные переносы значений, не свойственные другим рассматриваемым языкам. Так, лексемы «твердого» блока используются для выражения одобрения и согласия (*the workers are 100 % solid on this issue* 'рабочие полностью солидарны по этому вопросу'); развивают значение 'важный' (*hard news* 'важные новости'), значение 'неопровержимый' (*hard facts* 'неопровержимые факты').

Для лексем немецкого языка развитие значений по модели 'твердый–мягкий' → 'оценка' не характеризуется регулярностью.

Так, оценочное значение в подгруппе прилагательных со значимостью 'твердый–мягкий' представлено 4 ЛСВ русского, 4 ЛСВ белорусского, 11 ЛСВ английского и 1 ЛСВ немецкого языков.

Таким образом, вышеописанный анализ демонстрирует разнородные тенденции. С одной стороны, наблюдается достаточно высокая общность при реализации семантики с элементом оценочности во всех исследованных языках, что прослеживалось, например, при рассмотрении лексики со значимостями 'горячий–холодный' и 'твердый–мягкий'. С другой стороны, была выявлена специфичность категории оценочности в семантической структуре осязательных прилагательных английского, немецкого, русского и белорусского языков, что проявилось в контексте моделирования семантики с компонентами 'мокрый–сухой' и 'качество поверхности'. Необходимо отметить общую для всех вышеупомянутых языков продуктивность и динамику семантики осязательных прилагательных, содержащих оценочный компонент. На основании полученных данных и отработанной методики представляется перспективным моделирование других групп качественных прилагательных и создание общей модели их функциональной семантики, что чрезвычайно актуально в контексте современного тренда максимально возможного структурирования и формализации семантики с учетом речевой динамики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Barkovich, A. Meta-Description of Derivational Relations: Specifics of System Representation / A. Barkovich // Mundo Eslavo. – 2018. – № 17. – Universidad de Granada. – P. 7–25.*
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.

3. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 4-е выд. – Мінск : БелЭн, 2005. – 784 с.
4. Duden Deutsches Universalwörterbuch / Red. bearb. von R. Osterwinter. – 6. Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich, 2007. – 2016 S.
5. Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners / 5th ed. – Harlow : Pearson Education Ltd., 2009. – 2081 p.
6. Лещева, Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л. М. Лещева. – Минск : МГЛУ, 1996. – 246 с.
7. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 260 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М., 1988. – 339 с.
9. Мерзлякова, А. Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков) / А. Х. Мерзлякова. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 352 с.
10. Астапкина, Е. С. Закономерности семантической деривации прилагательных осязательного восприятия (на материале русского, белорусского, английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. С. Астапкина. – Минск, 2012. – 171 л.

Поступила в редакцию 23.09.2021

УДК 811.161.33'7(045)

Бекреева Юлия Викторовна
кандидат филологических наук
докторант кафедры речеведения
и теории коммуникации
доцент кафедры лексикологии
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yuliya Bekreyeva
PhD in Philology, Post-Doc Researcher
of the Department of Speech Studies
and Communication Theory
Associate Professor of the Department
of English Lexicology
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
bekreyeva@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ДЕЯТЕЛЯ
В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ-ПРЕДИКАТОВ
(на материале очерка А. Кравцевича «Гедымін (1316–1341).
Каралеўства Літвы і Русі»)**

**REPRESENTATION OF THE IMAGE OF A DOER IN THE SEMANTICS
OF PREDICATE VERBS
(Based on the Essay by A. Kravtsevich “Gedymin (1316–1341).
Karaleustva Litvy i Rusi”)**

Статья посвящена описанию способов передачи информации о человеке через значение глагольного слова. Предметом анализа являются семантические признаки, ориентированные на концептуальную сферу «человек». Наличие данных признаков

в структуре значения обуславливает характерологическую функцию глагола: способность характеризовать человека как участника обозначаемой ситуации. Предложена классификация глаголов по характерологическому потенциалу и алгоритм моделирования портрета личности по значению глаголов-предикатов. На основе актантно-предикатных конструкций, описывающих деятельность князя Гедимины в очерке А. Кравцевича, моделируется его образ как создателя, стратега и организатора.

Ключевые слова: глагол; семантический признак атрибутивного типа; характеристика человека; характерологическая функция; образ князя Гедимины.

The article describes how the information about a person could be presented through the meaning of a verb. The subject of analysis is semantic features oriented to the conceptual sphere of "human being" in the verb meaning. The presence of these features determines the characterological function of the verb: the ability to characterize a person as a participant in the denoted situation. The author presents a classification of verbs by their characterological potential and an algorithm for modeling an image of a person by the meaning of predicate verbs. The image of grand duke Gedymin as a creator, strategist and organizer is modeled on the basis of actant-predicate constructions describing his deeds in A. Kravtsevich's essay.

Key words: verb; semantic feature of attribute type; characteristics of a person; characterological function; an image of Grand Duke Gedymin.

По действиям человека, по его поведению в различных ситуациях мы привыкли судить о его характере. Сформировавшиеся в результате когнитивной деятельности концептуальные связи между типом действия и характерными свойствами человека как его участника находят отражение в значении глаголов, что, в свою очередь, позволяет транслировать представления о личности через словесное описание действий, с одной стороны, и формировать суждения о характере действующего лица на основе восприятия и интерпретации глагольных слов в дискурсе, с другой стороны.

Характеризация человека посредством глагольной лексики представляет интерес для лингвистики в плане актуализации преимущественно импликационального значения, выражение и описание которого разработаны еще недостаточно. Достижения когнитивно-дискурсивных исследований в области семантики, функционирования и категоризации глаголов позволяют рассматривать глагол как лексический репрезентант пропозиции – структуры представления знаний о ситуации или событии (подробно данный тезис раскрыт в диссертации Ю.Г. Панкраца [1]). Во-первых, глагол фиксирует временную и пространственную схему обозначаемой ситуации. Во-вторых, значение глагола включает ракурс логико-семантических связей с субстанциональными концептосферами, которые представляют знание об участниках обозначаемой ситуации [2, л. 101–103].

Анализ компонентной структуры значения глагола относительно элементов пропозициональной структуры позволяет установить ряд семантических признаков, ориентированных на концептуальную сферу «человек». Так, в состав глагольного значения могут включаться признаки, отражающие части физического тела человека или элементы его внутреннего мира (энергия, эмоции, интеллект, сознание, воля, моральные качества и др.).

Такие признаки можно определить как признаки атрибутивного типа, или атрибуты. Данный термин коррелирует с философским пониманием атрибута как феномена или свойства, «отчуждаемого» от субстанции (в данном случае от человека) [3, с. 67]. В значении глагола действует механизм метонимии: наличие атрибута имплицитно предполагает его предполагаемого носителя, но сам носитель не объективирован. Вместе с тем термин *атрибут* подчеркивает специфику предикации: человек, называемый именованным актантом при глаголе-предикате, наделяется характеристиками, которые предусмотрены его ролью в обозначаемой ситуации или событии.

Определение роли участника ситуации по значению глагола является ключевой идеей в теории глубинных падежей Ч. Филлмора [4]. Актантам при глаголе-предикате приписываются семантические роли, которые в структуре глагольного значения приобретают статус глубинных падежей. Ч. Филлмор приводит шесть глубинных падежей [4, с. 406], из которых наименования человека больше всего соответствуют агентив и датив (позднее пациентив). Номенклатура падежей (семантических ролей) была дополнена и теперь варьируется в разных исследованиях от объединения ролей в ядерные категории (например, протоагенса и протопациенса у Д. Даути [5]) до фрагментации ролей (например, познающий (*cogniser*), обидчик (*abuser*), жертва (*victim*) и под. в исследовательском проекте по моделированию фреймов Framenet [6]). Ряд исследователей определяют глубинный падеж (семантическую роль) через набор семантических признаков. В частности, инициатива, активность, воля, одушевленность, осознанность, сила представляют инвариант агентива [7, с. 43–49]. Данные признаки ориентированы на концептуальную сферу «человек».

Способность глагола через обозначение ситуации осуществлять характеристику человека (т.е. его характерологическая функция) зависит от наличия в его семантической структуре признаков атрибутивного типа, ориентированных на концептуальную сферу «человек». Так, глаголы можно разделить на три группы.

1. Безатрибутивные глаголы, в значении которых нет атрибутов человека. К данной группе относятся экзистенциальные и локативные глаголы, такие как, например, *быць, існаваць, мець, сядзець, знаходзіцца*. Характеристика человека с участием данных глаголов может производиться в синтагме при включении в актантную рамку характерологической лексики, например, *быць манархам, быць сумным*. Локативные глаголы в сочетании с пространственной лексикой в метафорическом значении «социальная позиция» характеризуют статус человека, например, *стаяць на вяршыне* в значении «достигнуть успеха, быть выше в социальной иерархии».

2. Семантически ненасыщенные атрибутивные глаголы отражают общий атрибут, свойственный человеку. Например, *ісці* (о человеке) предполагает наличие энергии, активность и, возможно, намерение, связанное с целью движения. *Мысліць, разумець* отражают наличие интеллекта, сознания.

Адчуваць имплицитно подразумевает наличие какой-то эмоции у человека. Характеризующая функция подобных глаголов осуществляется при условии контекстуальной конкретизации имплицитного атрибута (например, *ісці смела ў бой*) и/или частоты актуализации атрибута другими лексическими единицами (например, повторы следующей модели: *чалавек разумее гэтае, разумее тое, разумее ўсё, ён разумны, ён мае розум*).

3. Семантически насыщенные атрибутивные глаголы включают в значение конкретизированный признак, специфический показатель атрибута. Данные глаголы обладают наибольшим характерологическим потенциалом, однако актуализация/деактуализация инкорпорированного атрибута также зависит от контекстуального окружения глагола. Например, глагол *знішчыць* включает в импликационал признак 'злонамеренный', но актуализация данного признака зависит от оценки уничтожаемого объекта (зло или добро). Человек, который *знішчыў прыгажосць* (=добро), характеризуется как 'злонамеренный'. В сочетании *знішчыў ворага* (=зло) признак 'злонамеренный' деактуализирован.

Итак, при моделировании характерологического портрета человека по семантике глаголов-предикатов, описывающих его деятельность, следует учитывать несколько факторов:

- макроконтекст как социокультурное пространство, в котором развивается практика употребления глаголов, создаются и воспринимаются тексты с определенной глагольно-предикатной линией повествования;
- контекстуальное окружение, восполняющее семантику глагола-предиката;
- частотность актуализации признаков атрибутивного типа, заложенных в значении глагола.

Для моделирования деятельностного портрета человека был разработан следующий алгоритм. Из текста извлекаются актантно-предикатные конструкции по ключевому имени личности. Контекстуальные значения глаголов определяются по элементам ситуативной модели (пропозиции), вербализованной актантно-предикатной конструкцией. Выделенные глаголы-предикаты объединяются в семантические группы; частотность глаголов определенной группы указывает на преобладающий вид деятельности человека, которые обозначаются с помощью именных категорий человека по сфере деятельности. Например, преобладание глаголов, отражающих интеллектуальную деятельность, характеризует личность как интеллектуала. Параллельно определяется степень семантической насыщенности глагола-предиката, выделяются атрибуты человека, имплицитно подразумеваемые семантикой глагола, верифицируется факт их актуализации в контексте. Регулярность актуализации атрибута в разных актантно-предикатных конструкциях подтверждает относительную устойчивость, выделенность характеристики в моделируемом портрете. Дополнительное подтверждение выделяемой характеристики обнаруживается в семантике имен существительных и прила-

гательных, используемых в анализируемом тексте для описания личности. Актуализированные атрибуты первого и второго ранга частотности (относительно совокупного списка актантно-предикатных конструкций) включаются в деятельностный портрет.

Описанный алгоритм моделирования деятельностного портрета был использован при исследовании образа князя Гедимины в очерке историка А. К. Кравцевича [8]. Выборка составила 307 актантно-предикатных конструкций. 18 конструкций с безатрибутными глаголами (*быць, мець, з'яўляцца*) были исключены из рассмотрения. Абсолютное большинство семантически ненасыщенных глаголов являются динамическими и профилируют агентивную роль ключевому имени актанта, актуализирующую атрибуты активности, инициативы, силы (энергии). Большинство глаголов (120), участвующих в характеристике личности Гедимины, обозначают созидательную деятельность. К ним относятся:

- глаголы, обозначающие создание нового, – *заснаваць, закласці запачаткаваць, наладзіць, зрабіць, збудаваць* и т.д.;
- глаголы приобретения – *навалячыць, здабыць, пашырыць, набыць, займець, аб'яднаць, узяць, сабраць* и т.д.;
- глаголы, обозначающие управленческие операции, – *арганізаваць, спланаваць, выкарыстоўваць (дыпламатыю, шлюбы), гарантаваць, прадумваць (стратэгію), назіраць* и т.д.;
- глаголы, определяющие отношение к управляемым (к стране, подданным), – *дбаць, клапаціцца*.

Глаголы, обозначающие деструктивную деятельность (*ваяваць, забіць, захапіць, прысвоіць* и др.), встречаются в отдельных фрагментах. Данные действия автор нивелирует с помощью различных приемов – отсылка к мнению «других» (*ворагі лічылі неабходным ачарніць князя*), указание на спорность фактов (*нібыта, прыдумалі, трэба даказаць, некаторыя гісторыкі лічаць*), оправдание действий условиями и обстоятельствами (*Гедымін дзейнічаў у духу таго часу, магло прынесці небяспеку краіне*), употребление антонимичных лексем в ближайшем контексте (*сябраваў с аднымі..., ваяваў с другімі*).

Стоит отметить, что даже при описании такой ситуации как война Гедимин практически не представлен как агрессор. Показательны в этом плане следующие примеры употребления глаголов созидания для рассказа о военной деятельности: *збройна дапамагаў, набыў вайсковы вопыт, арганізаваў походы*.

Атрибуты 'инициативный', 'волевой', 'решительный' регулярно актуализируются через предикаты, описывающие приобретение и изменение объектов, выбор позиции и принятие решения. Глаголы интеллектуальных действий актуализируют признаки 'рациональный', 'внимательный', 'осмотрительный', 'расчетливый'. Примечателен следующий фрагмент, который демонстрирует видение автора (нет исторических сведений о данной ситуации):

Гаспадар проста, як кажучь, узяў паўзу ў пачатку кіравання. Гедымін разглядаўся на новым месцы ды займаўся малапрыкметнай, але важнай працай – назіраў, думаў і будаваў планы. Не спяшаўся прымаць адказныя раішэнні, не парушаў звыклую хаду спраў, пакуль добра ў іх не разабраўся. Аналізаваў сітуацыю ў краіне і за яе межамі, прадумваў стратэгію, тактыку дзеяння... працаваў над палітычнай праграмай і стратэгіяй яе рэалізацыі [8, с. 12].

В целом можно отметить, что Гедимин в очерке Алеся Кравцевича предстает как стратег и организатор. Регулярная актуализация компонента 'цель' в предложениях, повествующих о его действиях, также способствует созданию данного образа.

Автор книги дает свою характеристику Гедимина – Гаспадар, и деятельностный портрет, моделируемый на основе семантики глаголов, описывающих деятельность Гедимина, подтверждает правомерность данного образа: Гедимин – созидатель, организатор и стратег; рациональный, осмотнительный, расчетливый, целеустремленный, волевой, решительный, инициативный и предприимчивый.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панкрац, Ю. Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней (на материале сложноструктурированных глаголов современного английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 , 10.02.19 / Ю. Г. Панкрац. – Минск, 1992. – 112 л.
2. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М. : Ин-т языкознания Рос. акад. наук, 1997. – 327 с.
3. Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – 3-е изд., испр. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
4. Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981. – Вып. 10 : Лингвистическая семантика. – С. 369–495.
5. Dowty, D. Word meaning and Montague grammar / D. Dowty. – Dordrecht : Reidel, 1979. – 448 p.
6. FrameNet project [Electronic resource] / Berkeley Univ. – Mode of access : <http://framenet.berkeley.edu>. – Date of access : 02.09.2021.
7. Шабанова, Т. Д. Семантическая модель английских глаголов зрения: теоретико-экспериментальное исследование / Т. Д. Шабанова. – Уфа : Вост. ун-т, 1998. – 198 с.
8. Гедымін (1316–1341). Каралеўства Літвы і Русі: нарыс / А. К. Краўцэвіч. – Мінск : С. Ю. Татарнікава, 2012. – 146, [5] с.

Поступила в редакцию 27.09.2021

Биюмена Анна Александровна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Biyumena

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Speech Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
a-mesyats@tut.by

Залевская Наталья Сергеевна

выпускница
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natallia Zalevskaya

graduate
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
natali.zalevskaya1010@yandex.com

**ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ
БЕЛАРУСИ И ЮЖНОЙ КОРЕИ**

**GENDER STEREOTYPES IN ADVERTISING TEXTS
IN BELARUS AND SOUTH KOREA**

В статье рассматривается использование гендерных стереотипов в белорусской и южнокорейской рекламной коммуникации на материале рекламных текстов в контексте указанных культур. Выявлены средства выражения гендерных стереотипов в креолизованном рекламном тексте, обнаружено влияние культуры на формирование гендерных образов в рекламных сообщениях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гендерный стереотип; женская роль; культура; мужская роль; реклама; рекламный текст.

The article examines gender stereotypes in Belarusian and South Korean advertising communication. The means of expressing gender stereotypes in the creolized advertising text of the studied countries are revealed, the influence of culture on creating gender images in advertising is outlined.

Key words: gender stereotype; female role; culture; male role; advertising; advertising text.

Реклама представляет собой особый тип прагматического дискурса, характеризующийся интеракциональностью, вариативностью и четкой коммуникативной установкой. Это произведение поликодового характера в неразрывной связи с ситуативным контекстом. Среди основных функций рекламного текста У. Уэллс выделяет стремление заявить о существовании товара/бренда; сформировать имидж товара/бренда; проинформировать о товаре/бренде; убедить аудиторию; побудить аудиторию к действию; напомнить о товаре/бренде; подкрепить прошлый положительный опыт использования товара [1].

Зачастую в рекламе прибегают к использованию стереотипных образов, доступных для декодирования аудиторией, так как они способствуют эффективному прагматическому воздействию на адресата. Согласно мнению

У. Липпмана, стереотипы – это предвзятые суждения, которые координируют процесс восприятия и разделяют объекты по принципу «знакомые/незнакомые», «свои/чужие» [2, с. 24]. Одним из распространенных типов социальных стереотипов являются гендерные стереотипы, которые отечественный социолог и философ Л. Г. Титаренко понимает как упрощенные, эмоционально окрашенные устойчивые образы мужчин и женщин, закрепленные за определенной гендерной группой, без учета личностных характеристик каждого представителя группы [3].

Частотные в рекламных сообщениях образы мужчин и женщин выявила К. А. Мартуль, которая проанализировала более трехсот примеров визуальной рекламы Беларуси, России и Украины. Выделенные в результате ее исследования десять стереотипизированных типов мужчин и женщин в рекламной коммуникации [4] представлены в таблице.

Типология мужских и женских образов в рекламе

Женские образы	Мужские образы
• как сексуальный объект • «фотомодель» • домохозяйка, жена, мать • «советчица», «тетка», «теща» • специалист, работающая	• нехозяйственный, «неумеха» • неудачник, «ботаник» • настоящий, «самец» • «специалист», деловой • современный, креативный

Использование тех или иных гендерных стереотипов в рекламных текстах зависит от культуры, традиций и ценностей той страны, где создается реклама, или на которую эти тексты нацелены.

Для культуры Беларуси важны духовная жизнь, соблюдение традиций и христианские ценности, однако в современное общество активно внедряются черты потребительского поведения и индивидуализма. Среди свойств характера выделяют милосердие, сострадание, почитание семейных уз и ценностей, что нередко соседствует с ленью, мечтательностью и халатностью. Несмотря на постепенные изменения в обществе, патриархальный уклад и обязательное наличие лидера остаются ключевыми чертами культуры.

К особенностям русскоязычной рекламы относятся неэффективность аргументов о получении бонусов через какое-то время (апелляция к срочности выглядит выгоднее), распространенность национальных мотивов и персонажей, значимость подтекста, высокое доверие к специалистам и советчикам, обилие штампов и стандартных выражений, перенасыщенность рекламного сообщения информацией [5].

Что касается Южной Кореи, то, по мнению ученых, немалую роль в жизни жителей этой страны играют традиции, религиозные и семейные ценности. Родственные связи являются очень прочными, а хорошие отношения в семье ценятся как главный признак счастливой жизни. Рынок Южной Кореи чаще всего сориентирован внутрь страны, поэтому традиции и национальная специфика наблюдаются в музыке, театре, рекламе. Широко

распространено поклонение стандартам красоты как среди женского, так и мужского населения. Так, реальностью современной корейской культуры выступает мужская косметика и пластическая операция в качестве подарка, при этом в корейском обществе не принято выделяться [6].

В корейской культуре использование модных вещей считается показателем хорошего вкуса. Корейский потребитель очень внимательно относится к качеству товара и послепродажному обслуживанию, поэтому реклама в этой стране содержит много количественных данных и технических подробностей. Отмечается высокотехнологичность при создании как самой рекламы, так и рекламных образов. В рекламных текстах широко используется особый милый стиль Agee-jagee, «шутки папочек», шумные переходы и неожиданные детали [7]. Корейская реклама насыщена символизмом и метафоричностью и чаще всего апеллирует к таким ценностям, как конкуренция и коллективная сплоченность [8].

Мы проанализировали 50 белорусских и 50 южнокорейских рекламных текстов (видеореклама, фотореклама и плакаты), размещенных на сайтах, в социальных сетях, на баннерах. Прежде всего, было выявлено, что из 50 рассмотренных белорусских рекламных текстов женщины появляются в 39, тогда как мужчины в 29. В 50 рекламных продуктах, произведенных в Корее, 31 раз присутствует женский персонаж и 24 раза – мужской.

Исходя из классификации ролей в рекламе, предложенной К. А. Мартуль, среди женских образов в белорусской рекламе самым частотным оказался образ домохозяйки, жены, матери, который встречается в материале исследования 15 раз. Образы сексуального объекта, фотомодели и специалиста представлены примерно в одинаковом количестве (9, 8 и 8 употреблений соответственно). Самой редкой ролью (1 упоминание) оказалась роль советчицы. Количественное соотношение женских ролей изображено на рис. 1.

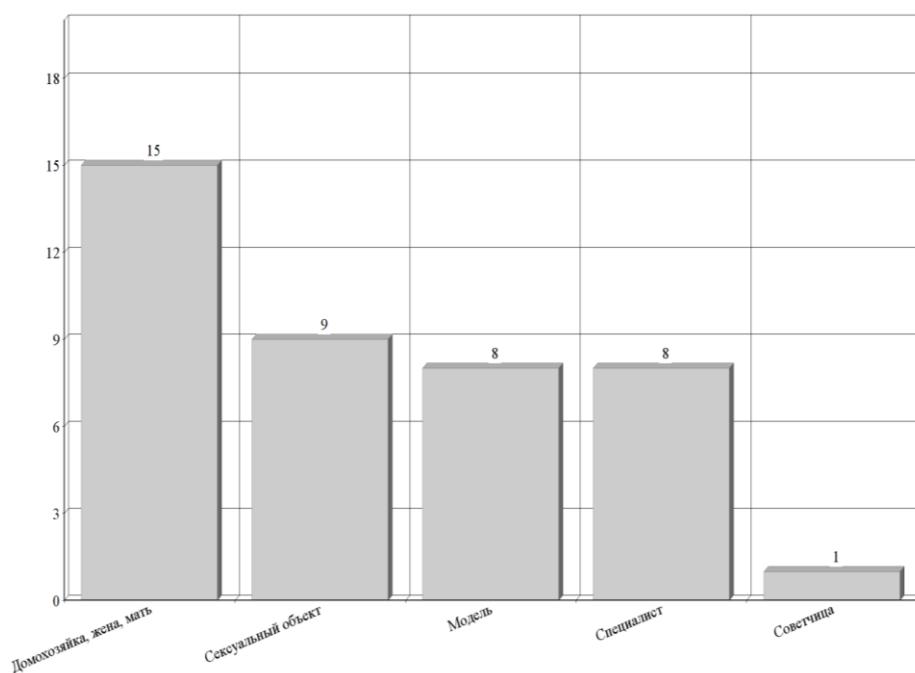

Рис. 1. Распределение женских образов в белорусской рекламе

В отличие от женщин, мужчины в белорусской рекламе чаще представлены в качестве креативного персонажа и специалиста (10 и 7 примеров соответственно). Реже встречается реализация таких ролей, как нехозяйственный мужчина (3), неудачник (2) и самец (5). Количественное соотношение мужских ролей показано на рис. 2.

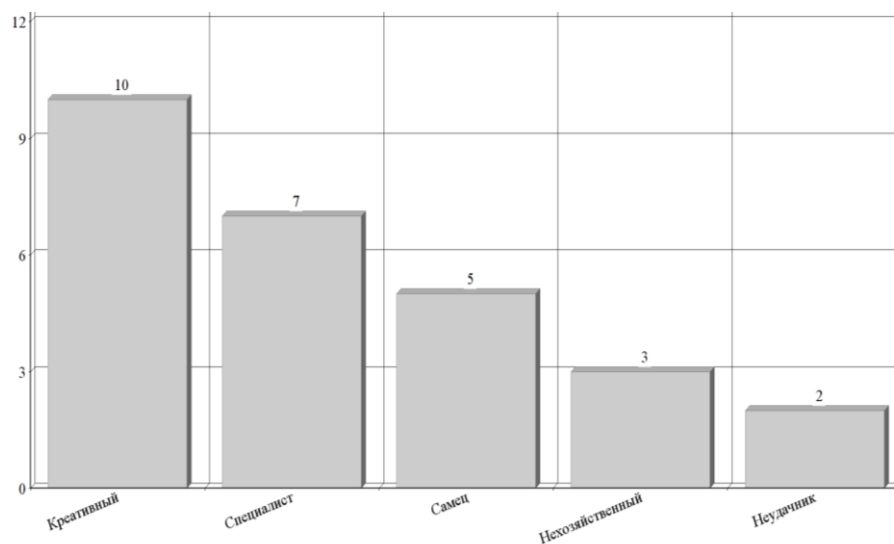

Рис. 2. Распределение мужских образов в белорусской рекламе

Проведенный анализ женских ролей в южнокорейских рекламных текстах показывает, что наиболее популярным в них является образ фотомодели (22 примера). В семи сообщениях женщина изображена как специалист, в двух – как советчица и только в одном тексте встретилось позиционирование женщины как сексуального объекта. В материале исследования отсутствует изображение женщины как домохозяйки. Соотношение женских образов в рекламной коммуникации Южной Кореи представлено на рис. 3.

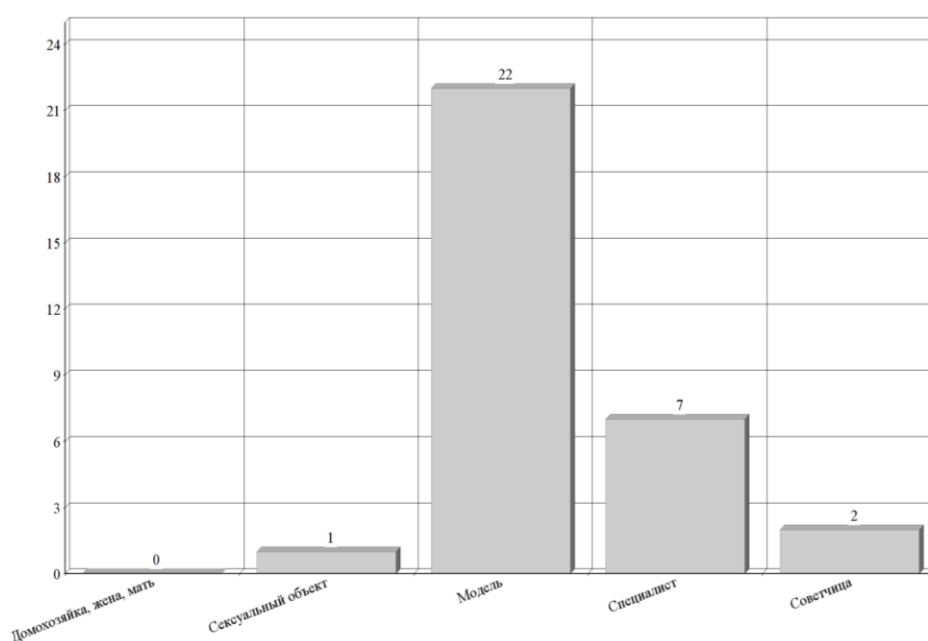

Рис. 3. Распределение женских образов в южнокорейской рекламе

В рекламе на корейском языке мужчина чаще всего изображен как креативный герой и специалист (11 и 8 примеров соответственно), в то время как роли самца, неудачника и неумехи присутствуют редко (по два употребления). Соотношение мужских ролей в корейском рекламном дискурсе показано на рис. 4.

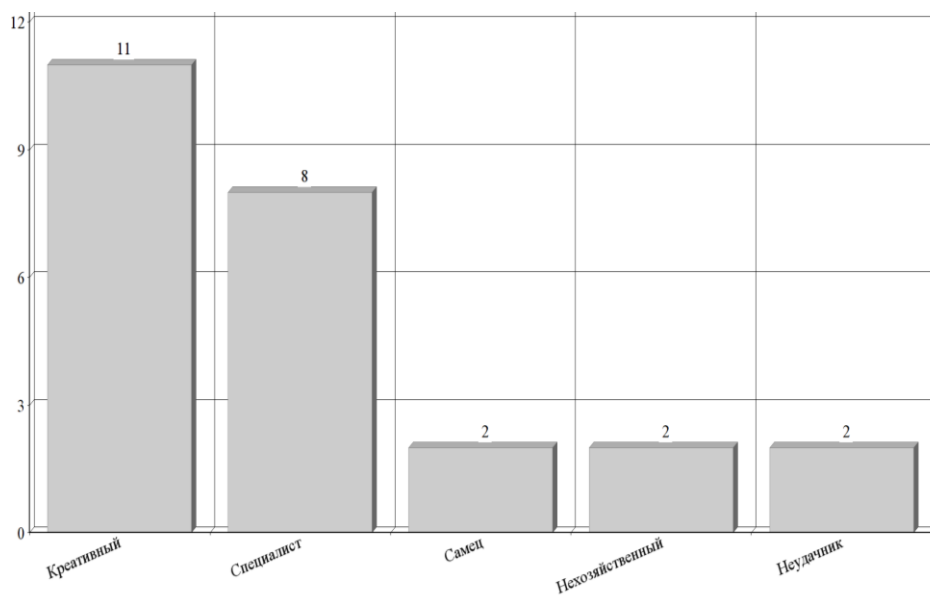

Рис. 4. Распределение мужских образов в южнокорейской рекламе

Если суммировать все женские образы, обнаруженные в проанализированных текстах белорусской и корейской рекламы, то самым распространенным среди них оказался образ фотомодели. С одной стороны, образ красивой ухоженной девушки привлекает внимание аудитории к предмету рекламы, с другой – является нейтральным и уберегает компании от обвинений в объективации. Следует отметить, что в Беларуси образ фотомодели наблюдается не так часто, как в Южной Корее. Корейские женщины в этой роли в рекламе предстают в яркой одежде и макияже. Отличительная черта белорусской рекламы состоит в том, что в ней женщины-фотомодели чаще изображаются при взаимодействии с мужчиной. При этом отсутствует шоковый элемент рекламы, который обычно используется при создании образа женщины–сексуального объекта.

Несмотря на популярность различных кампаний за гендерное равенство в мире, роль женщины как сексуального объекта все еще довольно распространена в рекламной коммуникации Беларуси, в то время как в Южной Корее выявлен лишь один пример реализации такой роли. В русскоязычной рекламе сохраняется тенденция к объективации женского образа. Например, в рекламе бытовой техники внешний вид женщины часто не соответствует ситуации – она появляется в вечернем платье, на каблуках, в специфических позах или полуобнаженной. Также в рекламных сообщениях нередко демонстрируют лишь определенные части женского тела (грудь, ноги). Тем не менее компании все чаще отказываются от исполь-

зования подобных женских образов, так как в современном мире это может скорее навредить репутации, нежели привлечь внимание и вызвать положительные эмоции аудитории.

В рекламе в обеих странах широко используется образ женщины как специалиста. В южнокорейской рекламе в этом качестве женщина профессионально занимается спортом, рассказывает о косметике, о правилах поведения на борту самолета и т. д. Героиня выглядит как модель, при этом носит специализированную одежду. В белорусских примерах обычно женщина-специалист участвует в рекламе товаров, целевой аудиторией которых являются сами женщины, а шоковая реклама использует данный образ для того, чтобы привлечь внимание к товару через разрушение устоявшихся стереотипов.

Примеров представления женщины как домохозяйки в рекламе Южной Кореи не выявлено, в то время как в белорусском рекламном дискурсе образ женщины-домохозяйки, матери, жены является достаточно частотным, присутствуя в рекламе лекарственных средств, детского питания и гигиенических средств, бытовой химии, кухонной утвари и бытовой техники, продуктов питания.

Реже всего в обоих корпусах примеров представлен образ советчицы, который в рекламе может быть реализован через образы коллеги, подруги, представительницы старшего поколения, имеющей опыт в определенной сфере и дающей советы другим женщинам. По нашему мнению, относительно невысокая частотность данного образа в рекламе обусловлена тем, что указанная роль является не самой запоминающейся, яркой и информативной по сравнению с ролью фотомодели или специалиста.

Среди мужских образов самым распространенным в обеих странах является креативный и современный персонаж, функционально соответствующий женской роли фотомодели. Этот яркий, привлекательный и неоскорбительный для зрителя образ в южнокорейской рекламе чаще всего реализуется для презентации последних новинок техники и косметических средств. В подобной белорусской рекламе успешно и по-новому применяет продукт именно мужчина, часто в присутствии женщины или по ее просьбе. При этом мужчина выполняет какое-то задание или действие, либо в рекламном сообщении подразумевается, что он уже выполнил либо еще выполнит его.

В Беларуси мужчина чаще, чем в Южной Корее, демонстрируется в образе специалиста. В рекламных текстах на русском языке роль мужчины подчеркивается одеждой (фартук, лабораторный халат) или аксессуарами (ноутбук, наушники), также нередко указывается настоящее имя и должность специалиста, участвующего в рекламном ролике.

Роль нехозяйственного мужчины довольно редко актуализируется в проанализированных рекламных материалах обеих стран. В корейских рекламных текстах встретилось два примера изображения нехозяйственного мужчины. При этом он оказывается неумелым в решении бытовых вопросов,

а на помощь ему приходит либо женщина, либо рекламируемый товар. Похожая ситуация наблюдается и в белорусской рекламе – мужчина-неумеха не может справиться с заданием или выполняет его таким образом, что женщина, которая появляется позже, вынуждена исправлять ситуацию. В проанализированных текстах такой нехозяйственный мужчина часто выглядит «по-домашнему» и нередко изображается лежащим на диване.

Похожим образом в рекламе показан и мужчина-неудачник – его спасает женщина; либо он выглядит несовременным из-за того, что не пользуется определенным товаром. Данный образ не является популярным ни в Южной Корее, ни в Беларуси.

Роль мужчины-самца, которая соотносится с женским образом сексуального объекта, чаще всего привлекается для рекламы косметики и продуктов питания. Мужчина в этой роли выступает в контакте с женщиной, демонстрирует характеристики образа самца не только внешним видом, но и действиями по отношению к партнерше, при этом подчеркивая свое доминирующее положение. Большее количество примеров реализации указанной роли в белорусской рекламе (5) по сравнению с южнокорейской (2) может свидетельствовать о присутствии объективации при формировании не только женских, но и мужских образов. Образ самца используется для привлечения внимания и большей запоминаемости рекламируемого товара/услуги, однако в современном мире такие образы не относятся к социально одобряемым, поэтому большинство компаний стараются их избегать.

Результаты данного исследования могут быть использованы работниками рекламной сферы и PR-специалистами при организации рекламных кампаний, особенно для продвижения на внешний рынок. Например, в Великобритании для того, чтобы устранить проблему гендерного неравенства, с июня 2019 года действует запрет на рекламу, демонстрирующую «вредные» гендерные стереотипы, например, изображение мужа, лежащего на диване, и жены, наводящей порядок в квартире. В Беларуси в настоящее время такие меры не приняты, поэтому отечественные компании должны ответственно относиться к рекламному контенту, чтобы сохранить свою аудиторию и привлечь новых клиентов. Именно поэтому исследования в области гендерных стереотипов в рекламе сегодня чрезвычайно актуальны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уэллс, У. Реклама. Принципы и практика / У. Уэллс [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://econ.wikireading.ru/74559>. – Дата доступа : 12.11.2019.
2. Lippmann, W. Public Opinion / W. Lippmann [Electronic resource]. – Mode of access : [https://wnorton.com/college/history/america9/brief/docs/WLippmann - Public _Opinion-1922.pdf](https://wnorton.com/college/history/america9/brief/docs/WLippmann-Public_Opinion-1922.pdf). – Date of access : 17.09.2019.
3. Титаренко, Л. Г. Гендерные стереотипы / Л. Г. Титаренко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.socionic.ru/index.php/g/6381-gendernye_stereotypy?format=pdf. – Дата доступа : 19.09.2019.

4. Мартуль, К. А. Гендерный аспект визуальной рекламной коммуникации / К. А. Мартуль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://elibrary.ru/item.asp?id=38584808_96624123. – Дата доступа : 17.09.2019.
5. Особенности российской рекламы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://helpiks.org/9-13602.html>. – Дата доступа : 10.09.2020.
6. Обычаи и традиции Южной Кореи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://southkorealive.ru/kultura-i-tradicii/page/2/>. – Дата доступа : 09.09.2020.
7. Маркетинг в Южной Корее [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.cossa.ru/trends/235313/>. – Дата доступа : 10.09.2020.
8. An empirical comparison of online advertising in four countries: Cultural characteristics and creative strategies [Electronic resource]. – Mode of access : <https://link.springer.com/article/10.1057/jt.2010.18>. – Date of access : 11.09.2020.

Поступила в редакцию 30.09.2021

УДК 81'42(045)

Еромейчик Татьяна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatsiana Eromeitchik
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Speech Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
Tatsiana_Eromeitchik@tut.by

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ КАК ФОРМА МОНОАДРЕСАЦИИ В ДИСКУРСЕ РЕКЛАМЫ

INTERACTIVITY AS A FORM OF MONOADDRESSATION IN THE ADVERTISING DISCOURSE

В статье рассмотрена адресованность как доминантная текстовая категория рекламного текста, особая роль которой обусловлена специфическими характеристиками дискурса рекламы и прагматической задачей модификации поведения конкретной целевой аудитории. Автор разворачивает свой анализ в рамках теории диалогичности, подразумевающей наличие в любом высказывании фактора адресата. В фокусе исследования находятся две основные стратегии манифестации адресованности – прямая и косвенная номинация реципиента. В результате определяется репертуар наиболее значимых для рекламной коммуникации приемов диалогизации на композиционно-содержательном и языковом уровнях (аксиологических, экспрессивно-стилистических, концептуальных, невербальных, тематических и т.д.).

Ключевые слова: дискурс рекламы; адресованность; интерактивность; фактор адресата; адресация; прагматика.

The article explores targeting as a dominant text category of an advertising text, the specific role of which is determined by some particular characteristics of the advertising discourse and the pragmatic task of modifying the behavior of a concrete target audience. The author develops

the analysis within the framework of the theory of dialogicity, which implies the presence of the addressee in any utterance. The research focuses on the two main strategies for manifesting targeting – direct and indirect nomination of the recipient. As a result, we define dialogization techniques, which are most significant for the advertising communication at the content and linguistic levels (axiological, expressive-stylistic, conceptual, non-verbal, thematic, etc.).

Key words: *advertising discourse; targeting; interactivity; addressee factor; addressation; pragmatics.*

Изучение вопросов эффективной внешней коммуникации организации сегодня является динамично развивающейся, активно ставящей новые проблемы областью лингвистических исследований. В ситуации тотального влияния медиасреды на общественное и индивидуальное сознание, повсеместного использования новых коммуникационных технологий и медийного конструирования публичной сферы особый интерес представляет дискурс рекламы как специфический тип современной социокультурной практики.

В настоящее время в науке существует множество определений феномена рекламы, что говорит о ее полифункциональности, сложности и многогранности. Анализ имеющихся трактовок позволяет выделить две базовые парадигмы в рассмотрении рекламы – маркетинговую и социально-культурологическую. В соответствии с маркетинговым подходом рекламу традиционно рассматривают как «неперсонифицированную оплачиваемую передачу информации, имеющую характер убеждения и распространяемую посредством различных носителей» [1, с. 5]. В рамках социально-культурологического подхода реклама трактуется как «особый инструмент социокультурного формирования предпочтений и стандартов, определяющий нормы и стили социального поведения людей, сущностно затрагивающий ценностно-смысловые аспекты их общественного бытия, включая эстетические и художественно-творческие предпочтения» [2, с. 3]. То есть реклама представляет собой специфическую область социальной массовой коммуникации, в рамках которой осуществляется постоянный процесс создания и трансляции смыслов.

При этом в силу имеющейся неравноправности коммуникативных ролей участников данного речевого взаимодействия, несовпадения поля зрения, асинхронности воспроизведения момента речи рекламу относят к особому дискурсу неканонической коммуникации, которая интересна тем, что как бы предполагает диалог, представляя особый текст, предназначенный для функционирования в нестандартной коммуникативной ситуации [3, с. 7]. Так, лингвопрагматический потенциал текста в рекламном дискурсе детерминруется прагматической установкой, для успешной реализации которой принимаются во внимание не только свойства объекта рекламирования (товара или услуги), но, прежде всего, фактор адресата.

Философия диалогизма связана в лингвистике с идеями М. М. Бахтина, который отмечал, что необходимым признаком любого высказывания является его адресность, представляющая собой особую коммуникативную категорию, под которой понимается «целевая, содержательная и формальная ориентированность речи на адресата сообщения» [4, с. 247].

По мнению Е. А. Баженовой, способ вербального представления сообщения всегда осуществляется с учетом «фактора адресата» – одного из компонентов сложного комплекса экстралингвистических факторов, детерминирующих как глубинную, так и поверхностную структуру текста [5]. Подобная доминантная роль адресата в текстообразующей деятельности адресанта обусловлена тем фактом, что достижение коммуникативной цели в рамках любого речевого произведения возможно только при условии его адекватного восприятия реципиентом. Поэтому адресант вынужден строить текст, «ориентируясь на определенный уровень подготовленности потенциального интерпретатора, стремиться в той или иной мере предусмотреть его возможные реакции, т.е. постоянно сверять свой замысел с формой его воплощения в тексте» [6, с. 24].

Специфичность рекламы как раз и состоит в том, что она, реально не имея возможности обратиться лично к каждому адресату в силу физической разобщенности и неопределенной массовости реципиентов и отправителей, тем не менее создает видимость интерперсональной коммуникации и отличается специфической диалогичностью. Данная особенность объясняется тем, что любое рекламное сообщение как бы заочно диалогизирует с потенциальным адресатом и полемизирует с соперником.

Как пишет Е. С. Попова, «адресант должен учитывать присутствие адресата, его исходные знания, установки, систему мотивации, то есть пресуппозиции, которые обеспечивают адекватное восприятие передаваемой информации и позволяют рекламе найти своего потребителя» [7, с. 10]. С одной стороны, это учет социальных характеристик адресата, что выражается в выборе адекватных языковых средств, с другой стороны, это ориентировка на апперцепционные возможности, проявляющиеся в том, что продуцируется текст, доступный пониманию реципиента.

Кроме того, в контексте неблагоприятных для реализации авторской интенции условий данной коммуникации – разобщенности во временном и пространственном отношении участников рекламной ситуации, неопределенной массовости реципиентов, нежелательности, недоверия и предубеждения аудитории – подобная интерактивность становится одним из эффективных инструментов привлечения внимания и возбуждения интереса потребителя, трансформации полиадресатного рекламного текста в моноадресатный и более индивидуализированный.

Для конкретизации влияния фактора адресата на формирование речеповеденческого потенциала адресанта в дискурсе рекламы нами было предпринято исследование современных контекстов англоязычной, белорусско- и русскоязычной рекламной коммуникации. Отобранные методом сплошной выборки рекламные сообщения были подвергнуты лексикографическому и контекстологическому анализу, цель которого состояла в реконструкции образа адресата с помощью пересекающихся, взаимодополняющих признаков, субъекта восприятия, вербализованных в тексте на различных языковых уровнях.

Исследование показало наличие двух основных стратегий манифестации адресованности – прямой номинации реципиента и косвенного, контекстологического создания образа адресата.

Первая стратегия отличается достаточно низкой частотностью. При этом самым распространенным средством называния адресата рекламного текста являются имена нарицательные в позиции обращения или бенефактивные номинативные конструкции, характеризующие адресата по социальным: *Tempur-Pedic. Playground of the rich. And famous* ‘Площадка для игр богатых. И знаменитых’; демографическим: *Журнал «Апельсин». Для крутых мальчишек и девчонок*; психографическим: 1) *To thinkers, dreamers, observers, wonderers, pundits, lovers of all things original. Borders* ‘Для мыслителей, мечтателей, наблюдателей, странников, экспертов, любителей всего оригинального’; 2) ООО «Зов-Древ». *Выбор людей, которые заботятся о своем здоровье и здоровье своих близких*; гендерным: 1) *Vitex for Men. Косметика для истинных мужчин*; 2) *Michael Kors. A chic, luxurious, sexy fragrance for women* ‘Шикарный, роскошный, сексуальный аромат для женщин’; эмоциональным: *Cacharel. For passionate, impulsive, electric* ‘Для страстных, импульсивных, волнующих’; профессиональным параметрам: *БелВэб. Пакеты услуг для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц*.

Вторая стратегия в корпусе проанализированных контекстов составляет абсолютное большинство, что позволяет рассматривать ее как доминантный способ диалогизации в дискурсе рекламы. Реализуется данная стратегия посредством ряда маркеров: лексических, экспрессивно-стилистических, концептуальных, невербальных, тематических, стереотипных и т.д. В качестве примера можно рассмотреть рекламную кампанию кондитерской фабрики «Витьба», которая ориентирована на молодежь. Так, в целях моноадресации адресант прибегает к использованию неформального обращения на «ты», сокращающего дистанцию, молодежного сленга, темы учебы, дружбы, конфронтации с родителями, а также демонстрирует нонконформистский и бунтарский аспекты социального взаимодействия: 1) *Тебе ставят выбор – она или друзья? Спроси у друзей, что захватить! Отиивай по-черному!*; 2) *Родителям не нравится, как выглядит твой парень? Просто выключи свет! Договорись по-черному!*; 3) *Попал на тусовку в новую компанию? Громко поблагодари всех, что пришли! Вливайся по-черному!*; 4) *Родители заставляют ходить к репетитору? Изучай с ним фильтры для селфи! Выкручивайся по-черному!*

Таким образом, в текстах рекламной коммуникации косвенное конструирование образа адресата осуществляется как на композиционно-содержательном, так и языковом уровне.

В рамках композиционно-содержательного уровня наиболее распространенным является употребление элементов, репрезентирующих картину мира, стиль жизни и социальный статус адресата.

В текстах рекламной коммуникации модель мира того адресата, для которого предназначен текст, создается посредством соответствующих аксиологических, концептуальных и тематических маркеров. Так, в англо-

язычном корпусе большинство контекстов строится с опорой на морально-этические (помощь и сотрудничество, сострадание, бескорыстие и щедрость, совесть и т.д.): *She needs shoes, clothing, food in the home. This shouldn't be what a five year old in America has to think about. Children Inc.* 'Ей нужна обувь, одежда, еда. Пятилетний ребенок в Америке не должен об этом волноваться' и общественно-социальные (семья, активность, дисциплина, индивидуализм, прагматизм, оптимизм и т.д.) ценности: *Finally, a shipping company that works with you the way you want to work. DHL* 'Наконец, транспортная компания, которая работает с Вами так, как Вы хотите'. При этом высокий уровень жизни и благосостояние населения снижает актуальность демонстрации витальных ценностей.

В белорусском корпусе, наоборот, преобладает апелляция к потребностям в безопасности и самосохранении в связи с существующими непростыми экологическими и социально-психологическими условиями жизни. В этой связи белорусская рекламная коммуникация использует в большей степени витальные (безопасность, здоровье, экология, жизнь): 1) ОАО «Здравушка-милк». *Ощути вкус полезного*; 2) *Слышишь? Это голос живой природы. Если ты хочешь, чтобы это пение слышали твои дети и дети твоих детей, обрати внимание на новую линию изделий «Речицкого Текстиля» «Эколайн»* и гражданско-политические ценности (патриотизм, государство, родина, национальный язык), актуальные для отечественного потребителя: 1) *Мае першае слова «сябар».* *Якім будзе тваё першае слова на роднай мове?*; 2) *Хлеб – тое, што нас аб'ядноўвае.*

При этом указанные маркеры не только позволяют реконструировать культурно-национальные особенности аудитории, но и ее гендерную специфику.

Так, в большинстве случаев маскулинности атрибутируются такие качества, как рациональность, активность, стабильность. Поэтому в рекламных сообщениях для мужчин наблюдается преобладание рациональной оценки, насыщенной логической информацией: ОАО «БелКредо» *специализируется на выпуске одежды для мужчин. Большой опыт работы, использование высококачественных тканей известных производителей, фурнитуры высшего качества, а также осуществление строгого контроля на всех стадиях производства позволяют изготавливать продукцию, соответствующую потребностям самого взыскательного покупателя.*

Фемининности же стереотипно приписываются такие характеристики, как эмоциональность, пассивность и неустойчивость. В связи с этим в рекламных объявлениях, рассчитанных на женскую аудиторию, чаще используются эмоциональные оценки, направленные на изменение эмоционального состояния реципиентов: *Fall in love! Clairol. Inspired by the romance, the fashion, the free spirit of fall* 'Влюбляйтесь! Clairol. Вдохновленный романтикой, модой и свободным духом осени'.

Особый интерес представляет и различный выбор концептуальных характеристик для квалификации одного и того же объекта в рекламных сообщениях, адресованных разным гендерным группам. Анализ свидетельствует

о том, что в рекламе для мужской аудитории в большинстве случаев акцентируется набор черт, связанных с уверенностью, успешностью, профессионализмом, деловой сферой. В рекламных сообщениях для женской аудитории типичным является ряд черт, напротив, связанных со слабостью, мягкостью, заботой, семейным благополучием. Указанную тенденцию можно наблюдать в рекламных обращениях ОАО «Коммунарка», где изображение мужского персонажа сопровождается слоганом *Шоколад для большого офиса*, а женского персонажа – *Шоколад для большой семьи*.

Адресованность различным гендерным группам реализуется также в дискурсе рекламы за счет особого цветового решения (женские розовые и сиреневые, мужские коричневые и синие цветовые гаммы), шрифтового варьирования (мужские строгие лаконичные и женские изящные витиеватые шрифты), тематического варьирования (женские темы внешнего вида, здоровья, семьи и мужские темы политики, машин, спорта, хобби) и иных маркеров. Включение подобных элементов в структуру рекламного сообщения позволяет сделать его доступным, понятным, интересным и актуальным для определенной целевой аудитории.

Показательным является также и выбор соответствующей стратегии аргументации. Так, безэмоциональное представление информации, перечисление фактов, апеллирование к реальности, доказательность, отсутствие экстравагантности, как правило, используется в рекламе, адресованной мужской аудитории либо аудитории среднего возраста, склонной в своих потребительских решениях опираться на факты и опыт: *A Sentient Jet membership is the smartest way to fly privately. The safety you demand. The service you expect. The value you deserve* ‘Членство в Sentient Jet – самый разумный способ частных полетов. Безопасность, которую Вы требуете. Сервис, которого Вы ожидаете. Значимость, которую Вы заслуживаете’.

Повышенная эмоциональность, апелляция к чувствам – это характерная черта рекламы, адресованной женской аудитории или старшим возрастным группам: *Retirement is like a second childhood. Now, what do you really want to be when you grow up? Retirement is the fountain of youth. The personal Advisors of Ameriprise Financial work with you one-on-one, face-to-face from day one to help you plan the retirement you want* ‘Пенсия – это второе детство. Итак, кем Вы действительно хотите быть, когда вырастаете? Пенсия – это источник молодости. Персональные консультанты Ameriprise Financial работают с Вами один на один, лицом к лицу с первого дня, чтобы помочь Вам спланировать пенсию, которую Вы хотите’.

Рекламу, рассчитанную на детскую аудиторию, отличают общая установка на развлекательность, игровой сюжет, яркое оформление, юмор, сказочные персонажи. Например, реклама детских косметических средств *Витэкс. Kosmo Kids*, в которой красочные изображения панды, робота или монстра сопровождаются текстом *Отправляйся с командой супергероев в увлекательное космическое путешествие по загадочным планетам! Открой тайну космических пузырьков!*

Достигнуть своего реципиента позволяет рекламодателю и широкий инвентарь языковых средств адресации.

Во-первых, специфический выбор лингвистических средств делает рекламное сообщение доступным и актуальным для адресата за счет апелляции к его языковому опыту. Реализация этой цели связана с включением в текст узкоспециальных слов, профессионализмов, заимствований, жаргонизмов и т.п.: 1) *Ярко. Круто. Безопасно. Управление ГАИ МВД Республики Беларусь*; 2) *Онега. Веселый перехруст*; 3) *Завісаем разам на хвалі чорнага кваса. «Аліварскі квас»*.

Обеспечить автоматическое восприятие и положительную эмоциональную реакцию позволяет и апелляция к коллективному опыту посредством использования идиоматических единиц, клишированных элементов, прецедентных феноменов: 1) *Дзерці бульбу. Няма дурных. Кухонны камбайн Bosch*; 2) *Если вы не идёте в офис – значит, офис идёт к вам. Сервис «Удалённый офис» от А 1*; 3) *Раньше – авоська, теперь – эко-френдли. «20 копеек» сразу сделано вкусно!*

Во-вторых, ряд языковых приемов позволяет установить контакт с адресатом и вовлечь его в рекламное взаимодействие. Наиболее частотными из них являются побудительные, вопросительные и восклицательные конструкции, а также междометия, создающие видимость интерперсональной коммуникации и заряжающие адресата соответствующими эмоциями: 1) *Where do you need to be? How will you get there? Does it matter? Yes, it matters. The most modern fleet in the world. Singapore Airlines* ‘Где Вам нужно быть? Как Вы туда доберетесь? Это имеет значение? Да, это важно. Самый современный флот в мире. Сингапурские авиалинии’; 2) *О чем говорит Ваше тело? Оно говорит о характере. Говорит о нежности. Serge*; 3) *Вы любите получать подарки? Фирменные магазины «Belwest» подарят вам радость от новой летней коллекции*; 4) *Wow! Quidad*; 5) *Блистай! Целуй! Сияй! «Мила»*.

Эффект присутствия адресата в тексте достигается также при помощи использования инклюзивного «мы», представляющего собой риторическое средство достижения согласия: 1) *Растем вместе с «Депи». Минская Марка*; 2) *Мы доверяем близким людям, потому что они желают нам лучшего. Мы доверяем профессионалам, потому что на их опыт можно положиться. Мы доверяем стерилизованному молоку «Савушкин Продукт», в котором специалисты сохранили все лучшие качества натурального молока без консервантов*; 3) *Let's maximize the impact of every dollar we spend. The CIT Group* ‘Давайте максимально увеличим отдачу от каждого потраченного доллара. Группа компаний CIT’; 4) *Philips. Let's make things better* ‘Давайте сделаем мир лучше’.

Аналогичный эффект привносят в текст и иные маркеры интеграции – лексемы *все, вместе, наш, единый, каждый* и т.п.: 1) *Ни один ребенок не откажется от глазированных сырков, особенно если это невероятно вкусные, нежные сырки «Околица»*; 2) *Вместе навсегда. ОАО «Бобруйский мясокомбинат»*; 3) *Не превращайте нашу жизнь в свалку! Санитарно-Эпидемиологическая Служба Республики Беларусь*.

Высокой частотностью в дискурсе рекламы обладает использование личных и притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица, обеспечивающих сокращение дистанции и солидаризацию рекламодателя и адресата: 1) *You know how you said you'd never switch? You lied. Winston* 'Знаешь, как ты сказал, что никогда не изменишь своей марке? Ты соврал'; 2) «*Савушкин продукт*». *Твоя красота – твой успех!*; 3) «*Южки*». *Я люблю!*; 4) «*Душевное радио*». *Незабываемые мгновения твоей жизни*.

Таким образом, адресация является важным организующим элементом рекламной коммуникации и во многом определяет ее успешность. Высокая прагматическая значимость создаваемого посредством структурно-содержательных или языковых элементов имманентно присутствующего в рекламном тексте образа адресата объясняется его вкладом в реализацию ключевых функций дискурса рекламы – интегративной и манипулятивной. Апелляция к соответствующей картине мира, социальному и демографическому статусам адресата вместе с использованием привычных языковых стратегий и средств устанавливает положительный контакт с аудиторией, создает долгосрочные связи с объектом рекламы, снижает критичность при восприятии рекламной информации, обеспечивает автоматическое усвоение предлагаемых оценок и инструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бове, К. Л. Современная реклама / К. Л. Бове, У. Ф. Аренс. – Тольятти : Издат. Дом «Довгань», 1995. – 704 с.
2. Коновалова, Е. Н. Знаковая сущность рекламной коммуникации : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Е. Н. Коновалова; Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2006. – 18 с.
3. Спирчагова, Т. А. Функционально-коммуникативные особенности рекламного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Спирчагова ; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2008. – 26 с.
4. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – С. 237–280.
5. Баженова, Е. А. Средства адресации в научном тексте / Е. А. Баженова // Медиастилистика [Электронный ресурс]. – 2012. – № 4. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1240>. – Дата доступа: 04.08.2021.
6. Рябцева, Н. К. Ментальные перформативы в научном дискурсе / Н. К. Рябцева // Вопр. языкознания. – 1992. – № 4. – С. 12–28.
7. Попова, Е. С. Рекламный текст и проблемы манипуляции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. С. Попова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2005. – 27 с.

Поступила в редакцию 03.09.2021

Еромейчик Татьяна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры речеведения и теории
коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatsiana Eromeitchik
PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Department
of Speech Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
Tatsiana_Eromeitchik@tut.by

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕТЕВОЙ СПОРТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

SPEECH AGGRESSION AS A WAY OF SOCIAL INTERACTION IN NETWORK SPORTS COMMUNICATION

Статья посвящена рассмотрению феномена речевой агрессии как проявления аксиологического эмоционального реагирования в процессе компьютерно-опосредованной спортивной коммуникации. В фокусе работы находится спортивный интернет-форум как наиболее репрезентативный конфликтосодержащий жанр дискурса белорусских болельщиков. Автор определяет дискурсивные характеристики и типологию речевой агрессии в виртуальной среде, устанавливает репертуар наиболее частотных лингвистических механизмов пейоративной оценки, используемых с целью дискредитации и провокации негативного эмоционально-психологического состояния.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *речевая агрессия; конфликтogenicность; дискредитация; спортивный дискурс; сетевая спортивная коммуникация; спортивный интернет-форум.*

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of speech aggression as a manifestation of an axiological emotional response in the process of computer-based sports communication. The paper focuses on the sports Internet forum as the most representative conflict-containing genre of discourse of Belarusian fans. The author determines the discursive characteristics and typology of speech aggression in virtual environment, establishes the repertoire of the most frequent linguistic mechanisms of pejorative appraisal used to discredit and provoke a negative emotional and psychological state.

Key words: *speech aggression; conflict potential; discrediting; sports discourse; network sports communication; sports internet forum.*

Вопросы коммуникативного взаимодействия находятся в центре внимания лингвистической науки и целого ряда смежных дисциплин. В условиях стремительного падения общего уровня культуры, размытости границ дозволенного и недозволенного, релятивизма ценностей и так называемой демократизации языка особую остроту, сложность и актуальность в современном научном сообществе приобретает проблема изучения этической составляющей речи и разработки принципов общения, в котором *речевая агрессия* является одним из имманентных аспектов.

Феномен «речевой агрессии», «языковой агрессии», «вербальной агрессии» широко обсуждается как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе последних десятилетий. Однако следует отметить, что разно-

образе функциональных возможностей и выражения вербальной агрессии обуславливает тот факт, что сегодня нет единой общепринятой концепции и четкого определения статуса данного явления.

Анализ имеющихся дефиниций агрессивной коммуникации позволяет определить ее как особое конфликтогенное речевое поведение, в основе которого лежит негативизирующее воздействие на адресата. Так, Ю. В. Щербина предлагает понимать под речевой агрессией «проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [1, с. 13].

В работе И. Б. Лазебной речевая агрессия рассматривается как следствие переживания адресатом негативных эмоций. Автор утверждает, что «речевой акт агрессии, реализуя регулятивную функцию языка, является средством речевого воздействия говорящего на адресата, направленным на изменения в его деятельностной или эмоциональной сферах, путем апелляции к его чувству страха или опасения» [2, с. 4–5]. Это в полной мере согласуется с идеей о двойственной природе агрессии, которая не только реализует стратегию нанесения оппоненту психологического ущерба, но, главным образом, является биологическим защитным механизмом [3, с. 130].

Как полагает Т. А. Воронцова, в основе любого агрессивного общения независимо от типа коммуникации лежит установка адресанта на антидиалог: «данный тип речевого поведения характеризуется двойной интенцией: 1) выражение негативного отношения к кому-либо (аффективный вектор речевой агрессии); 2) ориентация на субъектно-объектный тип общения с адресатом, которая проявляется в деструктивном речевом поведении (прагматический вектор)» [4, с. 8].

Другими словами, целью агрессивной коммуникации становится давление на адресата, коррекция ситуации в пользу адресанта с демонстрацией его превосходства. При этом существуют различные формы проявления речевой агрессии – прямая и непрямая, продуктивная и конфликтная, инструментальная и неинструментальная, непосредственная и опосредованная, спонтанная и подготовленная и т.п. Представляется, что среди множества критериев наиболее значимым для квалификации речевого акта как имеющего деструктивную интенцию является параметр осознанности и неосознанности. Осознанная речевая агрессия, по мнению О. И. Соколовой, возникает в ситуации инвективы, предъявления претензии, обиды, демонстрации негативного отношения к собеседнику или к третьему лицу, в то время как отличительной чертой неосознанной речевой агрессии является отсутствие у адресанта намеренного негативного акта по отношению ко второй стороне коммуникации, но при этом собеседник воспринимает речевое высказывание как агрессивное, наносящее ему моральный вред в силу нарушения требований, предъявляемых к тону, громкости речи и другим вербальным и невербальным характеристикам [5].

Таким образом, вслед за А. В. Денисовой, мы расцениваем коммуникацию как агрессивную, нарушающую моральные и правовые нормы только в том случае, если коммуникативный акт предполагает открытое проявление неприязненного отношения; демонстрацию намерений физического воздействия; применение в речи языковых форм, эксплицирующих враждебное состояние; использование специфических форм эмоционального воздействия, ущемляющих чувство достоинства адресата [6, с. 55].

Речевая агрессия свойственна практически всем видам дискурса. Тем не менее в разных текстах деструктивная тональность выражается с различной степенью очевидности. Несомненно, существуют такие совокупности текстов, которые являются агрессивными по своей жанровой принадлежности. Наиболее показателен в отношении вербальной агрессии один из периферийных жанров спортивной коммуникации – спортивный интернет-форум, представляющий собой синхронно-асинхронный виртуальный полилог, специфику которого определяет как повышенная конфликтogenicность и соревновательство института спорта в целом, так и субъективные аффективные предпочтения коммуникантов.

Спортивный интернет-форум – это гибридное дискурсивное пространство, объединяющее квалифицирующие параметры институциональной спортивной и электронной коммуникации: анонимность, иерархичность, широкий спектр коммуникативных ролей и смысловых позиций, разнообразие видов адресации и речевого взаимодействия, политематичность, специфический коммуникативный код и т.д. При этом, как отмечает М. А. Овсянникова, особенностью электронной открытой коммуникативной среды спортивного интернет-форума является то, что болельщик из клиента спортивного дискурса здесь переходит в разряд агентов, то есть становится активным участником коммуникации, а прежде активные участники трансформируются в вербально пассивные объекты обсуждения [7, с. 3]. Большая часть дискурсивного пространства, формируемого спортивными болельщиками, определяется личными предпочтениями, а потому пронизывается концептами «свой» и «чужой». В этой связи дискуссии болельщиков на спортивных форумах отличаются высокой степенью эмоциональности, экспрессивности и оценочности, что не редко предполагает достаточно агрессивное коммуникативное противостояние.

Источником материала для настоящего исследования конфликтного потенциала сетевой спортивной коммуникации послужили открытые сообщения трех субтем интернет-форума официального сайта белорусской спортивной газеты «Прессбол» – «Обсуждение новостей и статей», «Белорусский футбол», «Белорусский хоккей» – как наиболее репрезентативные по количеству участников и сообщений (<https://forum.pressball.by>).

В результате контент-анализа текстов указанных субтем было установлено, что пейоративная квалификация в достаточно конфликтной манере характерна для 75 % из них. Наблюдаемая асимметрия свидетельствует об экспансии речевой агрессии в коммуникации спортивных болельщиков и снижении речевой культуры в виртуальных сообществах в целом.

Объектом вербальной агрессии болельщиков становятся, как правило, а) спортсмены своей команды: 1) *Женя Чернухин, рано тебе быть главным в команде т.н. вышки – играй пока без мяча: все равно ведь не знаешь, что с ним делать;* 2) *Гуренко последние лет пять можно удалять в каждом матче. Истерика чуть ли не после каждого штрафного, уголовного, аута не в пользу «Динамо». Надеюсь, хоть сейчас дисквалифицируют неадекват*¹;

б) спортсмены команд-соперников и их болельщики: 1) *Но тогда кто Витебск?! Команда с абсолютной игровой импотенцией. Такое впечатление, что его игроки тренируют только держание мяча ради собственно держания;* 2) *Я понял, почему Антич играет в этом д*ме, а не в нормальной команде, тут он звезда;* 3) *Гостарбайтеры из Солигорска)))*;

в) тренеры: 1) *Миша, просто уйди и никогда в эту сборную не возвращайся, позорище ты 21 века, проклятье сборной!;* 2) *Это полный абзац... Чел ничего в жизни не добился как вратарь, даже в «Юности 92» и нигде не играл толком, а тут бац – тренер вратарей «Динамо Минск» ;*

г) спортивные администраторы: 1) *Руководство шахты уже в конце оборзело от наглости, взяли в аренду и заплатили кучу денег за 8 минут!!! Твари!!!;* 2) *Кузьмин в очередной раз поплыл. “Вне игры” было не критическое, поэтому, согласно последним рекомендациям ФИФА арбитр не обязан свистеть. Странно, что представитель департамента судейства до сих пор не знаком с правилами игры;*

д) судьи: 1) *Сидят и думают какую же оценку поставить. Как в КВНе фанерки поднимают))));* 2) *Был у нас самый нормальный судья, правда, бухать любил, но он пьяный в разы лучше судил матчи, чем вся эта судейская банда вместе взятые...;*

е) другие участники форума: 1) *Какую только ахинею не услышишь от тебя. Такое чувство, что корован на форум залез;* 2) *Дурень, если не понимаешь разницы в финансировании «Барселоны» и государственного клуба «Динамо Минск», не позорься, чудик. Вот когда станешь спонсором, тогда можешь свой бред писать.*

Как видно из приведенных примеров, предметом эмоциональной оценки выступают промахи спортсменов и низкий уровень профессионализма, в то же время нередко фанаты переходят на личности и критикуют различные социально-психологические характеристики субъектов спорта.

Например, указывают на этническое происхождение индивида в уничижительном или оскорбительном контексте: 1) ***Едь назад в свой чуркастан и за него и выступай;*** 2) ***Ну так тоже ехай в Россию, ты нам не нужен, и медаль твоя, в аул, кержсанжибермухамедов ибн хоттаб.***

Нередко предметом агрессии становится излишняя с точки зрения участников форума финансовая заинтересованность спортсменов и тренеров: 1) ***Просто немощные ... аж глаз резало... непонятно даже близко за что***

¹ Здесь и далее все примеры приводятся в авторской редакции с сохранением стиля, орфографии и пунктуации

люди такие зарплаты получают... за ходьбу пешком?; 2) У меня, когда он говорит о пятаке, первая ассоциация отнюдь не с хоккеем связана, а с корытом...

В отношении женской половины спорта традиционно присутствуют достаточно резкие и оскорбительные комментарии по поводу внешности: *Какой из этих крокодилов Махнева?* или интеллектуальных способностей: 1) *Дельное произведение. Рановато, на мой взгляд. Догнать бы литературу седьмого класса* и 2) *Начни смотреть фиксиков, потом букварь. Через 10 лет можно А. Барто пробовать* (реакция на сообщение А. Соболенко о планах прочитать роман Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол»).

Оценивая действия и результаты подготовки участников спортивных событий, любители спорта выражают целую гамму негативных эмоций, наиболее частотными из которых являются презрение, возмущение и недоумение: 1) *Это как можно держать таких дармоедов, как Шахтер, где играют только по блату;* 2) *Мля, ну какой же это нелепый бред! Этого персонажа увольняли лет ... И как можно этого пассажира допускать снова к этой работе? Нет слов!;* 3) *Какой тупейший гол. Так бездарно отдать мяч со штрафного ... Так сражаться за ничейку, и так слить.*

Как показывает анализ, вербальная агрессия в спортивной сетевой коммуникации может принимать различные виды в зависимости от категоричности высказываемых суждений и их насильственного характера. Как правило, в большинстве случаев белорусские болельщики прибегают к мягкому «языку вражды», для которого характерны указание на отдельные некомпетентные действия, создание негативного образа, ироничная критика: 1) *Пробежался знатно! Может ну его, эти пробежки, Виталик? На заводе работы уйма, может там успех придет;* 2) *Жаль не было зрителей на трибунах... отставание на полкруга на глазах у всех сделало бы атмосферу ещё более незабываемой...*, или среднему «языку вражды», связанному с дискредитацией предмета речи и безаргументативной негативной его оценкой посредством ярлыков и средств диффамации: 1) *Какие же тренеры убогие;* 2) *Подделом шарлатану;* 3) *У Шахты не команда, а мусоросброд;* 4) *Один двух слов связать не может, второй просто чуприс по жизни.* В то же время в отдельных случаях можно наблюдать и жесткий «язык вражды», демонстрирующий крайнее раздражение и желание навредить оппоненту, а потому представленный бранными инвективами, угрозами, категоричными требованиями и призывами: 1) *Ублюдский регламент. Чтобы подошло это руководство федерации;* 2) *Какая же убогая команда клоунов Жодино. Расформируйте этих кретинов и раздайте деньги нуждающимся;* 3) *Одно скучающее д*мо выгнало другое скучающее д*мо, и то внезапно ожило.* Следует отметить, что модераторы форумов не применяют к авторам подобных суждений никаких дисциплинарных мер, так как инвективы в большинстве случаев не прописываются полностью, хотя их значения достаточно очевидны, а значит, крайне оскорбительны.

Таким образом, деструктивное взаимодействие в спортивном сетевом дискурсе может проявляться в эксплицитной форме при помощи агрессивно заряженных лексем, принадлежащих к социально детерминированным или инвективным системам, а также менасивных единиц: 1) *Какой же **немошный, вялый, бессмысленный** футбол показывает БАТЭ;* 2) ***Болван**. Два раза под конец первого сета вести с брейком и по итогу так **отлиться**...*

Пейоративная оценка может индуцироваться также и имплицитно, когда иллокутивная цель унижить, оскорбить, обидеть реализуется посредством косвенных речевых актов, не прямых предикаций, иронии, эллиптических конструкций: 1) *Отличная подготовка, метрами проигрывать своим же результатам;* 2) *У Гуренко довольно адекватное интервью, но вот игра ...*

В целом ряде случаев пренебрежительное отношение может выражаться при помощи нейтральных в оценочном плане единиц, которые в контексте спортивного дискурса приобретают агрессивную коннотацию и выступают в роли конфликтогенных ярлыков, подрывающих имидж и авторитет спортивных субъектов: 1) *Мне как налогоплательщику твои чувства ни к чему, верни бабки, **туристка**;* 2) *Прояснился вопрос с Жуковским – всего лишь **физрук**.*

При этом повсеместно в сетевой спортивной коммуникации наблюдается экспансия лексики малых социумов – вульгаризмов, жаргонов, сленгизмов, с одной стороны, обладающих высокой степенью оценочности и экспрессивности, с другой – представляющих собой открытую агрессию: 1) ***Офигеть**. Безмозглый человек, приехал в гости на заработки и **права** пытается качать;* 2) *Все **абзац**!!! Директор клуба свел весь **базар** только к денежкам;* 3) *Надеялся на контракт с Краснодаром, но случился **облом**;* 4) *Остальным и не нужна эта **вышка**. Проще расписать парочку **договорняков** и заработать **кэш**.*

В то же время обращают на себя внимание достаточно распространенные оригинальные способы выражения негативной оценки посредством различных экспрессивно-стилистических приемов.

Прежде всего, это высокая частотность употребления фито- и зоосемантических, а также военных метафор. Апелляция к данным сферам обусловлена как соревновательной природой самого спорта, так и стереотипизированностью и высоким оценочным потенциалом подобных переосмыслений при квалификации субъектов: 1) *Макаров с виду **бык**, а на самом деле **БАРАН**!;* 2) *Плеваться хочется от этих мужеподобных **стероидных кобылиц**!;* 3) *Слон **жиинииииирнящий**;* 4) *Судья – **редиска**, мало того, что пенальти из свистка вытянул, так и 20 секунд украл;* 5) *С нетерпением ожидаю **сечи**. Надеюсь, БТ-5 сподобится на трансляцию;* 6) *Кстати, в этом году, как никогда ранее, будет **месиво** за четвёрку.*

Высоким пейоративным оценочным потенциалом обладают и метафорические сравнения: 1) *Слабенькая как **чай**;* 2) *Как **детей** раскатывают;* 3) *Слили как **котят**, а также агрессивно заряженные эпитеты: **Безликий**,*

нулевой, пленный, блеклый, серый, безысходный, тоскливый, невзрачный, неяркий, беспросветный, ходячий, мутный, бессмысленный, никому не нужный, скучный, потухший белорусский футбол. Во всей красе. Bravo!

Особой оригинальностью в плане дискредитации предмета речи и выражения неприязни отличаются негативно-оценочные каламбуры: 1) *Внору называть их не гребцами, а отгребателями*; 2) *Дело ведь не в нем, а в тех, кто его организовывал в сбродную*; 3) *Наступіў тэрмін вывазу шлаку з шахтаў* (о команде «Шахтер»).

Об определенном уровне знаний и прагматической компетенции отдельных участников спортивного форума свидетельствуют также и многочисленные аллюзии и реминисценции, вовлекающие адресата в когнитивное взаимодействие с адресантом и способствующие передаче соответствующих эмоций: 1) *«Круговорот д*ма в природе» (В. Войнович «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»); 2) Напомните, кто шёл в город Изумрудный, шёл за мозгами?; 3) Это просто испанский стыд; 4) Бесславные ублюдки; 5) Про это еще великий Гашек в Швейке написал. Кулаки сразу чешутся, увидев нос их.*

Таким образом, сетевая спортивная коммуникация может быть признана полем повышенной речевой агрессии, которая по своей сути является аксиологическим феноменом, поскольку эксплицирует резко отрицательное отношение к объекту дескрипции. При этом наблюдается амбивалентность конфликтогенного потенциала как в отношении объекта и предмета вербальных атак, так и средств их реализации – от крайне жестких, неcodифицированных, ненормативных вариантов языка до достаточно оригинальных, более привлекательных в исследовательском плане, косвенных способов выражения инвективного смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды / Ю. В. Щербинина. – М. : Форум, 2012. – 400 с.
2. Лазебная, И. Б. Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. Б. Лазебная; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2007. – 23 с.
3. Семенец, О. П. Вербальная агрессия и способы речевого противодействия / О. П. Семенец // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. – 2021. – № 199. – С. 125–134.
4. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Т. А. Воронцова; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2006. – 44 с.
5. Соколова, О. И. В портфель специалиста-международника: осознанная и неосознанная речевая агрессия / О. И. Соколова // INTER-CULTUR@L-NET [Электронный ресурс]. – 2008. – № 7. – Режим доступа: <http://www.myluni.ru/journal/clauses/75/>. – Дата доступа: 11.05.2021.
6. Денисова, А. В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии в английском и русском языках / А. В. Денисова // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкульт. коммуникация. – 2021. – № 1. – С. 48–56.

7. Овсянникова, М. А. Языковая репрезентация оценки в Интернет-форуме как жанре спортивного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. А. Овсянникова; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2012. – 27 с.

Поступила в редакцию 03.09.2021

811.161.1''73(045)

Колесникова Валерия Олеговна

студентка 5 курса
факультета межкультурных коммуникаций
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Valeria Kolesnikova

5th year student
Faculty of Intercultural Communication
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus

Свистун Татьяна Ивановна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой теории и практики
английского языка
Минский государственный лингвистический
университет

Tatiana Svistun

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of Theory
and Practice of English
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
tess17@mail.ru

ЗАИМСТВОВАНИЯ В МЕДИАТЕКСТАХ ОБ АВТОМОБИЛЯХ

BORROWINGS IN MEDIATEXTS ABOUT AUTOMOBILES

В статье исследуются заимствования в автомобильной сфере, наличие в языке которых на современном этапе связано с процессами глобализации, развитием науки и техники, ролью английского языка в международном общении. Их активное использование в автомобильной сфере детерминировано интернационализацией этой терминосферы, основным языком-донором для которой выступает английский. Рассматриваемая терминосфера постоянно пополняется новыми единицами, пришедшими из других языков. При этом степень их освоенности русским языком различна: одни еще не прошли графическую адаптацию, другие успели приобрести грамматические категории, третьи укоренились в языке, став основой для словообразовательных гнезд.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *заимствование; грамматическая, семантическая, фонетическая, графическая адаптация; язык-донор; язык-реципиент.*

The article focuses on borrowings in the automotive sector. At present borrowings in a language are associated with the processes of globalization, the development of science and technology, the role of English in world communication. Their active use in the automotive sector is determined by the internationalization of this sphere, where English is the main donor language. This sphere is in constant development thanks to new units that come from other languages. At the same time, the degree of adaptation of these units by the Russian language differs: some have not yet undergone graphic adaptation, others have managed to acquire grammatical categories or even have become the basis for word-formation.

Key words: *borrowing; grammatical, semantic, phonetic, graphic adaptation; donor language; recipient language.*

Последние десятилетия можно охарактеризовать как время интенсивного взаимовлияния представителей различных этносов и культур и, следовательно, активного взаимодействия различных языков. С развитием Интернета, постоянно увеличивающимся объемом информации, потребляемой и перерабатываемой индивидом, у носителей различных языков постоянно возникает соблазн использования «непереработанных» родным языком чужеродных лексем и их сочетаний. Новые единицы активно входят в обиход. В процессе приспособления к новой системе некоторые из них приобретают новую графическую оболочку (*инсайдер*), другие остаются в оригинальном написании (*LOL, omg*). Часто сами носители языка добавляют сумятицу, употребляя заимствованную единицу то на языке-доноре, то на языке-реципиенте: *beauty-процедуры* и *бьюти-технологии*. Иногда можно зафиксировать случаи комбинации элементов двух языков: *look'ов, look'ам*.

Несколько десятилетий назад смешение единиц, принадлежащих разным языковым системам, считалось характерной чертой билингвов. Э. Хауген описывал смешение языков как ситуацию, в которой в одну языковую систему проникает элемент из другой языковой системы [1, с. 62]. В то время считалось, что попеременное использование то одного, то другого языка свидетельствует о том, что говорящие не владеют данными языками в совершенстве, не обладают должным уровнем языковой культуры. Среди факторов, указывающих на причину в смене языкового кода, Д. Кристал называл ситуативность, а также формальность/неформальность события [2, р. 344].

В настоящее время применение единиц иного языка в речи рассматривается как естественный элемент общения не только билингвов, но и говорящих на языке, который является для них иностранным. Изменение отношения к «чужеродным» элементам, несомненно, связано с процессами глобализации и активной миграцией населения, статусом английского языка как языка международного общения. При этом использование иностранного языка, чаще всего английского, фиксируется как в профессиональной, так и бытовой сфере.

В широком смысле любой «чужеродный» элемент – это *заимствование*, равно как и процесс перемещения из одного языка в другой [3, с. 158]. Так, применительно к языковой системе Л. П. Крысин называет заимствованием процесс перемещения элементов различных языковых уровней (морфологического, лексического, синтаксического и др.) из одного языка в другой [4, с. 24].

В узком смысле термин *заимствование* понимается как иноязычное слово, семантическим признаком которого является его денотативное значение. В таком случае денотат, обозначаемый словом, не является реалией культуры языка-реципиента [5, с. 23–24]. Для русского языка иноязычными словами выступают *гейша, вигвам, коррида*, т.е. лексические единицы, не имеющие эквивалента. Тем не менее в последнее время в русский язык стали проникать англоязычные единицы, имеющие эквивалент в языке-реципиенте: *креативный* вместо *творческий*, *респект* вместо *уважение*, *саммит* вместо *встреча на высшем уровне*, *консенсус* вместо *согласие*, *имидж* вместо

образ и др. Подобные лексические единицы появляются в связи с тем, что носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с существующим словом родного языка [6, с.28].

Пополнение словаря может быть и не связано с модной тенденцией или желанием повысить свой статус за счет употребления иностранного слова. Развитие науки и техники, средств связи вызывает необходимость в обозначении новых объектов, явлений и процессов, что приводит к возникновению новых терминов, в том числе и из другого языка. Существованию Интернета мы обязаны единицам *сайт, чат, постить, лайкать, гуглить*, а приобщение различных сфер экономики к международной терминологической системе помогло появиться в русском языке *девелоперам, дистрибьюторам, дилерам, мерчандайзерам, ритейлерам* и т.д.

Особенности процесса заимствования в *автомобильной сфере* рассмотрим на примере медиатекстов соответствующей тематики. В ходе исследования был проведен анализ автомобильных онлайн-изданий: 5 белорусских изданий – «Авто-дайджест», «Автогазета», «Автобизнес», «Автопанорама», «Автоновости» и 8 российских изданий – «За рулем», «Авторевю», «Тор Gear», «5 Колесо», «Автомир», «7Gear.ru», «ДРАЙВ» и «Автокомпоненты». Общее количество заимствований, зафиксированных в 58 публикациях, составило 103 единицы.

Заимствования из английского языка образовали основную часть всех употребляемых заимствований – 64 единицы (*стартер, форсунка, лифтбек, хардтон, слипстрим, тачскрин, типтроник*). Кроме англицизмов в изданиях об автомобилях встречались заимствования из французского (галлицизмы) – *турбина, рессора, шарнир, купе, жиклёр, торсион, монокок, амортизатор, кабриолет, реле, карбюратор* (11 слов), немецкого (германизмы) – *парктроник, шиббер, ландо, дроссель, шлагбаум, автобан, дефлектор, шильдик, зуммер, штраф, демпфер* (11 слов), латинского (латинизмы) – *аккумулятор, радиатор, вариатор, диффузор, конфузор, инжектор, ротор, акселератор, модификация* (9 слов), итальянского (итальянизмы) – *седан, помпа, карданная передача, купе, автострада* (5 слов) и греческого языков (грецизмы) – *тахометр, фазтон, трицикл* (3 слова). Например, в статье «Как сэкономить на бензине» белорусского издания «Автогазета» встречается сразу несколько заимствований из французского языка: *Следует также избегать и резких торможений, особенно в карбюраторных машинах, где через жиклёры холостого хода высасывается избыточное количество топлива*. В статье «Длительный тест Mercedes-Benz M1 270 Cdi» того же издания использованы заимствования из итальянского языка: *Тяжелый ML в городских условиях ведет себя отлично, но все же автострада – его стихия... В М-классе у владельца появляются те же ощущения, что и в седане Е-класса*.

Заимствование претерпевает различные виды преобразований в ходе адаптации в языке-реципиенте: *фонетические, графические, грамматические и семантические*. В некоторых случаях сложно определить, на каком этапе адаптации находится то или иное заимствование, поскольку освоение язы-

ковой единицы языком-реципиентом далеко не всегда затрагивает все уровни языка. В целом выделяют три основных этапа адаптации заимствований в языке-реципиенте: проникновение в речь, частичное усвоение и укоренение в языке. Для первого этапа характерно наличие связи с языком-источником, особенно во внешней форме слова. Частичное усвоение подразумевает приобретение грамматических категорий языка-реципиента, наличие словообразовательной активности. На последнем этапе слово укореняется в языке, утрачивает связь с языком-донором, становится семантически самостоятельным, участвует в лексико-семантических процессах языка-реципиента, взаимодействует с его элементами [7, с. 14–15]. В корпусе исследования зафиксированы как заимствования, которые уже укоренились в языке, прошли все виды адаптации и не воспринимаются говорящими как иностранные (*спидометр, финиш, лидер, бренд, рейтинг, автоблокировка, мониторинг, автомобильный дилер, инвестор* и др.), так и заимствования, не полностью освоенные русским языком.

Рассмотрим виды адаптации, которые присущи заимствованиям из автомобильной сферы. Так, следующие англицизмы находятся на начальном этапе проникновения в русский язык, поскольку были употреблены в статьях в своей исходной графической форме (*test-drive, shooting brake, price list, ASR*), которая свидетельствует о том, что данные единицы еще не прошли и графическую адаптацию. В данном случае они выступают как иноязычные вкрапления. Неологизмы *рестайлинг, стантрайдинг, локер, сайлентблок, драгрейсинг* передаются кириллицей и графическую адаптацию уже завершили. Среди вариантов графической адаптации выделяют, как правило, иноязычные вкрапления, транслитерацию, транскрипцию, гибридное написание и смешанный тип адаптации (транскрипция + транслитерация). Транслитерация представляет собой побуквенный перенос из одной графической системы в другую, при этом фонетические особенности во внимание не принимаются. В следующем примере англицизм *collector* транслитерируется в *коллектор*: *Причиной неуверенной работы, помимо разошедшихся резиновых изоляторов катушек, бывает подсос воздуха через уплотнения впускного коллектора* («Авторевю»).

Транскрипция отражает звуковой образ лексической единицы на письме. Фонетические системы английского и русского языков отличаются друг от друга, что, безусловно, усложняет процесс адаптации заимствований по пути транскрипции. Поэтому зачастую англицизмы могут адаптироваться несколькими способами одновременно – при помощи транскрипции и транслитерации. Такой способ называют смешанным. Например, суффиксы *-ing* или *-er(or)* транслитерируются как *-инг* и *-ер(or)*, в то время как основа слова может быть адаптирована по принципу транскрипции: *лоурайдер, каршеринг, мониторинг, паркинг, лизинг, картинг, тюнинг*. В англицизме *трак-триал* первая часть слова *трак* адаптирована при помощи транскрипции, а *триал* – при помощи транслитерации. Точно такая же адаптация наблюдается в англицизме *драгрейсинг*, где первая часть слова передается на русский язык

при помощи транслитерации, а вторая – при помощи транскрипции. В англицизме *поул-позишн* первая и вторая часть слова транскрибируются, однако кроме такого варианта написания данного заимствования, встречалось слово *поул-позиция*, где вторая часть слова адаптирована грамматически.

Фонетическая адаптация подразумевает изменения в звуковой оболочке единицы. В таких словах, как *пикап*, *лифтбек*, *хардтон* и *хэтчбек*, ударение изначально падало на первый слог (как в языке-доноре), однако со временем под влиянием русского языка ударение перешло на второй слог. В англицизмах *коллектор*, *интекулер*, *слипстрим*, *рестайлинг*, *сайлентблок*, *электрокар* после фонетической адаптации в русском языке звук [л] перед гласными [e], [u] трансформировался в [л']. Однако не все англицизмы ассимилировались в соответствии с нормами произношения русского языка. Например, в таких англицизмах, как *стартер*, *стретч*, *детейлинг*, *родстер*, *стриптрейсер*, *лоурайдер*, *краш-тест*, *шок-сенсор*, *фривей*, *хайвей*, *драгрейсинг*, сохранилось твердое звучание согласных звуков [p], [t], [d], [c], [v] после гласного [e].

В процессе грамматической адаптации заимствования принимают грамматические категории языка-реципиента, например, категорию множественного числа: *Внешность Tucson* заметно оживляют легкосплавные диски, **рейлинги** на крыше и защитные пластиковые накладки на кузов и бамперы («5 Колесо»). Англицизм *рейлинг* ‘деталь в форме дуги на крышу авто, которую устанавливают на универсалах, внедорожных и городских машинах’ употребляется в форме множественного числа, получая окончание *-и*.

Грамматическая адаптация также подразумевает, что заимствованная основа может стать базой для словообразования путем присоединения суффиксов: *каршеринговый*, *дистрибьюторский*, *оттюнингованный*. В следующем примере прилагательное *фрикционный* образовано от английского слова *friction* при помощи суффикса *-н-* и окончания *-ый*: *Но вместо вискомуфты в качестве механизма блокировки стоит еще одна **фрикционная муфта**, управляемая бортовым компьютером с помощью гидропривода («Драйв»)*. Слово *иммобилизатор* ‘вид электронного противоугонного устройства’ образовано от английского слова *immobilize* суффиксальным способом (суф. *-ат-*, *-ор-*): *Достоинства **иммобилизатора** как противоугонного устройства очевидны: он обеспечивает определенный уровень защиты от кражи автомобиля, при этом зачастую входя в список штатного оснащения и не требуя дополнительной установки («Авторевю»)*.

В следующем примере употребляется сразу два англицизма: *хот-хэтч* и *суппорты*: *Кроме того, **хот-хэтч** получил увеличенные колесные диски и красные тормозные **суппорты** («Автогазета»)*. Слово *хот-хэтч* является сокращением английского слова *hot hatchback* и пишется через дефис, тем самым образуя существительное. Англицизм *суппорты* обрело множественную форму существительного при помощи окончания *-ы*.

В процессе заимствования глаголы также подстраиваются под систему спряжения русских глаголов, принимая соответствующие суффиксы и оконч-

чания *-ить/-ать/-овать* и др., образовывая причастия и деепричастия: *restyling – рестайлинговать, lease – лизинговать* и т. д.: *Устанавливаемый на рестайлинговый Х5 265-сильный дизель отличается посторонним шумом, напоминающим присвист ремня или ролика («5колесо»).*

Семантические заимствования представляют наибольший интерес, но порой отследить путь их трансформации довольно трудно. Они предполагают появление у уже существующих слов дополнительных значений или образование новых путем перевода их аналогов из языка-донора. Подобные преобразования свидетельствуют о тенденции к интернационализации словаря [6, с. 28–29], особенно в узкоспециализированных сферах. Например, англицизм *спойлер* в русском языке имеет несколько значений. В самолетостроении *спойлер* – ‘гаситель подъемной силы на крыльях’, в политике – ‘кандидат на выборах, не являющийся серьезным конкурентом, но оттягивающий на себя часть голосов за другого кандидата со сходной программой’, а в автомобилестроении – ‘приспособление, которое изменяет аэродинамические свойства кузова, превращая турбулентный поток воздуха в ламинарный, и снижает сопротивление воздуха’: *Задняя часть следует по стопам QX50, но с новой задней дверью с угловым окном и уникальным спойлером («Автодайджест»).* Заимствование *клиренс* от англ. *clearance* ‘очищение’ также имеет несколько значений. В медицине *клиренс* указывает на скорость очищения биологических жидкостей или тканей организма от вещества в процессе его биотрансформации, перераспределения в организме, а также выведения из организма; в снукере *клиренс* – это забивание шаров в лузы до полной очистки стола. В автомобильной сфере *клиренс* обозначает ‘расстояние между опорной поверхностью (дорогой) и самой нижней точкой центральной части автомобиля’: *Помните, как в погоне за большим клиренсом лет 20 назад на переднеприводных Ладах многие прикручивали стойки подвески через проставки? («Авторевю»).* Англицизм *фейслифтинг* от англ. *facelifting* в медицине будет означать подтяжку лица, а в автомобилестроении – это изменение общего облика автомобильного средства: *Спустя четыре года модель подверглась легкому фейслифтингу, при этом значительно расширилась гамма двигателей, стали доступны версии с полноприводной трансмиссией 4Matic («Автогазета»).*

Таким образом, заимствование неотделимо от функционирования языка, это один из источников пополнения словаря, особенно терминологического, относящегося к определенной профессиональной сфере. Автомобильная терминосфера активно продолжает развиваться и пополняться новыми элементами, о чем свидетельствуют лексические единицы, представленные в корпусе исследования, которые еще не прошли все этапы и виды адаптации. В преобладающем числе случаев языком-донором новообразований выступает английский, что подтверждает его роль не только как языка международного общения, но и доминирующего языка автомобильной терминосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. VI. – С. 61–80.
2. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – 491 p.
3. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – 2-е изд. Лингвистического словаря 1990 г. – М. : Большая Рос. энцикл., 2000. – 685 с.
4. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 888 с.
5. Маринова, Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах : словарь-справочник / Е. В. Маринова. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 240 с.
6. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопр. языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27–34.
7. Аристова, В. М. К истории английских слов в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. М. Аристова ; Самарк. гос. ун-т им. А. Навои. – Самарканд, 1968. – 37 с.

Поступила в редакцию 29.09.2021

УДК 811.114.42

Лавицкий Антон Алексеевич

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой иностранных
языков и межкультурных коммуникаций
Витебский филиал Международного
университета «МИТСО»
г. Витебск, Беларусь

Anton Lavitski

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of Foreign Language
and Cross-Cultural Communication
Vitebsk Branch of International University “MITSO”
Vitebsk, Belarus
anton_lavitski@mail.ru

Дединкин Александр Леонидович

кандидат исторических наук, доцент
директор филиала
Витебский филиал Международного
университета «МИТСО»
г. Витебск, Беларусь

Aliaksandar Dziadzinkin

PhD in History,
Associate Professor Branch Director
Vitebsk Branch of International University “MITSO”
Vitebsk, Belarus
aleksandrdedinkin@yandex.ru

ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОГО ДЕСТРУКТИВНОГО ДИСКУРСА

THE DYNAMICS OF MODERN DESTRUCTIVE DISCOURSE

В статье на материале фактически выполненных судебных лингвистических исследований представлены и описаны основные тенденции развития современного белорусского деструктивного дискурса. Динамика обозначенного типа коммуникативной практики представлена генристическими изменениями текстовых форм (мультипликативность, визуализация и креолизация материала), их языкового наполнения (нивелирование

категории формальной грамотности) и пространственного распространения (эксплицитная публичность), социолингвистического портрета адресанта (юнивелизация, дезавторизация).

Ключевые слова: *дискурс; деструктивный дискурс; судебная лингвистическая экспертиза; конфликтогенный текст; юрислингвистика.*

The article uses the data obtained during the actual forensic linguistic studies to present and describe the main trends in the development of modern Belarusian destructive discourse. The dynamics of this type of communicative practice is represented by genristic changes in text forms (multiplicativity, visualization and creolization of the text), their linguistic content (leveling of the category of formal literacy) and spatial distribution (explicit publicity), as well as the sociolinguistic portrait of the addressee (univelization, disauthorization).

Key words: *discourse; destructive discourse; forensic linguistic analysis; conflictogenic text; legal linguistics.*

Исследования дискурса впервые были концептуально обоснованы относительно недавно – в середине 1960-х годов, а как одно из фундаментальных направлений лингвистики актуализировались еще позже, когда на смену системно-структурному подходу в изучении языка пришла функциональная модель и антропоцентрическая парадигма.

Несмотря на имеющийся опыт изучения дискурсивной теории, а также различных институционных практик, само понятие дискурса остается одним из самых неопределенных. Дело в том, что многомерность дискурса предопределяет вариативность подходов к исследовательскому полю. Это открывает самые широкие горизонты научного осмысления данного феномена, в том числе аспектные (дискурс с позиции теории коммуникации, семиотики, когнитивистики и др.). На наш взгляд, самым емким является подход Н. Д. Арутюновой, определявшей **дискурс** как «речь, погруженную в жизнь» [1, с. 137]. В таком понимании видится определенная прозорливость ученого, так как приведенная трактовка закладывает две важнейшие характеристики дискурса:

- 1) его процессуальность (речь – деятельностьная категория);
- 2) социальную ориентированность (жизнь как среда функционирования).

При этом трансформации одной характеристики неминуемо ведут к появлению модификаций второй.

Современное общество переживает процесс системных изменений, как в глобальном, так и региональном форматах, что отражается и в реализации различных дискурсивных практик. Проявление обозначенной выше активной трансформационной динамики социальных отношений (не всегда поступательной и полностью прогнозируемой) обнаруживается в «преступных действиях языка» [2, с. 3], следовательно, и самого дискурса. Современная коммуникация, к сожалению, все чаще не чурается «возможности смещать, заменять одни смыслы на другие, устанавливать новые смыслы, способствующие изменению картины мира адресата и управлению его сознанием» [3, с. 122].

Прежде чем обратиться к детальному описанию объекта нашего исследовательского интереса, следует уточнить само понятие *деструктивного дискурса*. Обособленной подотраслью общей теории дискурса данный вид стал совсем недавно (см., например, диссертацию Н. В. Мельничук «Конструктивное и деструктивное речевое взаимодействие в аргументативном дискурсе (на материале парламентских дебатов в Бундестаге)» [4]). Связано это, прежде всего, с интенсификацией исследований в области лингвистической конфликтологии и юрислингвистики. Появилось понятие *делинквентной языковой личности*, то есть субъекта реализации противоправной вербальной активности. Все это заставило ученых по-новому посмотреть на развитие коммуникативных потоков, обратить внимание на соответствие их содержания правовым нормам, прежде всего в части посягательств на личностные права и свободы (оскорбление, угроза, клевета и др.), а также общественный порядок (экстремистские призывы). Понятие деструктивного дискурса объединяет подобного рода речевые практики. Его отличительной особенностью является то, что предмет его реализации – *конфликтотенный текст*. В отличие от других языковых структур конфликтотенный текст является средством совершения противозаконного деяния и объектом правового контроля.

Итак, деструктивный дискурс отличают наличие особых характеристик субъекта (делинквентная языковая личность) и текстового продукта (представляет собой противоправный вербальный инструментарий).

Обозначенное выше актуализирует наше обращение к категории деструктивного дискурса. Кроме того, очевидна и прикладная значимость данного исследования, так как оно существенным образом дополняет теорию лингвистической экспертиологии, разрабатывающую методики и процедуры специального изучения текста на предмет наличия в его содержании признаков совершения правонарушения вербальным способом.

Таким образом, цель данного исследования – представить и описать тенденции развития современного деструктивного дискурса.

В качестве материала были использованы результаты проведенных нами специальных исследований (лингвистические заключения), выполненных по запросам органов, ведущих процессуально-следственные действия, суда (общий объем экспертных работ за 2018–2021 гг. составил 47 единиц). Методология обработки и интерпретации фактических данных включала общенаучные (систематизация, анализ), а также лингвистические методы (дискурс-анализ и лингвистическая параметризация).

Изучение дискурсивной динамики попало в фокус внимания основоположников теории дискурса Э. Бенвениста, А. Греймаса, У. Чейфала и др. Т. ван Дейк отмечал, что речевой поток есть ничто иное, как язык в его постоянном движении, который воплощается в социально-исторических, культурных особенностях коммуникантов [5, с. 112–113]. Социальный аспект дискурса реализуется в том, что он является «выражением определенного идеологического смысла» [6, с. 144], компонентом системы институцио-

нально-аксиологических установок. Схожее понимание дискурса как комплексного явления реализации коммуникативной активности обнаруживается и в работах Э. Бенвениста [7, с. 54].

Дуализм дискурса очевиден в многовекторности его характеристик, включающих субъекты, функциональные установки, логическую, структурно-грамматическую, семантическую организацию текстового материала, прагматику речедеятельности, коммуникативную ситуацию и т. д. Динамика изменений обозначенных компонентов задает общие стратегии развития дискурса. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин полагают, что в современном коммуникативном пространстве наиболее выразительными являются экспансия демонстративности, поликодовость, «сжатие мира», размывание институциональности и др. [8, с. 17–25].

Деструктивный дискурс не является исключением в общей тенденции глубинных трансформаций коммуникативной парадигмы. Динамика изменений основных характеристик позволяет уже сейчас прогнозировать общие тенденции расширения сферы его реализации, включение большего количества субъектов, тематическую трансфузию.

Динамика современного деструктивного дискурса очень стремительна, поэтому выявленные нами тенденции сложно систематизировать по уровню процессуальной интенсификации. Вероятно, что в ближайшее время будут наблюдаться и другие изменения, в том числе радикального характера.

Интерактивность – это тенденция активного перехода деструктивного дискурса в цифровое пространство. Все реже объектом лингвоэкспертной деятельности становятся предметы реальной действительности (надписи, листовки, граффити и др.). Наши фактические данные показывают, что объем специальных исследований такого рода материала в 2018 г. составил 30 % (три из десяти экспертиз), в 2019 г. – 20 % (три из пятнадцати экспертиз), в 2020 г. 15,8 % (три из девятнадцати экспертиз). Главными площадками распространения конфликтогенных текстов становятся социальные сети и мессенджеры.

Дезавторизация является прямым следствием активного перехода деструктивной вербальной деятельности в сетевое пространство, где возможность сохранить определенную конфиденциальность коммуникативной деятельности является нормой. Наличие никнейма (псевдонима, используемого пользователем в Интернете) и даже процедуры регистрации и аутентификации пользователя как облигаторный компонент большинства сетевых форумов является достаточно формальной формой идентификационного контроля, так как позволяет использовать неverified сведения и/или удаленные IP-адреса.

Дезавторизация выполняет важную задачу – дает чувство дополнительной безопасности автору текста, возможность не задумываться о необходимости нивелировать правовые риски в речевой активности. Кроме того, такое положение дел не ограничивает адресанта в социальных ролях, так как позволяет самостоятельно их выбирать, моделировать и соответственным образом презентовать (самопрезентовать) себя перед адресатом.

Мультипликативность. Мультипликативность или клиповость – проявление генристической характеристики дискурсивного поля деструктивной коммуникации. Противоправная вербальная деятельность чаще всего реализуется в малых жанровых формах. Она крайне редко включена в большой по объему аналитический материал. Если анализировать вербальные тексты, то это чаще всего 1–3 фразы в относительно небольших контекстах. Для поликодовых текстов это обычно 1–2 иконических (визуальных) элемента и вербальная «пояснительная надпись». Очевидно, что обозначенная тенденция является следствием изменений в когнитивных приоритетах языковой личности: вытесняется аналитическое мышление, а «информационное насыщение» реализуется по формуле $\text{объем} = \text{количество} \times \text{скорость}$. Способствует развитию мультипликативности и формат большинства популярных социальных мессенджеров: ограничения по объему вербального текста, аудио- и видеоматериалов, ориентация на иллюстративные данные и др.

Визуализация и креолизация деструктивного дискурсивного контента актуализирует использование поликодовой информации. Эта тенденция непосредственным образом связана с обозначенными выше формулой информационного насыщения, а также концепциями организации функционирования сетевых коммуникативных платформ, где креолизованный материал представляется как некая квинтэссенция, сгусток аналитически обработанной информации. Кроме того, такой текст требует усиленной работы органов чувственного восприятия, а «наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для общества знаковых систем ориентирована на восприятие посредством зрения и слуха» [9, с. 323]. Иными словами, визуализация и креолизация усиливает суггестивное влияние на адресата. Иллюстративный образ при этом сложнее точно воспроизвести, но его концептуализация в языковом сознании сильнее, нежели материала, представленного в текстовой форме.

Ювенилизация. Такая социолингвистическая характеристика коммуникативной деятельности, как возраст, не часто становится объектом исследовательского внимания в языкознании. Чаще всего ученые декларируют основанные на статистических данных очевидные факты об увеличении аудитории социальных сетей и мессенджеров за счет молодежи, в том числе школьного возраста, не анализируя особенности их институционально-речевой активности. Наличие молодежного языка (сленга) стало для современной лингвистической теории аксиоматичным утверждением. Однако ряд исследователей полагает, что следует говорить о более глубоких языковых изменениях, когда молодежная речь выходит за социальные границы субкультуры и становится массовым явлением. Мы наблюдаем всеобщее продвижение ювенильного стиля поведения [8, с. 19]. Деструктивный дискурс не выбивается из общей тенденции:

1. Установленные в процессе оперативно-следственных мероприятий авторы конфликтогенных текстов (прим.: по материалам проведенных нами экспертиз за 2018–2020 гг.) чаще всего являются людьми в возрасте до 45 лет (94 %), а молодежь (до 31 года) составляет 85 %.

2. Наши наблюдения показывают, что лексико-семантическое наполнение конфликтогенных текстов изобилует единицами, относящимися к молодежному словарю.

Думается, что такое положение дел имеет определенное психологическое обоснование: массовость ювильного стиля в коммуникативном поведении в значительной мере стирает социально-возрастные границы организации речевого взаимодействия. Особенно ярко это проявляется в экстремистском конфликтогенном тексте, где минимизация возрастных маркеров позволяет воспринимать автора как «своего», усиливая воздействующее влияние на адресата.

Эксплицитная публичность. Категория публичности образует с приватностью естественную оппозицию, в том числе и в дискурсе. Данное дуальное противопоставление имеет узкое и широкое понимание. В узком смысле дифференциация оппозиционных компонентов строится на формальных отношениях количества адресатов: один адресат – дискурс приватной коммуникации, два и более – публичный. *Широкое понимание* строится на анализе ситуации речевого взаимодействия: если общение включает ограниченное множество субъектов, к которым предъявляется требование не передавать полученную информацию иным лицам, – дискурс имеет характеристику приватности; если множество субъектов не ограничено – дискурс является публичным. Нарушение требований к приватности коммуникации влечет за собой переход всего дискурса в разряд публичных.

В лингвистической экспертологии принято исходить из широкого понимания публичности коммуникации с одной оговоркой: в ограниченное множество субъектов не входит адресат противоправного речевого поведения. Очевидно также, что приватный дискурс формально не может быть признан деструктивным с лингвоправовой позиции, так как функционирует в социально ограниченном пространстве, не доступном ни для юридической, ни для экспертной оценки. И только его публичность, то есть включение сторонних субъектов, делает возможным подвергнуть исследованию текстовый материал. Однако если раньше деструктивный дискурс тяготел к имплицитной публичности, то есть стремился максимально соответствовать признакам приватности, чтобы минимизировать возможность наступления правовой ответственности (например, тайное распространение запрещенной литературы в СССР), то в современных реалиях делинкветное речевое поведение, наоборот, стремится охватить все большее число адресатов и таким образом реализовать свой воздействующий потенциал. Признаком желания экстраполировать деструктивное информационное поле на максимально широкие социальные слои является организация открытых Интернет-групп и сообществ. О том, что «каждое сказанное публичным человеком слово многократно цитируется и оценивается», а «публичная речь может обернуться уголовным наказанием...» пишет М.А. Осадчий [10, с. 9].

Навязчивость деструктивного дискурса – это элемент информационно-аналитических технологий опосредованной Интернет-коммуникации. Конфликтогенные тексты становятся информационным товаром. Они продви-

гаются в сети, соответствующие сайты регулярно проводят процедуру поисковой оптимизации (англ. *Search Engine Optimization*), используется контекстная реклама. Думается, что в ближайшее время тенденция навязчивости деструктивного дискурса перерастет в характеристику технологичности, когда ее распространение станет элементом пиар-деятельности (зачатки этого процесса мы наблюдаем уже сейчас).

Нивелирование категории формальной грамотности. Понятие формальной грамотности понимается нами как соответствие текста языковым нормам и правилам (атрибутивная характеристика формальности используется здесь для дифференциации с пониманием грамотности как соответствия иллокутивных и перлокутивных характеристик текста, то есть его воздействующей силы). Полагаем, что это не только частная тенденция развития дискурса, но и отличительный признак современного коммуникативного взаимодействия. При этом наличие обценных, стилистически сниженных, жаргонных единиц принимается в рассматриваемом типе дискурса как норма, так как данный лексикон, по мнению В. И. Жельвиса, используется сегодня не столько для экспрессии, сколько для сокращения социальной дистанции и установления коммуникативного контакта [11, с. 34]. Данный подход может быть экстраполирован и в вопросы, касающиеся изучения языковых компетенций адресанта. Иными словами, факт наличия, грамматических, речевых ошибок, игнорирование правил синтаксической организации текста не всегда следует рассматривать как маркер качественной характеристики субъекта коммуникации (уровня его образованности, интеллигентности и т. д.). Возможно, такое положение дел является коммуникативной тактикой создания образа «своего», то есть продиктовано характеристиками потенциального массового адресата.

Как итог, современные гео- и социально-политические реалии таковы, что информационные потоки становятся одним из важнейших элементов организационного управления общественным сознанием. В своих крайних проявлениях организационная функция коммуникации подменяется манипулятивным (чаще всего манипулятивно-деструктивным) воздействием на языковую личность. В этой связи актуализируются вопросы правового регулирования речевой деятельности. Однако, очевидно, что юридический контроль – это только процессуальная деятельность, способная дать оценку правомерности той или иной вербальной активности здесь и сейчас. Основу для реализации превентивных правовых действий, в том числе и совершенствование законодательной базы, может дать только комплексный качественный анализ динамики функционирования деструктивного дискурса. Это область междисциплинарного познания, требующая серьезной оценки многих факторов.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные – реальные лингвоправовые экспертные исследования, показывают, что в современном деструктивном дискурсе обнаруживается ряд тенденций, которые обусловлены, как мы полагаем, тремя а с п е к т а м и:

1) технологический прогресс, вследствие чего проявилась *интерактивность* рассматриваемого нами типа дискурса, а также его *навязчивость* как результат активизации информационно-аналитических технологий;

2) динамика социально-психологического портрета субъекта деструктивного дискурса (проявилась в *ювенилизации* языковой личности) стала стимулом развития новых текстовых форм (*мультипликативность*, *визуализация* и *креолизация* материала), а также их изменений в их языковом наполнении (*нивелирование категории формальной грамотности*);

3) организационное поведение субъектов деструктивной вербальной деятельности накладывает определенный отпечаток на пространственно-стилистические особенности распространение конфликтогенных текстов: он тяготеет к *эксплицитной публичности*, а также анонимности (*дезавторизации*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1998. – 341 с.
3. Якова, И. А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию / И. А. Якова // Вести. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – № 3. – С. 122–134.
4. Мельничук, Н. В. Конструктивное и деструктивное речевое взаимодействие в аргументативном дискурсе (на материале парламентских дебатов в Бундестаге): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. В. Мельничук. – Калуга, 2019. – 25 с.
5. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
6. Морозова, Е. И. Ложь как дискурсивное образование : лингвокогнитивный аспект / Е. И. Морозова. – Харьков : Экограф, 2005. – 300 с.
7. Benveniste, E. On Discourse. The Theoretical Essays : Film, Linguistics, Literature / E. Benveniste. – Manchester : Manchester Univ. Press., 1985. – 246 p.
8. Карасик, В. И. Тенденции развития современного дискурса / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Тематический вып.: Многомерность дискурса. – 2021. – № 1. – С. 14–31.
9. Якобсон, Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. О. Якобсон. – М. : Наука, 1985. – 460 с.
10. Осадчий, М. А. Правовой самоконтроль оратора / М. А. Осадчий. – М. : ООО «Альпина Бизнес Букс», 2007. – 360 с.
11. Жельвис, В. И. Поле брани : Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – М. : Ладомир, 2001. – 349 с.

Поступила в редакцию 02.09.2021

Лавринович Наталья Вацлавовна
аспирант кафедры теории и практики
немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natalia Lavrinovich
Postgraduate Student of the Department
of Theory and Practice of German
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lanaria@tut.by

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОТКАЗА В ПИСЬМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

FEATURES OF THE REFUSAL FUNCTIONING IN WRITTEN BUSINESS COMMUNICATION

Статья посвящена описанию и анализу специфических характеристик делового письма и их влияния на функционирование отказа в деловой корреспонденции. Максимальная точность изложения интенции, композиционная оформленность, отсутствие прямого контакта, вежливость и официальность задают определенную прагматическую направленность отказу в деловой переписке, а также оказывают значительное влияние на выбор языковых средств выражения отказа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *отказ; письменная деловая корреспонденция; категория вежливости; языковые средства выражения отказа; средства смягчения отказа.*

The article is devoted to describing and analysing the specific characteristics of a business letter and their impact on the functioning of refusal in business correspondence. The maximum accuracy of the statement of intention, compositional design, lack of direct contact, politeness and formality set a certain pragmatic direction for refusal in business correspondence, and also have a significant impact on the choice of linguistic means of expressing refusal.

Key words: *speech act of refusal; business correspondence; the category of politeness; language means of expressing refusal; mitigation of refusal.*

Отказ в письменной деловой корреспонденции представляет собой сложный продукт коммуникации, реализация которого значительным образом обусловлена универсальными чертами делового дискурса и спецификой письменной формы коммуникации. Именно данные факторы в сочетании с коммуникативной целью наделяют акт отказа в деловой переписке уникальными, присущими только ему одному характеристиками.

Деловой дискурс, являясь неотъемлемой частью жизни общества, вариативно проявляет себя в различных официальных сферах коммуникации, демонстрируя при этом и ряд общих признаков, присущих его разновидностям: целенаправленность, результативность, официальность, точность, шаблонность, строгое соблюдение принципов вежливости и кооперации.

Письменный модус делового дискурса, в свою очередь, помимо черт, характерных для всех видов делового общения, обладает также параметрами, специфическими именно для письменной формы существования языка:

1. Так, А. А. Кибрик, исследуя письменный модус дискурса, указывает на значимость такой характеристики как «разный временной режим речи и письма» [1, с. 4]. Как следствие, *письменная речь развертывается* не во временном, а в *статическом пространстве*. Это дает автору возможность обдумать свою речь, при необходимости вновь обратиться к написанному, а также всякий раз перестраивать текст таким образом, чтобы наиболее полно и четко выразить свое коммуникативное намерение.

2. Следующий релевантный признак письменной коммуникации проявляется в «отсутствии прямого контакта между говорящим и адресатом во времени и пространстве» [1, с. 5]. Письменный текст обычно создается с учетом того, что адресат прочитает его спустя определенное время, а последующая реакция, в силу дистантной удаленности адресата, останется скрытой для автора послания.

3. Следует обратить внимание и на такой параметр письменного дискурса как *композиционная оформленность*, то есть «построение письменного высказывания по определенной схеме, где каждая часть выполняет свою функцию и обусловлена комплексом внешних и внутренних факторов» [2, с. 352]. В большинстве своем письма деловой корреспонденции создаются в рамках определенной общепринятой целостной структуры, нарушение которой может вызвать недоумение и непонимание адресата и, соответственно, привести к коммуникативному сбою.

Не менее важными характеристиками письменного делового общения, которые проявляются в требованиях к языковому оформлению официального документа, являются его *понятность* и максимальная *точность*. В деловой переписке требования к точности речевого акта отказа возрастают в еще большей степени ввиду отсутствия непосредственного контакта с адресатом. При непосредственном общении с конкретным собеседником всегда возможна коррекция коммуникативных установок, позволяющая нивелировать возникшую неточность и, в случае необходимости, направлять общение в эффективное русло, в то время как участники деловой переписки лишены подобной возможности.

Все вышеупомянутые характеристики делового письма существенным образом влияют на структуру отказа и выбор средств его выражения в текстах деловой корреспонденции. Рассмотрим подробнее особенности функционирования отказа в деловой переписке. Корпус данного исследования составляют письма-отказы, рассылаемые кандидатам, не прошедшим конкурсный отбор на ту или иную должность, либо не получившим стипендию по обучающим программам. В корпус исследования в первую очередь входят электронные письма, так как сегодня деловое общение активно осуществляется в интернет-пространстве, реализуясь в электронном виде.

Следуя требованиям максимальной точности, отказ в текстах деловой корреспонденции в большинстве своем выражается эксплицитно, так как основной прагматической установкой таких писем является информирование собеседника о невозможности удовлетворить его запрос, и отказ при этом должен быть истолкован верно.

В ходе анализа исследовательского материала было установлено, что для выражения отказа существует определенный, весьма устойчивый и инвентарь языковых средств. Это объясняется высокой степенью формализованности и клишированности делового общения.

В большинстве своем отказ выражается *отрицательными местоимениями* *nicht* либо *kein* в сочетании с *модальными глаголами* *können* ‘мочь’, реже *mögen* в форме конъюнктива II (*möchte*) ‘хотеть’, которые несут в себе дополнительную семантическую нагрузку, максимально вежливо сигнализируя об отсутствии возможности удовлетворения запроса адресата, понижая таким образом интенсивность иллокутивной силы отказа и смягчая в целом его негативное воздействие на адресата. Например:

*Ich bedauere, Ihnen **keine** positivere Nachricht geben zu **können**.* ‘Я сожалею, что не могу сообщить Вам более положительную новость’.

Из анализа примеров следует, что отказ с модальными глаголами нередко сопровождается глаголами и глагольно-субстантивными *конструкциями с семантикой* принятия решения или выбора: *sich nicht entscheiden* ‘не принять решение / не сделать выбор’, *in die engere Wahl nicht nehmen / in die engere Auswahl nicht aufnehmen* ‘не включить в узкий круг кандидатов’, *keine Position zuweisen* ‘не предоставить должность’, *nicht berücksichtigen* ‘не учитывать’, *keine positive Nachricht geben* ‘не сообщить положительную новость’, *dem Wunsch nicht entsprechen* ‘не соответствовать желанию’ и др.

Особого внимания заслуживают случаи употребления модального глагола *müssen* ‘долженствовать’ в формулах отказа. Ключевая синтаксическая схема использования данного модального глагола в таких случаях иллюстрируется следующим примером:

Leider müssen wir Ihnen heute mitteilen, dass wir uns nicht für Sie entschieden haben. ‘К сожалению, мы вынуждены Вам сегодня сообщить, что выбрали другого кандидата’.

Так, в реализации отказа используется модальный глагол *müssen* в сочетании с глаголом информирования *mitteilen* ‘сообщать’ в главной части сложноподчиненного предложения, как бы «анонсируя» своей семантикой вынужденность последующего отказа. Далее следует придаточное дополнительное предложение, представляющее эксплицитный отказ в виде глагола *entscheiden* ‘выбирать’ в сочетании с отрицанием *nicht*. Такая схема прагматического распределения информации является типичной в реализации смягченного и некатегоричного отказа, поскольку адресант указывает на свою непредвзятость по отношению к собеседнику и вынужденность данного речевого действия, предваряя непосредственный отказ и мотивируя его.

В ходе исследования было выявлено также единичное *употребление «чистых» перформативных глаголов и соответствующих отглагольных существительных* в письмах-отказах, по-видимому, из-за высокой степени их категоричности. В связи с последним замечено, что составитель отказа отдает предпочтение модализированным перформативным конструкциям,

так как модальный глагол в такой коммуникативной ситуации снижает степень проявления иллокутивной силы отказа, и отказ читается намного вежливее и мягче. Например:

1) *Leider müssen wir mitteilen, dass wir Ihnen heute für diese Position absagen müssen.* ‘К сожалению, мы вынуждены сообщить, что в этот раз должны отказать Вам в предоставлении этой вакантной должности.’

2) *Leider müssen wir Ihnen mit dieser Absage eine Enttäuschung bereiten.* ‘К сожалению, мы вынуждены разочаровать Вас данным отказом’.

Анализ примеров показывает, что в образовании предикатного ядра модализированного перформатива с семантикой отказа активно участвует модальный глагол *müssen* ‘долженствовать’, подчеркивающий негативную роль объективных обстоятельств, что в свою очередь снижает степень настойчивости перформативного глагола и тем самым категоричность прагматических характеристик отказа.

Достижение коммуникативной цели при помощи эксплицитных средств вынуждает автора отказа балансировать на грани конфликтности и кооперативности, так как в процессе интеракции при несовпадении интересов, коммуникативных намерений собеседников коммуникативный контакт может приобретать конфликтный характер, что ведет, как правило, к нарушению коммуникативного баланса.

Одним из основополагающих принципов делового общения является, таким образом, четкое *следование* принципу *вежливости и кооперации* и обеспечение тем самым эффективности общения. По справедливому замечанию И. А. Стернина, «эффективным можно считать такое общение, которое позволяет говорящему достичь поставленной цели и сохранить баланс отношений с собеседником (коммуникативное равновесие), то есть остаться с ним в нормальных отношениях, не поссориться» [3, с. 67].

Чтобы остаться в рамках вежливого и эффективного общения, адресанту в потенциально конфликтной ситуации отказа необходимо прибегнуть к дополнительным коммуникативным усилиям, направленным на минимизацию коммуникативных рисков в интеракции. Так, Р. Конрад указывает на то, что отказ в любом случае должен сопровождаться дополнительным текстом, содержащим извинение или сожаление с соответствующим обоснованием отрицательной реакции. Необходимость такого дополнения обусловлена, по мнению автора, принципом вежливости – считается невежливым отказывать в желании или просьбе без веской причины [4, с. 371].

Следует отметить, что ключевой субкатегорией вежливости является *коммуникативное смягчение*, в качестве основных прескрипций которого выступают антиконфликтность, некатегоричность, повышение коммуникативного статуса партнеров по коммуникации и эмоциональная сдержанность [5, с. 6]. Этим объясняется большая концентрация так называемых митигативных средств в прагматической модели отказа. Как уже отмечалось выше, ввиду отсутствия прямого контакта между собеседниками, а значит и отсутствия возможности сиюминутного вмешательства в ход коммуникации, часть

смягчающих средств носит обязательный характер, а их игнорирование может создавать негативный эмоциональный фон и противоречить принципу вежливости. В текстах деловой корреспонденции неизменными являются иллокуции сожаления, обоснования отказа, благодарности, пожелания.

В деловой переписке отказ помещается, как правило, в центральную часть письма, заключается в «смягчающие» рамки, содержащие различные по иллокутивной наполняемости высказывания [6, с. 130]. При этом сама формулировка непосредственного отказа также может содержать различные митигативные средства. В ходе исследования выяснилось, что в зависимости от коммуникативной цели и расположения в тексте существующие смягчающие иллокутивные компоненты прагматической модели отказа в деловом письме можно разделить на следующие типы:

1. Митигативные компоненты, участвующие в подготовительной фазе последующего отказа;
2. Митигативные компоненты, функционирующие в основной части отказа.

В связи с тем, что отказ прагматически влияет на адресата, основная коммуникативная цель первой фазы заключается в подготовке получателя сообщения к последующему отказу при помощи иллокуций, базирующихся на максимах вежливости. На этом этапе наиболее активно используются высказывания, прагматически ориентированные на выражение благодарности за проявленный интерес либо акцентирующие положительные качества адресата. Их задача состоит в том, чтобы иллокутивно снизить изначальную резкость и безапелляционность ингерентной семантики отказа, в известной степени «приглушить» отрицательный ответ. Обращаясь к данным иллокутивным компонентам, адресант задает позитивную тональность коммуникации, стремится уверить адресата в своем хорошем отношении, положительно акцентируя в ряде случаев отдельные личностные качества партнера по коммуникации, и тем самым обеспечивая его готовность к кооперации в предстоящей коммуникации. Например:

*Wir **danken** Ihnen nochmals für die Zusendung Ihrer Bewerbungsunterlagen und **das damit gezeigte Interesse** an einer Mitarbeit bei Steria Mummert Consulting.* ‘Мы благодарим Вас ещё раз за отправку нам Ваших документов на конкурс и за проявленный таким образом интерес к работе в «Steria Mummert Consulting»’.

Так, в приведенном примере автор отказа благодарит адресата за проявленный интерес к компании, транслируя тем самым свои положительные эмоции, вызванные данным интересом адресата. Иллокутивный эффект усиливается также за счет слов *das damit gezeigte Interesse*, несущих в себе коннотацию комплимента, которая включает в себе положительную оценку действий партнера по коммуникации, должна польстить его самолюбию, тем самым предварительно настраивая его на толерантное отношение к отказу, и, следовательно, к адресанту.

Цель иллокутивных компонентов второй фазы отказа состоит в минимизировании прагматических последствий уже реализованного отказа. Таким

образом, адресант просчитывает возможный прагматический эффект отказа и, ввиду отсутствия прямого общения с собеседником, заранее прибегает к определенным мерам коррекции коммуникативной ситуации, выражая свое стремление вернуться к коммуникативному равновесию. Так, предполагая, что отказ может разочаровать либо обидеть адресата, отправитель письма вновь обращается к максима вежливости. Однако в данном случае формулы вежливости преследуют другие цели: с одной стороны, они помогают адресату легче перенести полученный отказ и понять его причины, а с другой стороны, отправитель письма стремится сохранить свой имидж и имидж адресата, оставив адресату приятное впечатление о себе. Сюда относятся в первую очередь иллокуции аргументации и обоснования отказа, сожаления, комплимента, выражения надежды на дальнейшее сотрудничество, благодарности, что выразительно иллюстрирует нижеприведенный фрагмент письма-отказа:

Leider müssen wir Ihnen mitteilen, dass wir Sie nicht in die engere Wahl für die ausgeschriebene Stelle nehmen können, da wir Bewerber haben, die unseren Anforderungen noch näher kommen. Trotzdem möchten wir Sie wissen lassen, dass Sie bei uns einen sehr positiven Eindruck hinterlassen haben. Eine künftige Anstellung schließen wir nicht aus. Wir danken Ihnen für Ihr Verständnis und wünschen Ihnen viel Erfolg.

‘К сожалению, мы должны сообщить Вам, что не можем включить Вас в узкий круг кандидатов на объявленную вакансию, поскольку у нас есть кандидаты, которые ещё больше соответствуют нашим требованиям. Тем не менее, мы хотели бы сообщить Вам, что Вы произвели на нас очень хорошее впечатление. Трудоустройства у нас в будущем мы не исключаем. Мы благодарим Вас за понимание и желаем успехов’.

В данном примере формула отказа открывается иллокуцией сожаления с наречием *leider*. Сожалением подчеркивается тот факт, что данная ситуация психологически сложна и неприятна не только адресату, но и адресанту. За непосредственным отказом следует иллокуция обоснования отказа. В данном случае она вводится союзом *da*, связывая логически две части сложного высказывательного комплекса, целью которого является объективное аргументирование с приведением доводов отказа, снятие предвзятости и тем самым смягчение негативного воздействия ситуации. Так, автор отказа указывает на наличие других претендентов, которые ‘ещё больше’ (*noch näher*) соответствуют вакантной должности. Данное сочетание слов указывает на значимость характеристик самого кандидата, ничуть не умаляя его достоинств. Смягчающее действие перечисленных выше средств усиливается комплиментом, выраженным прилагательным *positiv* ‘положительный’ в сочетании с существительным *Eindruck* ‘впечатление’. Данный комплимент содержит в себе явно положительную оценку кандидата, настраивая его на оптимистичный лад. Этой же цели служит и выраженная адресантом надежда на дальнейшее сотрудничество как скрытый комплимент профессионализму адресата.

В контексте реализации концентрация внимания адресата на возможных перспективах еще более усиливается благодаря использованию инверсии в следующем предложении: *Eine künftige Anstellung schließen wir nicht aus*. Такое речевое поведение адресанта максимально смягчает разочарование и огорчение адресата от полученного отказа, повышая при этом собственную значимость адресата.

Иллокуция благодарности в вышеприведенном фрагменте (*Wir danken Ihnen für Ihr Verständnis*) завершает письмо-отказ. Здесь при помощи слов с семантикой благодарности автор отказа стремится прагматически повлиять на собеседника, выражая свою признательность за понимание, приписывая тем самым своему собеседнику такие качества как эмпатия и умение войти в чужое положение.

Таким способом отправитель письма стремится к бесконфликтному завершению отказа, пытаясь позитивным образом настроить адресата, чтобы в дальнейшем, по возможности, не потерять его в качестве потенциального клиента.

В результате под воздействием особенностей письменного делового дискурса отказ в немецкой деловой коммуникации выстраивается в рамках логичного, точного и композиционно выверенного стиля. В ситуации отказа предпочтение отдается эксплицитному выражению авторской коммуникативной интенции, хотя, подчиняясь принципам вежливости и кооперации, авторы письма-отказа активно используют для снижения его категоричности и для оказания позитивного коммуникативного воздействия на адресата лексические средства с положительной коннотацией, соответствующие глагольно-субстантивные конструкции, синтаксические конструкции, в основе которых лежат причинно-следственные отношения, а также широкий спектр специальных иллокутивных средств, смягчающих отказ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // *Вопр. языкознания*. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
2. Куклина, С. С. Дискурс и текст как продукты письменной речевой деятельности / С. С. Куклина, Р. А. Черемисинова // *Казан. пед. журнал*. – Казань, 2016. – Т. 2, № 2. – С. 351–354.
3. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия : уч. изд. / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2012. – 178 с.
4. Конрад, Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – С. 349–383.
5. Тахтарова, С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / С. С. Тахтарова ; ВГПУ. – Волгоград, 2010. – 41 с.

6. *Drescher, M.* Für zukünftige Bewerbungen wünschen wir Ihnen mehr Erfolg: Zur Formelhaftigkeit von Absagebriefen / *M. Drescher* // *Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation.* – 1994. – № 2. – S. 117–137.

Поступила в редакцию 13.09.2021

УДК 811.112.2'362 (045)

Неборская Лариса Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и практики
немецкого языка
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Larisa Neborskaya

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department
of Theory and Practice of German
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
neborskaja@gmail.com

Новик Дарья Иосифовна

магистр филологических наук,
преподаватель кафедры теории и практики
немецкого языка
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Daria Novik

MA in Philology
Lecturer of the Department of Theory
and Practice of German
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
daria.novik.lc@mail.ru

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АТРИБУТИВНОЙ ПОСЕССИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ОТНОШЕНИЙ «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ» В НЕМЕЦКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

MEANS OF EXPRESSING ATTRIBUTIVE POSSESSIVENESS IN THE RENDERING OF THE “PART – WHOLE” RELATIONSHIP IN GERMAN AND BELARUSIAN

В статье рассматриваются атрибутивные посессивные конструкции, реализующие отношения партитивности между одушевленным/неодушевленным посессором и объектом обладания. Исследование проводилось на материале художественных текстов на немецком и белорусском языках. Было установлено, что в исследуемых текстах частотным средством выражения отношений «часть – целое» в ситуации с одушевленным посессором является притяжательное местоимение, в ситуации же с неодушевленным посессором – конструкции с родительным падежом. К периферийным средствам в обоих языках можно отнести предложные конструкции и конструкции с посессивным дативом. В немецком языке значение принадлежности при передаче партитивных отношений может реализовывать также определенный артикль.

Ключевые слова: *посессивность; принадлежность; атрибут; партитивные отношения; посессор, объект обладания; частотность.*

The article is focused on attributive possessive constructions implementing partitive relations between an animate/inanimate possessor and an object of possession. The research was carried out on the data of literary German and Belarusian texts. The analysis results show that in

both languages, the possessive pronoun is a frequent means of expressing the 'part – whole' relationship in a situation with an animate possessor, while in a situation with an inanimate possessor, constructions with the genitive case are used. The peripheral means in both languages include prepositional constructions and constructions with a possessive dative. In the German language, the meaning of belonging when rendering partitive relations can also be realized by the definite article.

Key words: *attributive possessive constructions; partitive relations; possessor; object of possession; frequent means.*

Категория **посессивности** является языковой универсалией, в семантику которой входит широкий круг отношений обладания, принадлежности, в том числе отношение части и целого. Понимание категории посессивности затрудняется по причине неразграничения смыслов «владеть», «иметь при себе» и грамматической посессивности, а также в целом со сложностью определения лингвистически релевантной посессивности. О семантической близости упомянутых отношений свидетельствует то, что в разных языках используется одно формальное средство для обозначения и отношения собственности, и отношения части к целому.

Все частные отношения посессивности могут быть сведены к одному общему отношению: *распространению* одного объекта (посессора) на другой или на некоторое множество других (обладаемых) объектов [1, с. 19–20]. Выделяют три основных типа отношений «распространения»:

1. Посессор X распространяет свое «силовое» поле на обладаемое Y, то есть Y находится под властью X (физической, юридической, моральной).

2. X распространен на Y физически или функционально, то есть Y является частью X-а или частью его существования (жизнедеятельности, функционирования).

3. Y несет в себе элемент посессора (имеет свойство, существующее как отношение к посессору).

При этом отмечается, что описанные типы отношений могут перекрещиваться, а отсутствие четких критериев усложняет выделение данных отношений [2, с. 706].

Репрезентация категории посессивности в речи тесно связана с понятием **категориальной ситуации обладания**, составляющими элементами которой являются обладатель/посессор, объект обладания и отношение, связывающее объект обладания с обладателем.

Одним из признаков категориальной ситуации обладания является **степень неотторжимости** объекта от посессора. Данный критерий является главным в определении противопоставленности «*неотчуждаемая – отчуждаемая*» принадлежность [3, с. 51].

Предметные отношения по типу «часть – целое» или партитивные отношения между одушевленным посессором и его частями следует рассматривать как отношения *неотчуждаемой принадлежности* по функции, а под *относительно неотчуждаемыми* объектами понимаются, например, отрастающие части тела (усы, борода и т. п.). Части неодушевленного посес-

сора относятся к *абсолютной отчуждаемости*, в качестве неотчуждаемых объектов неодушевленного посессора могут выступать функциональные части предмета: *Мы стояли у вагона. Зеленые его стены источали тепло.*

В фокусе данного исследования находится анализ посессивных атрибутивных конструкции, выражающих отношения партитивности, выполненный на материале художественных текстов на немецком и белорусском языках. Установленная в ходе анализа частотность использования средств реализации данных отношений представлена в таблице.

Количественные данные анализа атрибутивных посессивных конструкций,
выражающих отношения партитивности

Средства	Н. Böll «Die verlorene Ehre der Katharina Blum»; «Wanderer, kommst du nach Spa ...»		В. С. Короткевич, «Леаніды не вернуцца да Зямлі»	
	Одушевленный посессор	Неодушевленный посессор	Одушевленный посессор	Неодушевленный посессор
Генитив	10,34 % (40)	78,26 % (36)	26,16 % (146)	85,64 % (167)
Притяжательное местоимение	61,5 % (238)	2,17 % (1)	57,89 % (323)	7,69 % (15)
Посессивный датив	4,39 % (17)	-	2,87 % (16)	-
Определенный артикль	19,12 % (74)	-	-	-
Предложные конструкции	3,1 % (12)	4,35 % (2)	7,17 % (40)	5,64 % (11)
Притяжательное прилагательное	-	-	1,43 % (8)	-
Лексические средства	-	-	1,25 % (7)	-
Другие средства ¹	1,55 % (6)	15,22 % (7)	3,23 % (18)	1,03 % (2)
Итого	387 (100 %)	46 (100 %)	558 (100 %)	195 (100 %)

Наиболее частотным средством выражения атрибутивной посессивности в обоих языках является *притяжательное местоимение* (61,5 % в немецком языке и 57,89 % в белорусском языке):

(1) *Lange stand ich so da wie ein Tier, das mit traurigen Augen aus der Hürde hinausblickt, und erst als ich spürte, daß **mein Hals** steif wurde, nahm ich den Kopf ins Gefängnis zurück* [4, с. 56]. – *Долго стоял я так, как зверь, печальными глазами выглядывающий из-за ограды, и только когда почувствовал, что **моя шея** занемела, я спрятал голову обратно в тюрьму.*

¹ Под другими средствами понимаются указательное, относительное, неопределенное местоимение, сложное существительное и прилагательное, относительное прилагательное, средства выражения отрицательной принадлежности.

(2) *Калі яны, з цяжкасцю пераадольваючы яго імпульныя парывы, выйшлі на адхон, – **іхнім вачам** адкрылася жудаснае відовішча* [5, с. 17].

В значительном количестве исследованных нами конструкций притяжательное местоимение сочетается с лексемами, называющими внутренние органы или части тела. Автор акцентирует внимание, например, на движении рук (*seine Hände krampften sich* ‘его руки сжались’), выражении лица (*яе рашучы, мэтаймклівы твар; ihre Gesichter strahlen* ‘их лица светятся’), глазах (*яго халодныя вочы; вочы яго блішчалі*), что в первую очередь выдает эмоциональное состояние человека:

(3) *Aber dann erkannte ich plötzlich die Gegend, **mein Herz zitterte** seltsam, je näher wir Kahlenkatten kamen* [4, с. 9]. – *Но тут я вдруг узнал эту местность, **мое сердце** странно трепетало, когда мы подходили к Каленкаттену.*

(4) *Яго нахабныя і страшныя **вачы гарэлі** вясёлым шаленствам* [5, с. 12].

22 % конструкций с притяжательным местоимением в корпусе примеров на белорусском языке содержат инверсию. Данное стилистическое средство выполняет выделительную функцию и используется автором для описания особенно сильных переживаний лирических героев:

(5) *Плечы яе здрыгануліся: – Мне было вельмі шкада яго* [5, с. 206].

(6) *Вочы яго былі такія гнеўныя, што Яніс адступіў; дрыжучы ад ярасці, стаў глядзець* [5, с. 199].

Следующим частотным средством выражения атрибутивной посессивности является **родительный падеж** (10,34 % в немецком языке и 26,16 % в белорусском языке):

(7) *Das dreizehnte große Messer stak wie ein tödlicher Pfeil dort, wo **das Herz des Mannes** hätte sein müssen* [4, с. 19]. – *Тринадцатый большой нож, как смертоносная стрела, вонзился туда, где должно было быть **сердце мужчины.***

(8) *Гораў бачыў **твар жанчыны**, якая з прагай, з чаканнем, зусім без усведамлення небяспекі, толькі з лікуючым імкненнем наперад, да волі, глядзела на другі бераг, які амаль не набліжаўся* [5, с. 21].

В обоих языках в конструкциях с родительным падежом довольно частотным является выражение посессора именем собственным:

(9) *Folge: noch keine Magengeschwüre, aber **Blomas Magen** beginnt sich zu melden* [6, с. 128]. – *Следствие: язвы желудка еще нет, но **желудок Бломы** уже дает о себе знать.*

(10) *Яны хутка прыкончылі кавалак, і рагі ад слёз высахлі на **шчоках Алёнки*** [5, с. 38].

В отличие от конструкций с притяжательными местоимениями, большинство примеров с родительным падежом не имеют ярко выраженной эмоциональной коннотации. В приведенных примерах мы как бы наблюдаем за лирическим героем со стороны, в то время как притяжательные местоимения создают эффект присутствия, вызывают сопереживание:

(11) *I ён, спыніўшыся ў двары, з адчаем прыціскаючы да сябе **яе** вузкія плечы, сказаў: – Не магу забыць* [5, с. 38].

На наш взгляд, замена притяжательного местоимения *яе* на конструкцию с генитивом *плечы Ірыны* приведет к изменению эмоциональной составляющей описываемой ситуации.

Интересным представляется также то, что, если в начале предложения посессор выражен личным местоимением либо именем собственным, далее в предложении объект обладания такого посессора будет использован в **конструкции с притяжательным местоимением**, а не с родительным падежом.

(12) *I раптам цішыню разарваў гартанны, няцярпна балесны гук. Спачатку **Андрэй** падумаў, што гэты гук вырваўся з **яго** горла, але гук паўтарыўся, і Грынкевіч зразумеў, што гэта вырвалася з Янісавых вуснаў.* [5, с. 171].

(13) *Dort wurde **Katharina** striktestens verboten, **ihre** ordnende Hand anzulegen, sie habe Urlaub und sollte sich entspannen.* [6, с. 114]. – ‘**Катарине** строжайше было запрещено прилагать к чему бы то ни было **свои** **неутомимые руки**, она в отпуске и должна расслабиться’.

В некоторых контекстах употребление имени посессора исключает многозначность: (14) – *А я толькі збіраўся зайсці да вас, – сказаў Андрэй. – Вы трошкі анярэдзілі мяне, Міхал... Андрэй сеў на ложку. Тонка зазвінела панцырная сетка. Потым у пляме святла з’явілася на стале вузкая **рука Андрэя** з пачкам цыгарэт* [5, с. 185].

В данной ситуации присутствуют два посессора мужского рода, которым соответствует притяжательное местоимение *яго*. Родительный падеж в конструкции *рука Андрэя* определяет, чья именно рука выполняет действие.

Лексемы, обозначающие внутренние органы и части тела, являются релятивными словами, то есть соотносятся с посессором-человеком или животным. Поскольку эта связь очень тесная, то в сочетаниях с такими лексемами посессивные отношения в немецком языке выражает **определенный артикль** (19,12%): (15) *Nein, sie war es nicht, **die Beine** waren jünger, etwas dicker, aber sie hatte die gleichen Bewegungen, die eckigen, ruckartigen Bewegungen beim Hin- und Herbewegen des Scheuerlappens* [4, с. 9]. – *Нет, это была не она, **ноги** были моложе, немного толще, но у нее были те же движения, угловатые, отрывистые движения, когда она водила из стороны в стороны половой тряпкой.*

В белорусском языке особый интерес представляют сочетания с лексемами, выражающими части тела, которые **не сопровождаются** какими-либо **средствами выражения** атрибутивной посессивности:

(16) *Адно таксі слізганула паўз яго, і ён з адчаем, які нарастаў, пабачыў, як шафёр адмоўна пахітаў **галавой*** [5, с. 204].

Данные конструкции, на наш взгляд, нельзя отнести к категории посессивности, поскольку в таких примерах акцент делается не на отношениях

принадлежности, а именно на действиях, которые выполняет посессор. Как известно, релятивные слова неохотно допускают опущение посессивов, и в случае, если это происходит, значение посессивности утрачивается.

В корпусе примеров на белорусском языке в 7,17 % анализируемых сочетаний были использованы **предлоги, выражающие отношения посессивности**. В белорусском языке выявлены два типа таких предложных конструкций: «у + родительный падеж», «з + творительный падеж»:

(17) *Я ў той час таксама быў у Маскве... І апалчэнцаў бачыў – хлопцы ў акулерах і дзяўчынкі з танюткамі рукамі* [5, с. 110].

(18) *Андрэй набачыў мужчыну, цёмнавалосага, з высокім, трохі залысым лобам* [5, с. 89].

В конструкциях с предлогом з части тела конкретизируются эпитетами (з **танюткамі** рукамі, з **прамым** носам і **ссунутымі** бровамі, з **усаабдымным**, з **чалавечым** сэрцам).

В корпусе примеров на немецком языке содержится 3,1 % посессивных конструкций с предлогами *mit* и *von*. Согласно нормативной грамматике немецкого языка «Duden», предложная конструкция используется, если важно показать некое отдаление посессора и обладаемого, т.е. подчеркнуть их раздельность [7, л. 109]. Внутренние органы и части тела относятся к неотчуждаемым объектам обладания, а значит, отдаление посессора и объекта обладания возможно только в случае физического повреждения тела человека.

В исследуемом материале на немецком языке была выявлена лишь одна конструкция с предлогом *von*: (19) *Von allen Seiten strömte es grau, dunkelgrau über mich hin, und nur spärliche Lichter ließen die Gesichter der Menschen wie die **Gesichter von Lebenden** erscheinen* [4, с. 74]. – *Со всех сторон на меня наступала серая, темно-серая мгла, и лишь в свете тусклых фонарей лица прохожих казались лицами живых.*

В посессивных конструкциях с предлогом *mit*, так же, как и в белорусском языке, наименования частей тела дополнены эпитетами:

(20) *Der Mann mit diesem **fabelhaften Schnurrbart** hockte halb auf einem Stuhl und lehnte breit und bequem über der Theke* [4, с. 43]. – *Мужчина со сказочными усами присел на стул и удобно наклонился над прилавком.*

(21) *Es war jetzt ganz still in der Kneipe, die beiden **Männer mit den zerschissenen Hosen und den müden Gesichtern** hatten sich ihm zugewandt, und auch die Wirtin war auf ihrem Rückweg stehengeblieben und horchte still und ernst wie ein Kind* [4, с. 46]. – *Теперь в баре было совсем тихо, оба мужчины в поношенных штанах с усталыми лицами повернулись к нему, и хозяйка тоже остановилась на обратном пути, слушая молча и серьезно, как ребенок.*

Синонимичной для сочетаний с притяжательными местоимениями является **конструкция с посессивным дативом**. Данное средство в текстах на обоих языках используется с глаголами, обозначающими некоторое физическое воздействие (*klopfen* ‘похлопать, постучать’, *zuschnüren* ‘сжать’,

пагладзіць, закрыць), в то время как посессор выражен с использованием посессивного датива. В корпусе примеров на немецком языке посессивный датив был выявлен в незначительном количестве конструкций – 4,39 % в немецком языке, а в белорусском – 2,87 %:

(22) Jetzt will ich **mir die Finger** waschen gehen, daß dir der Kartoffelgeruch aus der Nase kommt [4, с. 50]. – Теперь я хочу вымыть **пальцы**, чтобы тебе не лез в нос запах картошки.

(23) Мокры ліст вярціні зноў з ліслівай абьякавасцю пагладзіў **яму шчаку** [5, с. 19].

На лексическом уровне средством реализации значения посессивности в белорусском языке являются существительные *уладальнік* и прилагательное *уласны*:

(24) Занятak, відаць, падабаўся і кацяняці і **ўладальніку** незагарэлых **ножак**, бо з акна, прыглушаны адлегласцю, далятаў радасны віск [5, с. 209].

(25) Горад за вокнамі спаў мёртвым сном, і стаяла такая цішыня, што Андрэй чуў удары **ўласнага сэрца** [5, с. 171].

В конструкциях с неодушевленным посессором прототипическим средством выражения атрибутивной посессивности является **родительный падеж** (78,26 % в немецком языке и 85,64 % в белорусском языке):

(26) Jupp klebte die Zigarette an seine Unterlippe, befestigte die Schnur des Etuis an einem **Knopf seiner Jacke** oben an der Schulter und ließ das Etui auf seinen Arm abrollen, den es wie ein merkwürdiger Kriegsschmuck bedeckte [4, с. 18]. – Юпп приложил сигарету к нижней губе, прикрепил шнур футляра к **пуговице пиджака** на верхней части плеча и развернул футляр вдоль руки, которую он покрывал, как странное военное украшение.

(27) **Шуфляды стала** былі напхатыя паперамі, сшыткамі, а ў верхняй шуфлядзе, пустой, ляжала фотакартка маці і самая вялікая яго каштоўнасць – выцвілы, пабяжылы дагератып Кастуся Каліноўскага [5, с. 34].

Притяжательное местоимение как средство выражения атрибутивной посессивности было зафиксировано в конструкциях с неодушевленным посессором лишь в тексте на белорусском языке (7,69 %) и один раз в тексте на немецком языке (2,17 %).

(28) Ich war wie ein Kübel Wasser, der lange an der Luft gestanden hat; er sieht sauber aus, nichts entdeckt man in ihm, wenn man ihn flüchtig betrachtet: niemand hat Steine, Schmutz oder Unrat hineingeworfen, er stand im Flur oder Keller eines wohlstandigen **Hauses**; auf **seinem** makellosen **Boden** ist nichts zu entdecken... [4, с. 159]. – Я был похож на ведро с водой, которое долго стояло на воздухе; оно выглядит чистым, в нем ничего не обнаружишь, если взглянешь на него мельком: никто не бросал в него камни, грязь или мусор, он стоял в коридоре или подвале приличного **дома**; на его **безупречном дне** ничего нельзя было обнаружить...

(29) Дом узвышаўся над усімі навакольнымі **дамамі**, над маладым бульварам **сваімі** жоўцеўнякімі плітачнымі **мурамі**, прамытымі радамі блакітных вокан і чырвоным дахам [5, с. 32].

Таким образом, в исследуемых художественных текстах на обоих языках частотным средством реализации отношений «часть – целое» в ситуации с одушевленным посессором является притяжательное местоимение, в ситуации же с неодушевленным посессором высокая частотность употребления характерна для родительного падежа. Равнозначными с точки зрения частотности в примерах на исследуемых языках в ситуациях как с одушевленным, так и неодушевленным посессором являются предложные конструкции. Для ситуации с одушевленным посессором характерно также употребление конструкций с посессивным дативом. В текстах на немецком языке значение принадлежности при передачи партитивных отношений может реализовывать определенный артикль, в текстах на белорусском языке особый интерес представляют лексические средства с семантикой лица-обладателя объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селиверстова, О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика : опыт описания / О. Н. Селиверстова. – М. : Наука, 1990. – 150 с.
2. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 960 с.
3. Давлетшина, С. М. Анализ структурных особенностей категории посессивности / С. М. Давлетшина // Вестн. ТГПУ. – 2018. – № 8 (197). – С. 51–54.
4. Böll, H. Wanderer, kommst du nach Spa... : Erzählungen / H. Böll. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1985. – 161 S.
5. Караткевіч, У. С. Леаніды не вернуцца да зямлі / У. С. Караткевіч [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://kniha.by/catalog/klasiki_belaruskay_litaratury/leanidy_ne_vernutstva_da_zyamli/. – Дата доступа : 04.03.2021. – 311 с.
6. Böll, H. Die Verlorene Ehre der Katharina Blum oder: Wie Gewalt entstehen und wohin sie führen kann / H. Böll. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1974. – 160 S.
7. Виноградова, Н. Г. Категория обладания и ее языковая онтология в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Г. Виноградова. – Иркутск, 2001. – 143 л.

Поступила в редакцию 29.09.2021

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'373(045)

Басовец Ирина Михайловна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры истории
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Basovets

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History
and Grammar of the English Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
basovets@list.ru

Тихон Татьяна Николаевна

магистрант кафедры истории
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь
tanya.tikhon@gmail.com

Tatiana Tikhon

MA Student of the Department
of History and Grammar of the English Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
tanya.tikhon@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛЕНГИЗМОВ
В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗНАМЕНИТОСТЕЙSPECIFICS OF SLANGISMS FUNCTIONING
IN SOCIAL NETWORKS OF ENGLISH-SPEAKING CELEBRITIES

В статье проведен анализ сленговых единиц, употребленных в аккаунтах англо-говорящих знаменитостей в социальных сетях Twitter, Instagram и Facebook; выявлены лексико-семантические характеристики сленгизмов, установлена их количественная представленность.

Ключевые слова: интернет-сленг; сленгизм; сленговое сокращение; сленговое слово; сленговое выражение; прозрачные и непрозрачные сленгизмы.

The article analyzes the slang units used in the accounts of English-speaking celebrities in the social networks Twitter, Instagram and Facebook; it reveals the lexical and semantic characteristics of slangisms and gives their quantitative representation.

Key words: Internet slang; slangism; slang abbreviation; slang word; slang expression; transparent and non-transparent slangisms.

Изменения в сфере информационных технологий происходят сверхскоростными темпами. То, что считалось инновацией в прошедшем году, устаревает в новом, и ему приходит на смену что-то более свежее. Сегодня мы не можем представить не только нашу жизнь без Интернета, но и наше повседневное общение без современных мессенджеров и социальных сетей.

Характерной особенностью коммуникации в интернет-пространстве является использование сленговой лексики, что делает социальные сети подходящим источником исследования современного английского сленга. Такое рассмотрение целесообразно проводить на материале отдельных аккаунтов с большим числом подписчиков, поскольку именно держатели таких аккаунтов имеют значительное влияние в интернет-пространстве, а используемые ими лингвистические инструменты, в том числе сленговая лексика, зачастую быстро распространяются среди пользователей Глобальной сети.

Целью данной статьи является выявление лексико-семантических и количественных характеристик употребления сленговых единиц в англоязычных социальных сетях Twitter, Instagram, Facebook.

В лингвистической литературе понятие *сленг* до сих пор не имеет своего однозначного определения: лингвисты трактуют понятие сходным образом в отношении ряда черт, в то же время акцентируя его несколько иные ключевые моменты как в отношении происхождения, так и в отношении сферы функционирования. Рассмотрим ряд базовых подходов к пониманию сленга. По мнению О. Есперсена, сленг представляет собой форму речи, «которая обязана своим происхождением желанию человеческой особи отклониться от обычного языка, навязанного нам обществом», и является «результатом человеческого желания позабавиться» [1]. Т. М. Беляева и В. А. Хомяков в работе «Нестандартная лексика английского языка» рассматривают сленг как относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный лексический пласт, компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией [2, с. 17–21]. Сленг, в концепции исследователей, относительно устойчивый для определенного периода, что говорит о том, что он отражает процесс развития культуры, народа, фиксирует и передает от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы [Там же]. Кроме того, лингвисты отмечают, что сленг «лежит как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального языка, включающий в себя, с одной стороны, слой специфической лексики и фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и аргос преступного мира, и, с другой, слой широко распространенной и общепонятной эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии нелитературной речи» [Там же]. Аналогичный подход к трактовке понятия предлагает О. С. Ахманова: «сленг – 1) разговорный вариант профессиональной речи; 2) элементы разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих языках особую эмоционально-экспрессивную окраску» [3, с. 419]. Таким образом, лингвисты сходятся во мнении, что характерными чертами сленга

являются его эмоционально-экспрессивная окраска, принадлежность к профессиональной или социальной группе людей, стилистическая маркированность, противопоставленность литературному языку, языковой норме, что обусловлено желанием человека проявить свою уникальность либо продемонстрировать принадлежность к тому или иному сообществу.

В современном языкознании существуют различные классификации сленга, например, рифмованный, молодежный, студенческий сленг, интернет-сленг [4; 5; 6; 7]. Согласно наблюдениям лингвистов, интернет-сленг, который употребляется в социальных сетях, включает упомянутые разновидности, потому что интернет-пространство используется различными людьми разного возраста, профессии, положения в обществе и т.п. По своему составу интернет-сленг демонстрирует широкое вкрапление не только слов и выражений, но также аббревиатур и акронимов.

Языковой единицей сленга является сленгизм – сленговое слово или выражение, возникшее и первоначально употреблявшееся в отдельных социальных группах, отражающее ценностную ориентацию этих групп [8]. А. Н. Гамов выделяет три основных способа образования сленгизмов в английском языке: 1) морфологический, который включает в себя такие словообразовательные модели, как словосложение, сокращение и аффиксация; 2) семантическое (стилистическое) переосмысление слов, относимых к сленгу (метафоризация и метонимизация); 3) заимствование [9].

Материалом анализа функционирования сленгизмов послужили англоязычные посты 6 знаменитостей в социальных сетях Twitter (Рианна и SZA), Instagram (Кевин Харт и Келси Баллерини) и Facebook (Уилл Смит и Роберт Дауни младший) за текущий календарный год.

Характерной чертой всех анализируемых аккаунтов в сопоставляемых социальных сетях является использование большого количества сленговых сокращений, наиболее представленные из которых *y'all*, *u*, *ur*, *n*, *jus*, *lol*, *lil*, *lmao*, *ppl*, *wanna*, *gonna*, *gotta*, *da*, *sis*, *thru*, *imam*. При этом они демонстрируют вариативность в написании: *u/ya* 'you'; *ur/yo/ya* 'your'; *tho/doe* 'though'; *cuz/cus/cause* 'because'; *gonna/gon* 'going to'. Разнообразная палитра форм сленгизмов объясняется их разговорным характером и отсутствием кодифицированности в лексикографических источниках. Преобладание сленговых сокращений особенно очевидно в социальной сети Twitter по сравнению с другими социальными сетями, что связано с ограниченным числом символов, доступных для написания поста. Так, в своем Twitter-аккаунте Рианна (103 млн подписчиков) применяет усеченные слова (*collab* 'collaboration', *stu* 'studio', *prep* 'preparations'), фразовые сокращения из двух или трех слов (*y'all* 'you all', *tbh* 'to be honest'), а также аббревиатуры, которые основываются на знании особенностей произношения слов с межзубным согласным (*da* 'the'; *doe* 'though'; *ting* 'thing'). Что касается сленговых слов и выражений, используемых Рианной, то они сведены в табл. 1 и табл. 2 соответственно.

Сленговые слова в Twitter-аккаунте Рианны и их значения¹

№ п/п	Сленговое слово	Значение
1	<i>drop</i>	‘выпуск’
2	<i>lewk</i>	‘тщательно сконструированный наряд’
3	<i>baddie</i>	‘привлекательная девушка’
4	<i>grinch</i>	‘нытик’
5	<i>stand</i>	‘проявление внутреннего желания’
6	<i>bomb</i>	‘классный’
7	<i>gusband</i>	‘друг-гей, с которым женщина настолько близка, как с собственным мужем’
8	<i>rider</i>	‘человек, который твердо верит в свои убеждения и пойдет на все для достижения цели’
9	<i>drip</i>	‘очень модный или сексуальный образ’
10	<i>badass</i>	‘потрясающий’
11	<i>suck</i>	‘провалить’
12	<i>chick</i>	‘цыпочка’
13	<i>lit</i>	‘круто’
14	<i>werq</i>	‘молодец!’
15	<i>bruh</i>	‘серьезно’
16	<i>smooth</i>	‘устанавливать собственные тренды; делать то, что хочется’
17	<i>bad</i>	‘сексуальный человек’
18	<i>boo</i>	‘человек, которого любят, о ком заботятся’
19	<i>tide</i>	‘быть уставшим’
20	<i>sick</i>	‘шикарно’
21	<i>hype</i>	‘быть взволнованным’
22	<i>reppin</i>	‘представлять’
23	<i>hella</i>	‘много’
24	<i>savage</i>	‘храбрый человек’
25	<i>gem</i>	‘великолепно’

¹ Значения сленговых слов и выражений здесь и далее приведены в авторском переводе на русский язык на основании изучения контекста и онлайн-словаря Urban Dictionary [10], который пополняется ежедневно неологизмами и сленгизмами.

Т а б л и ц а 2

Сленговые выражения в Twitter-аккаунте Рианны и их значения

№ п/п	Сленговое выражение	Значение
1	<i>gang back</i>	‘собираться снова вместе’
2	<i>shout out</i>	‘публичная благодарность’
3	<i>gang gang</i>	‘что-то сделано и можно расслабиться’
4	<i>ate something</i>	‘сделано’
5	<i>don't @ me</i>	‘не отвечай мне’
6	<i>killed it</i>	‘преуспеть’
7	<i>no cap</i>	‘говорить правду’

SZA (5,2 млн читателей) использует сокращения разных видов (*ppl* ‘people’, *convo* ‘conversation’, *apmt* ‘apartment’, *gn* ‘good night’, *s/o* ‘shout out to’), которые, как и у Рианны, часто основываются на знании особенностей произношения слов с межзубным согласным (*da* ‘the’, *dis* ‘this’, *birfdy* ‘birthday’). Сленговые слова и выражения, употребляемые SZA, приведены в табл. 3 и табл. 4 соответственно.

Т а б л и ц а 3

Сленговые слова в Twitter-аккаунте SZA и их значения

№ п/п	Сленговое слово	Значение
1	<i>lowkey</i>	‘скромно, втихаря’
2	<i>fire</i>	‘привлекательный человек/объект’
3	<i>jam</i>	‘классная песня’
4	<i>period</i>	‘внимание!’
5	<i>tew</i>	‘тоже’ или ‘два’
6	<i>hut</i>	‘дом, где собираются друзья, в котором нет правил’
7	<i>wyling</i>	‘делать что-то глупое’
8	<i>statt</i>	‘очень хорошо выглядящий человек’
9	<i>prolly</i>	‘возможно’
10	<i>clout</i>	‘иметь власть, деньги и влияние’
11	<i>gunna</i>	‘собираться сделать’

Сленговые выражения в Twitter-аккаунте SZA и их значения

№ п/п	Сленговое выражение	Значение
1	<i>dead ass</i>	‘точно’
2	<i>panic buyer</i>	‘человек, скупающий все в магазине во время пандемии’
3	<i>doo doo paper</i>	‘туалетная бумага’
4	<i>no cap</i>	‘говорить правду’

Для проведения исследования в социальной сети Instagram были выбраны аккаунты Кевина Харта и Келси Баллерини. Кевин Харт (124 млн подписчиков) не часто использует сленгизмы в своих постах. Сокращения в его аккаунте в большей степени совпадают с сокращениями в двух вышерассмотренных аккаунтах, однако наблюдались и индивидуально-авторские единицы, например, *photocred* ‘photo credit’, *doc* ‘documentary film’, *goat* ‘greatest of all times’. Примеры использования Кевином Хартом сленговых слов и выражений приведены в табл. 5 и 6 соответственно.

Т а б л и ц а 5

Сленговые слова в Instagram-аккаунте Кевина Харта и их значения

№ п/п	Сленговое слово	Значение
1	<i>drop</i>	‘выпуск’
2	<i>stanky</i>	‘вонючий’
3	<i>crib</i>	‘дом’
4	<i>bestie</i>	‘близкий человек’
5	<i>fit</i>	‘наряд’
6	<i>dope</i>	‘великолепный’
7	<i>grind</i>	‘подталкивать к достижению цели’
8	<i>grinding</i>	‘усердно работать’
9	<i>rockstar</i>	‘скромный человек-трудяга’
10	<i>badass</i>	‘потрясающий’
11	<i>hyped</i>	‘взволнованный’
12	<i>dig</i>	‘нравиться’
13	<i>whack</i>	‘нелепый’
14	<i>swag</i>	‘крутой’
15	<i>bop</i>	‘песня/движения в танце’
16	<i>hella</i>	‘много’

Т а б л и ц а 6

Сленговые выражения в Instagram-аккаунте Кевина Харта и их значения

№ п/п	Сленговое выражение	Значение
1	<i>draft pick</i>	‘приоритетный выбор’
2	<i>point blank</i>	‘конец дискуссии’
3	<i>hook up</i>	‘ссылка’
4	<i>Boogie Blunt</i>	‘рэпер Снуп Дог’
5	<i>nail it</i>	‘успешно завершить’
6	<i>ride or die</i>	‘преданный человек’

Келси Баллерини (2,5 млн подписчиков) чаще всего сокращает фразы из двух и более слов, например: *pda* ‘public display of affection’, *nvm* ‘never mind’, *jorts* ‘jean shorts’. Что касается сленговых слов, то кантри-певица использует их меньше всех в сравнении с рассмотренными ранее знаменитостями. Примеры сленговых слов Келси Баллерини приведены в табл. 7.

Т а б л и ц а 7

Сленговые слова в Instagram-аккаунте Келси Баллерини и их значения

№ п/п	Сленговое слово	Значение
1	<i>Friyay</i>	‘восторг от наступающих выходных’
2	<i>hang</i>	‘проводить время’
3	<i>chill</i>	‘расслабляться’
4	<i>bop</i>	‘танцевать’
5	<i>vino</i>	‘вино’
6	<i>fangirl</i>	‘выражать чрезмерный восторг’
7	<i>stan</i>	‘фанат’
8	<i>tee</i>	‘футболка’
9	<i>send</i>	‘преуспеть’
10	<i>high</i>	‘эмоционально воодушевленный’

В течении года Келси Баллерини использовала только два сленговых выражения: *stir-crazy* ‘напряженный от долгого бездействия в замкнутом пространстве’ и *on a whim* ‘ни с того, ни с сего’.

За основу исследования социальной сети Facebook были взяты аккаунты Уилла Смита и Роберта Дауни младшего. Уилл Смит (110 млн подписчиков) использует сленговые сокращения, например: *whatchu gon do* ‘what are you going to do’, *mf* ‘my friend’, *BDay* ‘birthday’. Примечателен тот факт, что актер часто заменяет букву «g» в глаголах на *-ing* апострофом: *lookin’*, *lettin’*, *makin’* и т.п. Примеры сленговых слов, используемых Уиллом Смитом, приведены в табл. 8.

Т а б л и ц а 8

Сленговые слова в Facebook-аккаунте Уилла Смита и их значения

№ п/п	Сленговое слово	Значение
1	<i>drop</i>	‘выпуск’
2	<i>hit</i>	‘прокомментировать’
3	<i>fire</i>	‘привлекательный человек/объект’
4	<i>crackin</i>	‘Как дела?’
5	<i>fade</i>	‘прическа’
6	<i>sway</i>	‘крутой, идеальный’
7	<i>thang</i>	‘вещь’
8	<i>wingman</i>	‘друг-помощник на свидании’
9	<i>gear</i>	‘одежда’
10	<i>peer</i>	‘смотреть’

В течении года актер использовал только 1 сленговое выражение *ride or die* ‘преданный человек’.

Ситуация схожа со страницей Роберта Дауни младшего (41 млн подписчиков), который, как и Уилл Смит, предпочитает использовать сленговые сокращения, например: *whattaya* ‘what do you’, *bff* ‘best friends forever’, *cap* ‘captain’, иногда прибегая к вкраплению сленговых слов, представленных в табл. 9.

Т а б л и ц а 9

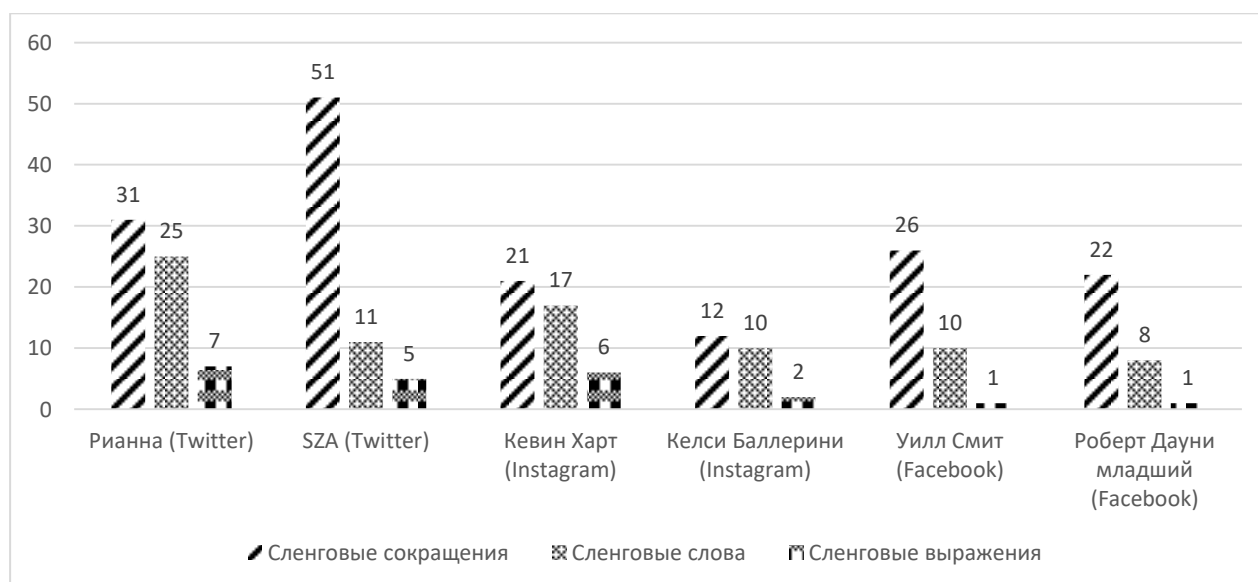
Сленговые слова в Facebook-аккаунте Роберта Дауни младшего и их значения

№ п/п	Сленговое слово	Значение
1	<i>plug</i>	‘удар, толчок’
2	<i>scrub</i>	‘новичок’
3	<i>underoos</i>	‘тесное нижнее белье’
4	<i>darn</i>	‘блин!’
5	<i>sass</i>	‘дерзкий’
6	<i>sucker (for)</i>	‘любитель, поклонник чего-то’

В течении года актер использовал только одно сленговое выражение *honey bunny* ‘очень милый человек’.

Следует отметить, что во всех исследованных аккаунтах наиболее часто встречающимися сленговыми словами являются *drop, lit, no cap, hype, ride or die, fire*. Кроме того, используемые сленговые слова можно разделить на две группы: «прозрачные» и «непрозрачные». К первой группе относятся те сленгизмы, значение которых легко декодировать без дополнительных источников и контекста, и даже при изолированном употреблении их значение понятно адресату благодаря их графической форме, например, *fangirl, stan*. К «непрозрачным» сленгизмам относятся слова или выражения, значение которых нельзя вывести инференциально, исходя из их формы, а иногда и узкого контекста, поэтому их декодирование требует обращения к словарю, онлайн-форумам или более широкому контексту. Примерами непрозрачных сленгизмов могут служить следующие единицы: *underoos, crackin, rider, hook up*.

В количественном отношении частотность употребления сленговых единиц англоязычными знаменитостями представлена в диаграмме на рисунке.

Частотность употребления сленговых единиц
англоязычными знаменитостями в социальных сетях

Как видно из представленной на рисунке информации, во всех исследованных аккаунтах в разных социальных сетях наиболее представленными сленгизмами являются сленговые сокращения, что объясняется историческим развитием мобильных устройств и их последующей миграцией в просторы Интернета. Наименьшую представленность демонстрируют сленговые выражения, что обусловлено их комплексной структурой, которая может вызывать затруднения при декодировании. Сленговые слова представлены неравномерно и демонстрируют отличия как в пропорциональном отношении у одного и того же держателя аккаунта, так и в зависимости от используемой социальной сети. Следует также отметить, что употребление сленга в сравни-

ваемых аккаунтах обнаруживает как сходные черты в отношении отдельных сленгизмов (как правило, сокращений), так и различные характеристики, детерминированные происхождением, расовой принадлежностью и профессией держателя аккаунта. Так, знаменитости, выходцы из рабочего класса, употребляют сленг чаще, чем знаменитости высокого происхождения; афроамериканцы интенсивнее используют сленг, чем представители европеоидной расы; представители музыкальной индустрии более склонны к использованию сленга, отражающего характер из деятельности. Наиболее часто сленг используется в социальной сети Twitter, так как эта социальная сеть сфокусирована в основном на тексте, в отличие от Instagram, где преимущественно публикуются фото и видеоматериалы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jespersen, O.* Mankind, nation and individual from a linguistic point of view [Electronic resource] / O. Jespersen. – Mode of access : https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.105200/2015.105200.Mankind-Nation-And-Individual-From-A-Linguistic-Point-Of-View_djvu.txt. – Date of access : 24.04.2021.
2. *Беляева, Т. М.* Нестандартная лексика английского языка / Т. М. Беляева, В. А. Хомяков. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 138 с.
3. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Совет. Энцикл., 1966. – 598 с.
4. *Емельянов, А. А.* Характерные особенности социальных разновидностей рифмованного сленга / А. А. Емельянов // Вестн. гуманит. фак. ИГХТУ. – Иваново, 2014. – Вып. № 6. – С. 21–24.
5. *Заботкина, В. И.* Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М. : Высш. шк., 1989. – 126 с.
6. *Тамбовцева, К. Д.* Способы словообразования в американском молодежном сленге [Электронный ресурс] / К. Д. Тамбовцева // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. – 2015. – № 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-slovoobrazovaniya-v-amerikanskom-molodezhnom-slenge>. – Дата доступа : 23.04.2021.
7. *Хомяков, В. А.* Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. – Вологда : Волог. гос. пед. ин-т, 1971. – 104 с.
8. Slangism [Electronic resource] // Merriam-Webster Dictionary. – Mode of access : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/slangism>. – Date of access : 24.04.2021.
9. *Гамов, А. Н.* Основные способы формирования лексики сленга в английском языке [Электронный ресурс] / А. Н. Гамов // Русистика. – 2016. – № 1. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-sposoby-formirovaniya-leksiki-slenga-v-angliyskom-yazyke>. – Дата доступа : 25.04.2021.
10. Urban Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.urbandictionary.com>. – Date of access : 21.09.2021.

Поступила в редакцию 13.09.2021

Гойло Артём Андреевич
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Artem Goylo
PhD Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
artemgoylo@gmail.com

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЛЕВОЙ ДИСЛОКАЦИИ И ТОПИКАЛИЗАЦИИ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

**FUNCTIONAL PECULIARITIES OF LEFT DISLOCATION
AND TOPICALIZATION IN NATIONAL VARIETIES OF ENGLISH**

В статье представлены результаты корпусного анализа топиализации и левой дислокации в канадской и индийской разновидностях английского языка. Рассматриваются факторы, определяющие функционирование исследуемых конструкций: степени выделенности, анафоричности и топикальности референтов смещаемых составляющих. Обнаружено значительное сходство в функциях конструкций в обеих разновидностях. Установлено, что более низкая частотность топиализации в исследуемых идиомах обусловлена более строгими прагматическими ограничениями на ее употребление. Бóльшая частотность анализируемых конструкций в индийской разновидности по сравнению с канадской объясняется приемлемостью смещения составляющих с менее выделенными и менее топикальными референтами. Делается вывод, что обе конструкции функционируют схожим образом в разновидностях внутреннего и внешнего круга (в модели Б. Качру).

К л ю ч е в ы е с л о в а: *топиализация; левая дислокация; референция; анафорические отношения; национальные разновидности английского языка; корпусная лингвистика.*

The article presents the results of a corpus-based analysis of topicalization and left dislocation in Canadian and Indian varieties of English. The following factors that determine the use of these constructions are examined: the degree of givenness, anaphoricity, and topicality of the referents of fronted constituents. Considerable similarity in the functions of the constructions is observed in both varieties. It is established that lower frequency of topicalization in the studied varieties is due to stricter pragmatic constraints on its use. Greater frequency of the analyzed constructions in Indian English as compared to Canadian English is attributed to the fronting of less given and less topical referents being allowed. We conclude that both constructions function similarly in inner and outer circle varieties (according to B. Kachru's model).

Key words: *topicalization; left dislocation; referentiality; anaphoric relations; national varieties of English; corpus linguistics.*

Несмотря на то что английский язык характеризуется фиксированным порядком слов, существуют конструкции, доступные носителям для изменения канонического словорасположения, чтобы кодировать различия в актуальном членении предложения. Цель данной статьи – выявить функциональные особенности топиализации и левой дислокации в канадской и индийской разновидностях английского языка.

Топикализация¹ (пример 1) и левая дислокация (далее ЛД, пример 2) – это схожие по форме неканонические варианты порядка слов в английском языке, которые подразумевают смещение какой-либо составляющей за пределы клаузы влево [1, р. 1372–1381, 1408–1414]. В случае ЛД на месте изначально-го расположения составляющей остается кореферентное с ней местоимение.

(1) [My friends] I met [] at the café;

(2) [My friends]_i, I met [them]_i at the café.

Подробное описание функций ЛД и топикализации дала Э. Принс [2; 3]. Автор выделяет три функциональных типа ЛД [3, р. 285–291]:

1) упрощающая ЛД (*Simplifying LD*) предотвращает появление ранее не упоминавшихся референтов в нестандартной для них позиции подлежащего;

2) отсылающая ЛД (*Poset LD*) передает слушателю информацию о том, что референт входит в одно множество с уже упоминавшимися референтами;

3) островная ЛД² (*Resumptive Pronoun Topicalization LD*) позволяет сместить составляющую из позиции внутри синтаксического «острова»³. Этот тип, по сути, представляет собой скрытую топикализацию [Там же, р. 291].

При этом у топикализации Э. Принс выделяет одну (двойную) функцию [Там же, р. 292–295]. Во-первых, топикализация дает слушателю понять, что референт смещенной составляющей входит в одно множество с ранее упомянутыми референтами. В этом плане функция топикализации частично совпадает с отсылающей функцией ЛД. Во-вторых, топикализация фокусирует находящуюся внутри клаузы составляющую, которая представляет собой реализацию переменной из соответствующей открытой пропозиции, что отличает топикализацию от ЛД.

Лингвисты М. Грегори и Л. Микелис [4] предлагают другую концепцию. Авторы приходят к выводу, что между функциями ЛД и топикализации нет той взаимосвязи, о которой пишет Э. Принс. В своем анализе ученые используют три независимых критерия, в соответствии с которыми проводился анализ контекстов с ЛД и топикализацией в американском английском, – выделенность референта, анафоричность референта и его топикальность [Там же, р. 1681–1688]. Подробнее эти критерии будут описаны ниже.

Исследование М. Грегори и Л. Микелис показало, что в значительной части контекстов с ЛД у смещаемых составляющих отсутствуют антецеденты, в то время как у большинства составляющих, смещаемых в рамках топикализации, антецеденты присутствуют [Там же, р. 1695]. Анализ топикальности выявил такую же тенденцию: в большинстве случаев ЛД референты становятся темами последующих высказываний, в то время как у большинства референтов при топикализации катафорических связей нет [Там же]. Авторы постулируют одну общую функцию ЛД – выдвижение темы, вместо нескольких не связанных между собой функций, как в классификации Э. Принс.

¹Стоит отметить, что обсуждаемое явление иногда называется иначе, например, используется термин *препозиция* (англ. *preposing*), так как, по мнению Г. Уорда и др., обозначение *топикализация* дает ложное представление о функциях данной конструкции [1, р. 1374]. Наше использование термина *топикализация* объясняется исключительно его конвенциональностью: он наиболее часто встречается в публикациях по данной тематике.

²Здесь и далее перевод наш.

³Например, нельзя топикализировать один из конъюнктов синтаксической группы с сочинительной связью – *[Mike], John and [] spent some time together.

Однако в некоторых аспектах исследования М. Грегори и Л. Микелис наблюдаются расхождения с анализом Э. Принс, что потенциально ставит под сомнение их вывод об общности функций ЛД. Например, авторы отмечают: «Ни один из денотатов смещаемых ИГ в рамках ЛД в упрощающей функции не имеет анафорической связи с предшествующим дискурсом, в то время как в случае использования ЛД в отсылающей функции 62 % денотатов имеют подобную связь» [4, р. 1690]. Получается, что 38 % контекстов, в которых, как утверждают авторы, ЛД используется в отсылающей функции, не соответствуют определению этой функции, предложенному Э. Принс. Возникают вопросы, действительно ли полученные авторами результаты сопоставимы, и совпадают ли сущности, описываемые М. Грегори и Л. Микелис, с теми, о которых пишет Э. Принс.

Противоречащие друг другу выводы из публикаций по данной теме делают необходимым уточнение существующих теорий. Данные теории при этом позиционируются как описания функций ЛД и топиализации в английском языке в целом [3, р. 299], а не только в американской его разновидности (относящейся в модели Б. Качру [5] к внутреннему кругу), на материале которой были проведены вышеупомянутые исследования. В таком случае теории должны в определенной степени описывать функционирование конструкций в любой разновидности английского. Мы предполагаем, что функционирование данных конструкций в канадской разновидности не должно отличаться от других разновидностей внутреннего круга, поэтому мы ожидаем, что результаты исследования канадской разновидности будут сравнимы с результатами исследований Э. Принс и М. Грегори и Л. Микелис. Тем не менее, вполне возможно, что существующие концепции подходят только для описания употребления ЛД и топиализации в разновидностях внутреннего круга, поэтому нашей гипотезой является несоответствие функционирования ЛД и топиализации в индийском английском существующим теоретическим описаниям.

Таким образом, данная статья имеет следующие задачи: 1) установить применимость существующих теорий к описанию функционирования ЛД и топиализации в канадской и индийской разновидностях английского языка, 2) выявить сходства и различия в использовании ЛД и топиализации в рассматриваемых разновидностях, 3) выявить характерные для обеих разновидностей особенности и 4) определить, какие факторы влияют на употребление конструкций и в какой степени.

Источником материала для нашего исследования послужили подкорпуса канадского (далее ICE-CAN) и индийского (далее ICE-IND) английского из корпуса разновидностей английского языка The International Corpus of English (ICE). Каждый подкорпус ICE насчитывает примерно 1 млн словоупотреблений и делится на 15 сегментов, которые соответствуют различным типам дискурса [6]. В целях нашего исследования мы пользовались только сегментом устной речи обоих подкорпусов, который насчитывает 600 тыс. словоупотреблений. Характер сегментов и количество входящих в них текстов одинаковы для всех подкорпусов, что обеспечивает возможность сопоставления выборок из них.

В качестве одного из факторов, влияющих на употребление исследуемых конструкций, мы, вслед за М. Грегори и Л. Микелис, рассматривали степень выделенности референта. Данный фактор отражает предположения говорящего о степени активации конкретных референтов в сознании слушателя. При анализе мы опирались на иерархию, предложенную Дж. Гундел и ее соавторами [7]. Иерархия состоит из шести уровней и имеет импликационный характер – референты, относящиеся к определенному уровню, обладают характеристиками всех более низких уровней, но не наоборот.

С каждым уровнем иерархии соотнесены прагматически приемлемые (т.е. возможные в конкретном контексте) варианты его экспликации, что делает анализ языкового материала менее субъективным [Там же, р. 275–280].

1. «В фокусе» – референт доступен в кратковременной памяти слушателя и находится в фокусе внимания коммуникантов. Средствами выражения данного уровня выступают безударные и нулевые местоимения. Пример:

(3) *Yesterday I met my friend John. He's studying at UCLA. Does a lot of volunteer work as well.*

2. «Активированный» – репрезентация референта находится в кратковременной памяти слушателя, но необязательно находится в фокусе внимания. Репрезентация также может создаваться на основе непосредственного лингвистического и экстралингвистического контекста. При таком уровне выделенности референта допускается использование местоимения *this* с существительными и местоимения *that* без существительного. В примере 4, взятом из [Там же, р. 278], референтом указательного местоимения является лай собаки, при этом употребление местоимения будет прагматически приемлемо, только если в момент произнесения лай можно услышать:

(4) *I couldn't sleep last night. **That** kept me awake.*

3. «Знакомый» – слушатель может определить референт, потому что репрезентация этого референта уже присутствует у него в долговременной или кратковременной памяти. Данный уровень предполагает употребление указательного местоимения *that* с существительным (например, *that man*).

4. «Уникальный» – адресат может определить, о каком конкретно референте говорит адресант, исходя из одной лишь языковой формы. Данному уровню соответствуют английские ИГ с определенным артиклем (например, *the man who was wearing a hat*).

5. «Референтный» – используя определенные языковые единицы, адресант говорит о конкретном объекте (или объектах), а адресату требуется создать репрезентацию этого объекта во время интерпретации высказывания. Примером языковых единиц, относящихся к этому уровню, выступают ИГ с неопределенным *this*, характерные для разговорной речи. В примере 5 подразумевается, что референт ИГ *this guy* ранее не упоминался:

(5) *I was drinking my coffee when **this guy** came up to me and started asking annoying questions.*

6. «Нереферентный» – в сознании слушателя присутствует репрезентация типа объекта, описываемого языковыми единицами. При этом уровне выделенности референта возможно использование неопределенного артикля (*a man*).

Следующий фактор, влияющий на функционирование топиализации и ЛД, – анафоричность референта смещаемой составляющей. Данный фактор позволяет оценить степень связи референта смещаемой составляющей с тем,

о чем говорилось ранее. Мы воспользовались шкалой анафоричности от 0 до 2 из работы М. Грегори и Л. Микелис [4], где 0 обозначает отсутствие антецедента, 1 – наличие отношений множества между референтом смещаемой составляющей и другими уже упоминавшимися референтами и 2 – наличие антецедента. Следует отметить, что факторы анафоричности и выделенности связаны. Более высокая степень выделенности референта соответствует более высокой анафоричности. С другой стороны, показатель анафоричности дает и независимую информацию о потенциальном статусе референта в сознании слушателя. Например, упоминание таких объектов, как Солнце, обязательно сопровождается использованием ИГ с уровнем «Уникальный» (*the Sun*), однако анафоричность может быть равна нулю, если референт не фигурировал в предшествующем контексте.

В качестве третьего фактора выступает топикальность, которая показывает, становится ли референт смещаемой составляющей темой последующих высказываний. Для определения топикальности мы также использовали шкалу от 0 до 2 из [4], где 0 означает, что референт не упоминается катафорически, 1 – референт смещаемой составляющей обозначается в последующем контексте с помощью ИГ, а 2 – смещаемая составляющая выступает в роли антецедента местоимения.

Рассмотрим частотность двух конструкций в используемых корпусах, а также данные по степени выделенности референта, что представлено в следующей таблице.

Степень выделенности референтов смещаемых составляющих

Степень выделенности референта	Конструкция							
	Левая дислокация				Топикализация			
	ICE-CAN		ICE-IND		ICE-CAN		ICE-IND	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
В фокусе	0	0	0	0	0	0	0	0
Активированный	0	0	0	0	8	22,86	14	8,54
Знакомый	9	11,11	32	12,21	8	22,86	33	20,12
Уникальный	62	76,54	207	79,01	11	31,43	92	56,09
Референтный	4	4,94	12	4,58	3	8,57	19	11,59
Нереферентный	6	7,41	11	4,20	5	14,28	6	3,66
Всего	81	100	262	100	35	100	164	100

Общее количество отобранных контекстов с ЛД составило 81 в ICE-CAN и 262 в ICE-IND, а с топикализацией – 35 и 164 соответственно. Так как объем подкорпусов одинаков, данные не требуют нормализации, и их можно сравнивать между собой напрямую.

Как можно заметить, обе конструкции встречаются гораздо чаще в индийской разновидности, при этом топикализация является более редкой конструкцией в обоих идиомах. Можно отметить меньшую относительную частотность активированных референтов топикализируемых составляющих в индийской разновидности английского языка за счет увеличения числа

уникальных. Таким образом, анализ показал, что референты, смещаемые в рамках топиализации в индийском английском, могут быть в среднем менее выделенными.

Было также обнаружено, что между двумя идиомами существуют различия в допустимых вариантах экспликации отдельных уровней в иерархии выделенности. Пример ЛД из ICE-IND:

(3) *Well uh when I was there he was already sitting there and **those three persons** they were trying to tease him and provoke him first.*

ИГ *those three persons* не имеет antecedента в данном тексте, из чего можно заключить, что в данном случае *those* используется так же, как неопределенное *this* в разновидностях внутреннего круга. Подобное употребление соответствует уровню «Референтный», в то время как в разновидностях внутреннего круга использование местоимения *those* в составе ИГ возможно только для референтов со степенью выделенности «Знакомый».

Перейдем к рассмотрению фактора анафоричности (рис. 1).

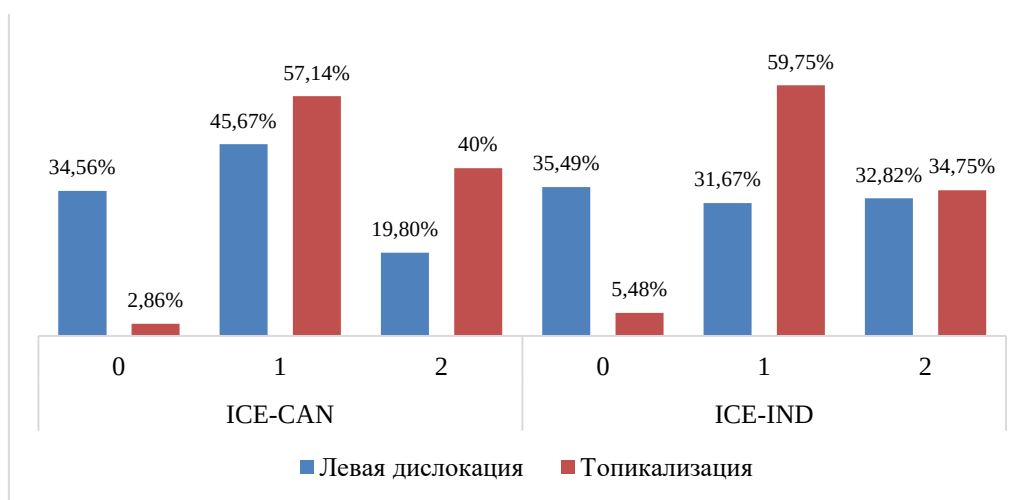

Рис. 1. Анафоричность референтов смещаемых составляющих

Как демонстрирует представленная диаграмма (рис. 1), в обеих разновидностях наблюдается практически полное отсутствие референтов без antecedента в контекстах с топиализацией (всего 1 контекст в выборке из ICE-CAN и 9 в выборке из ICE-IND) по сравнению с ЛД. Это вполне ожидаемо, так как упрощающая функция ЛД в концепции Э. Принс предполагает смещение составляющих, референт которых не имеет antecedента. Среднее арифметическое анафоричности в контекстах с ЛД ниже, чем при топиализации в обеих разновидностях: 0,97 и 0,85 для ЛД в ICE-IND и ICE-CAN и 1,29 и 1,37 для топиализации соответственно.

Результаты анализа топиальности (рис. 2) показывают, что доля нетопикальных референтов в контекстах с ЛД из ICE-IND на 7 % выше, чем в соответствующих контекстах из ICE-CAN. Кроме того, средняя топиальность референтов в контекстах с топиализацией существенно ниже в индийской разновидности (0,59 в ICE-IND против 0,88 в ICE-CAN). В обеих разновидностях наблюдается снижение частотности топиализации

по мере увеличения топикальности референтов. Среднее арифметическое топикальности референтов в обеих разновидностях в контекстах с ЛД выше, чем в контекстах с топикализацией: 1,03 и 1,22 для ЛД в ICE-IND и ICE-CAN, и 0,59 и 0,88 для топикализации соответственно.

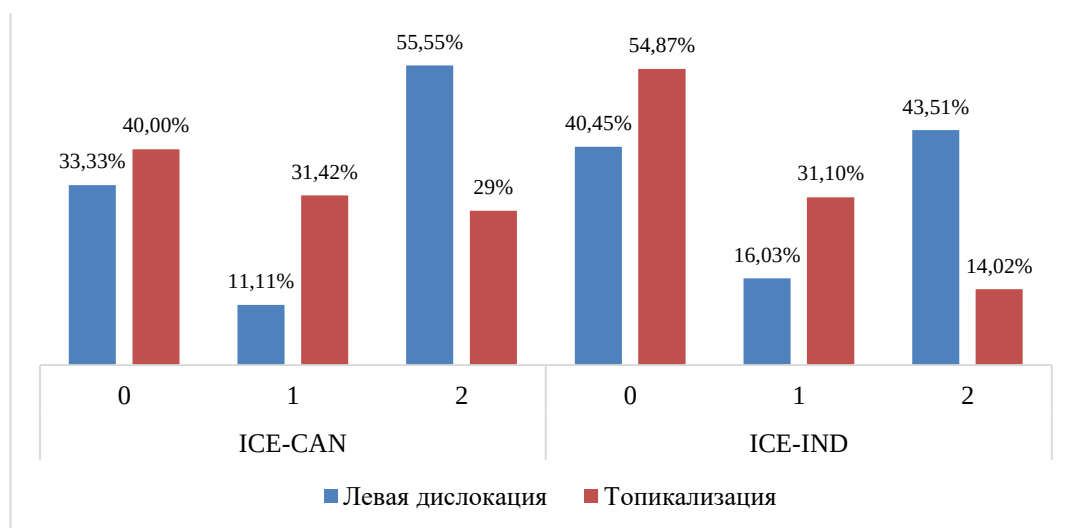

Рис. 2. Топикальность референтов смещаемых составляющих

Таким образом, наше исследование показало, что использование топикализации и ЛД в целом соответствует существующим описаниям как в канадском, так и в индийском английском. Показатели анафоричности смещаемых в рамках ЛД элементов не совпадают с результатами М. Грегори и Л. Микелис [4], возможно, по причине несоответствий, отмеченных нами во введении к данной статье (различные понимания отсылающей функции ЛД). Так, по нашим результатам ненулевой анафоричностью обладает 65,44 % референтов в выборке из ICE-CAN и 64,51 % в выборке из ICE-IND, в то время как в работе М. Грегори и Л. Микелис подобными характеристиками обладает лишь 38 % референтов. Однако средние показатели анафоричности и топикальности соответствуют отмеченной ими тенденции – референты в контекстах с ЛД менее анафоричны и более топикальны, чем референты в контекстах с топикализацией, т.е. наблюдаются признаки, указывающие на общность функций ЛД. Также обратим внимание на небольшой размер полученной нами выборки из ICE-CAN, что может объяснить эти расхождения.

На основе полученных данных можно объяснить как более высокую частотность обеих конструкций в ICE-IND, так и разницу в частотности между самими конструкциями в обеих разновидностях.

Топикализация отличается от ЛД тем, что референты смещаемых составляющих в среднем более анафоричны и обладают большей степенью выделенности. Для прагматически приемлемого употребления топикализации требуется совпадение этих двух факторов, что и обуславливает ее более низкую частотность в сравнении с ЛД, где важную роль играет только фактор топикальности.

Объяснению повышенной частотности определенных конструкций в разновидностях внешнего круга английского языка уделяется много внимания в социалингвистической литературе. Зачастую в качестве объяснения

апеллируют к воздействию субстратного языка. Однако, как показало, например, исследование С. Лейкерта [8], влияние субстратного языка не всегда является важным фактором. Автор обнаружил, что частотность топиализации в гонконгском английском ниже, чем в британском, хотя субстратный для гонконгской разновидности кантонский язык относят к топиковым, и поэтому предполагалось, что топиализация в этом идиоме будет более частотной [8, р. 294]. Более высокую частотность ЛД и топиализации в индийской разновидности английского языка мы предлагаем отчасти объяснить менее строгими ограничениями на степень выделенности референта и его топиальность. Так как в индийском английском смещаться могут в среднем менее выделенные по сравнению с канадской разновидностью референты, которые при этом могут иметь более низкую топиальность, потенциально большее количество высказываний отвечает необходимым для приемлемого использования данных конструкций условиям.

Анализ материала из разновидности внешнего круга (индийского английского) позволил подтвердить приемлемость существующих теорий. В частности, получилось отметить справедливость гипотезы М. Грегори и Л. Микелис об общности функций ЛД и отсутствии взаимосвязи с функциями топиализации. Так как связь между формой и функцией произвольна, логично исходить из того, что употребление этих конструкций в разновидностях внешнего круга необязательно соответствует паттернам, наблюдаемым во внутреннем круге, отчего применимость существующих концепций к внешнему кругу придает им дополнительную валидность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ward, G.* Information packaging / G. Ward, B. J. Birner, R. Huddleston // *The Cambridge grammar of the English language* / ed.: R. Huddleston, G. K. Pullum. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. – P. 1363–1447.
2. *Prince, E.* On the functions of left-dislocation in English discourse / E. Prince // *Directions in functional linguistics* / ed. A. Kamio. – Philadelphia, 1997. – P. 117–144.
3. *Prince, E.* On the limits of syntax, with reference to left-dislocation and topicalization / E. Prince // *The limits of syntax* / ed.: P. W. Culicover, L. McNally. – San Diego : Academ. Press, 1998. – P. 281–300.
4. *Gregory, M. L.* Topicalization and left-dislocation: a functional opposition revisited / M. L. Gregory, L. A. Michaelis // *Journal of Pragmatics*. – 2001. – Vol. 33, iss. 11. – P. 1665–1706.
5. *Kachru, B. B.* World Englishes and applied linguistics / B. B. Kachru // *World Englishes*. – 1990. – Vol. 9, № 1. – P. 3–20.
6. *Greenbaum, S.* ICE: the international corpus of English / S. Greenbaum // *English Today*. – 1991. – Vol. 7, № 4. – P. 3–7.
7. *Gundel, J.* Cognitive status and the form of referring expressions in discourse / J. K. Gundel, N. Hedberg, R. Zacharski // *Language*. – 1993. – Vol. 69, № 2. – P. 274–307.
8. *Leuckert, S.* Typological interference in information structure: the case of topicalization in Asia / S. Leuckert // *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. – 2007. – Vol. 65, № 3. – S. 283–302.

Поступила в редакцию 04.10.2021 г.

Денисенко Екатерина Сергеевна
студент
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Ekaterina Denisenko
Student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
meinemail00@mail.ru

Фурашова Наталья Владимировна
кандидат филологических наук,
декан факультета немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natalia Furashova
PhD in Philology,
Dean of the Faculty of German
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nata.fur@gmail.com

НОМИНАТИВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ В СФЕРЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 (на материале немецкого языка)

NOMINATIVE NEEDS IN THE SPHERE OF PANDEMIC COVID-19 (based on the German language material)

Статья посвящена установлению экстралингвистических сфер, которые стали релевантными в период пандемии COVID-19 и обусловили номинативные потребности в современном немецком языке. Выявлены тенденции в создании наименований денотатов в этих сферах. Материалом для анализа послужили 1586 наименований явлений пандемии COVID-19, зафиксированных в электронном словаре неологизмов Института немецкого языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *пандемия COVID-19; номинация; наименование; экстралингвистическая сфера; ономаσιологический подход.*

The article is devoted to the identification of extralinguistic spheres that became relevant during the COVID-19 pandemic and determined the nominative needs in modern German. The tendencies in the creation of denominations of denotations in these areas are revealed. The material for the analysis comprised 1586 names of the phenomena related to the COVID-19 pandemic, which are recorded in the electronic dictionary of neologisms of the Institute of the German Language.

Key words: *pandemic COVID-19; nomination; name; extralinguistic sphere; onomasiological approach.*

Пандемия COVID-19 вызвала глобальные изменения во многих сферах жизни общества во всем мире, в том числе, по оценке лингвистов, журналистов и других специалистов, и в языке, в данном случае – в немецком (см., например, [1; 2]). Свидетельством этого является сопоставление общего количества неологизмов, появившихся за отрезок времени с 1990 по 2014 год, т.е. 24 года – 1651 единица [3], и количества новых слов, появившихся за один год пандемии COVID-19, – 1586.

Лексические инновации, созданные для номинации явлений пандемии, привлекают исследователей с разных точек зрения. В данной статье реализован ономаσιологический подход к их анализу, целью которого стало выяв-

ление тех экстралингвистических сфер, которые оказались релевантными в период пандемии COVID-19 и обусловили в этой связи номинативные потребности в современном немецком языке.

Источником материала для анализа послужил электронный словарь неологизмов Института немецкого языка (г. Мангейм) [4]. На основе анализа словарных дефиниций были выявлены следующие тематические сферы.

1. Обозначение вируса и его симптомов: COVID-19 – вызванное коронавирусом SARS-CoV-2 заболевание верхних дыхательных путей; *Coronafuß/Coronazeh/Covidzeh* – поражение стоп или пальцев стоп, которые могут появляться на фоне заболевания, вызванного коронавирусом SARS-CoV-2.

Интересной с ономаσιологической точки зрения представляется мотивация наименований разных штаммов/вариантов вируса. Так, изначально они именовались по локальному признаку, т.е. «тело знака» содержало имя страны, в которой он был впервые зафиксирован: *China* ‘Китай’ – *Chinavirus* ‘китайский вирус’; *Großbritannien* ‘Великобритания’ – *Britenvirus/britisches Virus/britische Variante/britische Mutation* ‘британский вирус/британский вариант/британская мутация’ и т.п. Тот факт, что в основе наименования заболеваний могут лежать разные признаки (например, симптомы – *Gelbsucht* ‘желтуха’ или имя первооткрывателя/исследователя заболевания – *Bechterevsche Krankheit* ‘болезнь Бехтерева’, *Alzheimer* ‘болезнь Альцгеймера’), является общепризнанным. Локальный признак как мотив наименования болезни также имел место раньше. Например, сифилис французы называли *итальянской болезнью*, пандемию гриппа в 1918–1919 гг. связывали с Испанией, отсюда *испанка*. Указанные выше наименования разных штаммов вируса в период пандемии COVID-19 стали восприниматься как не политкорректные, так как данные языковые номинации имплицитно содержат коннотативный аспект – вину/ответственность соответствующей страны за распространение определенного варианта вируса. Поэтому Всемирной организацией здравоохранения было принято решение найти более нейтральные в этом отношении наименования для разных вариантов вируса – номинации на основе букв греческого алфавита, например: *Alfa* – британский вариант, *Beta* – южноафриканский вариант, *Gamma* – бразильский, *Delta* – индийский.

2. Распространение вируса: *Coronatsunami* ‘корона-цунами’ – 1. (приближающийся) вызывающий страх рост инфекции коронавирусом SARS-CoV-2, 2. приближающееся, вызывающее страх экономическое развитие, объясняющееся пандемией COVID-19 и ее последствиями; *grüne Zone* ‘зеленая зона’ – место или регион с низким числом инфицированных; *rote Zone* ‘красная зона’ – место или регион, в котором отмечается очень много/рост числа инфицированных; *Superüberträger/Superspreader/Virenschleuder* ‘суперпереносчик/вирусная катапульта’ – кто-либо, кто заражает непривычно большое число других людей; *Virenbomber* ‘вирусный бомбардировщик’ – что-либо, что способствует распространению очень большого количества вирусов. Здесь необходимо отметить тенденцию к метафорической репрезентации

явления распространения вируса, что можно объяснить эмоциональной составляющей восприятия пандемии как угрозы, опасности, врага и представления ее с помощью разных образов.

3. Средства и меры защиты от вируса. В данной тематической группе интересен факт, что для наименования такого предмета первой необходимости во время пандемии, как защитная маска для лица в немецком языке появилось более 10 наименований. При этом почти все они содержат определенный оценочный компонент, нейтральными являются лишь два (первые три синонима рассматриваются как одна номинативная единица): *Mund-Nasen-Schutzmaske/Mund-Nasen-Schutz/Mund-Nasen-Schützer* – покрывающая нижнюю часть лица маска, которая должна предотвращать распространение вирусов; *Firmenmaske* ‘фирменная маска’ – маска, оформленная в корпоративном дизайне и предназначенная для сотрудников или клиентов фирмы. Оценочный компонент может содержаться:

1) в дефинициях:

Fashionmaske ‘модная маска’ – **besonders auffallend oder ungewöhnlich gestaltete** Bedeckung der unteren Gesichtshälfte zur Vorbeugung einer Infektion ‘особенно бросающееся или необычное покрытие нижней части лица для предотвращения инфекции’;

Kinnschoner/Kinnwärmer/Kinnwindel ‘букв.: «щадитель»/подогреватель/пеленка для подбородка’ – unterhalb des Mundes, und **damit nicht korrekt getragener** Mund-Nasen-Schutz защитная ‘маска для лица, которая носится ниже рта и поэтому **неправильно**’;

2) в стилистических пометах:

- *scherzhaft* ‘шутливо’: *Gesichtslappen/Gesichtsschlüpfer* ‘букв.: тряпка/трусики для лица’/*Gesichtskondom* ‘презерватив для лица’ (*scherzhaft* für) (von Hand hergestellter) Mund-Nasen-Schutz ‘изготовленная от руки маска’;

- *ironisch* ‘иронично’: *Mundschmutz* грязь для лица (игра с звуковым обликом слова *Schutz* ‘защита’ → *Schmutz* ‘грязь’);

- *abwertend* ‘уничижительно’: *Maulkorb* ‘намордник’ (так как требование носить маску воспринимается как нарушение основных прав человека).

Для наименований других средств и мер защиты такая эмоциональность/оценочность не характерна. Они представляют интерес, скорее, с культурологической точки зрения как источники информации о новых явлениях в жизни немецкоговорящего общества, вызванных пандемией, и с ономаσιологической – как демонстрирующие стратегии номинации данных явлений, например: *Spuckschutzwand* ‘защищающий от слюноаэрозолей экран’ (рус.: защитный экран); *digitaler Türsteher* ‘электронный портень/вышибала’ (1. система, которая контролирует и регулирует вход людей в магазины, здания и т.д. с помощью технологии фотоопознавания; 2. система, с помощью которой организатор на основе электронного списка посетителей контролирует и регулирует доступ гостей на мероприятие).

4. Меры, введенные правительствами стран для сдерживания инфекции: *Kontaktverfolgung* ‘преследование контактов’ – метод торможения эпидемии на основе постоянного анализа электронной информации о том, где кто-то пребывал и возможно был в контакте с инфицированным человеком; *Ausgangsverbot* ‘запрет на выход’ – регулирование, того кто, когда, при каких обстоятельствах может выйти из дома; *Lockdown* ‘локдаун’ – время, когда по распоряжению политиков вся экономическая и общественная активность приостанавливается для предотвращения распространения инфекции; *Sexkaufverbot* ‘запрет сексуальных покупок’ – законодательный акт, запрещающий проституцию; *COVID-19-News* ‘новости о COVID-19’ – сообщения об актуальных событиях, касающихся коронавируса, *Coronaticker* ‘корона + бегущая строка’ – формат новостей, который регулярно информирует об актуальной ситуации вокруг пандемии, *Coronatagebuch* ‘корона-дневник’ – регулярно публикуемые в прессе и Интернете (редакционные) описания личных наблюдений, впечатлений, опыта во время пандемии COVID-19.

5. Последствия пандемии для общества. Проанализированный лексический материал свидетельствует о том, что последствия пандемии для общества очень негативны, что зафиксировано соответствующими семами в составе словарных дефиниций: *Coronahaar* ‘букв.: коронаволосы’ – durch die Schließung der Friseurgeschäfte während der COVID-19-Pandemie **herausgewachsener** bzw. durch **unprofessionelles** Schneiden **verunstalteter** Haarschnitt ‘волосы, **отросшие** из-за закрытия парикмахерских во время пандемии COVID-19 или **испорченные непрофессиональной** стрижкой’; *Coronafigur* ‘букв.: коронафигура’ – Körper einer Person, der nach der COVID-19-Pandemie (durch **Bewegungsmangel**, **Langeweile**, **Stress** usw. während der Pandemie) **unsportlicher** und **dicker** ist als davor ‘тело человека, ставшее после пандемии COVID-19 (из-за **недостатка движения**, **скуки**, **стресса** и т.д.) **менее спортивным** и **более полным**’; *Coronaspeck/Coronabauch* ‘букв.: коронажир/коронаживот’ – durch **Bewegungsmangel**, **Langeweile**, **Stress** usw. während der COVID-19-Pandemie angegessenes **Fettgewebe** ‘увеличившаяся из-за **недостатка движения**, **скуки**, **стресса** и т.д. во время пандемии **жировая ткань**’; *pandemüde* ‘букв.: пандеуставший’ – **überdrüssig** und **erschöpft** wegen allem, was mit der COVID-19-Pandemie zu tun hat ‘уставший и изможденный всем, что связано с пандемией’.

6. Реакция общества на пандемию и предпринимаемые против нее меры: *Hamsterkauf* ‘«хомячья» покупка’ – создание ненужных больших запасов определенных продуктов (например, туалетной бумаги) в домашнем хозяйстве; *Coronapanik/Coronoia* ‘букв.: коронапаника/короноя (корона + паранойя)’ – панический страх заражения коронавирусом, *Corona-Diktatur* ‘корона-диктатура’ – политическая система, вводящая меры против пандемии, которые население считает преувеличенными; *Impftourist* ‘букв.: приви-

вочный турист’ – человек, который едет из одной федеральной земли в другую, чтобы самостоятельно получить там прививку, вместо того, чтобы ждать очереди в своей земле.

7. Медицинская сфера:

- медицинские учреждения: *Abstrichzentrum* ‘мазок + центр’ – учреждение, в котором при подозрении на инфекцию COVID-19 проводится соответствующий тест; *Drive-in-Test* ‘Drive-in + тест’ – проверка возможной инфекции коронавирусом в мобильной, специально оборудованной станции; *Fieberzentrum* ‘температура + центр’ – учреждение для медицинского обслуживания ковидных пациентов, которые не могут по причине заражения пойти в обычное медицинское учреждение;

- тест/вакцинация: *Freitestung* ‘букв.: освобождающее обследование’ – медицинское обследование для установления перенесенной вирусной инфекции, которое может освободить человека от карантина, от запрета на въезд в страну, на посещение чего-либо, разрешить приступить к работе и т.п.; *Zutrittstest* ‘букв.: тест для входа’ – тест, который проводится для установления инфекции, при негативном результате которого выдается документ, позволяющий пользоваться послаблениями противоэпидемических мер.

Кроме этого, пандемия вызвала значительные изменения в разных социальных сферах общества, создав тем самым необходимость в создании наименований для соответствующих денотатов, например:

- сфера образования: *Draußenschule* ‘школа на улице’ – школьные занятия на открытом воздухе, *Distanzprüfung* ‘экзамен на расстоянии’ – экзамен, проводимый с помощью современных технических средств без непосредственного контакта экзаменатора и кандидата, *digitales Klassenzimmer* ‘цифровой класс’ – занятия, проводимые с помощью видеоконференций, интернет-платформ и т.п.; *digitale Didaktik* ‘цифровая дидактика’ – теория преподавания, разрабатывающая виртуальные (происходящие в Интернете) учебные ситуации;

- спортивная жизнь: здесь необходимо констатировать большое количество сложных слов с первым компонентом *Geister* ‘призраки, духи’, так как все спортивные мероприятия во время пандемии проходили без зрителей: *Geisterspiel* ‘букв.: призрачная игра’ – спортивное соревнование без зрителей, *Geistertor* ‘букв.: призрачный гол’ – гол, забитый на футбольном матче без зрителей и т.п., *virtueller Fan* ‘виртуальный фанат’ – фанат команды или спортсмена, который принимает участие в спортивном мероприятии по Интернету (на расстоянии);

- общение людей: в данную тематическую группу входят лексемы, именующие разные способы общения людей с одним общим признаком – отсутствие/предотвращение непосредственного контакта: *Elternchat* ‘родительский чат’ – общение родителей на тему школы по Интернету, *Ein-Freund-Regel* ‘правило одного друга’ – правило, согласно которому

ребенок может во время пандемии встречаться для игр только с одним ребенком из другой семьи, *Fußgruß* ‘приветствие ногой’ – форма приветствия, когда люди вместо рукопожатия касаются друг друга стопами ног, *Fensterbesuch* ‘букв.: оконный гость’ – встреча людей, когда они общаются на расстоянии через (открытое) окно, *Telefonspaziergang* ‘прогулка с телефоном’ – неторопливая прогулка, во время которой человек беседует с другим по мобильному телефону;

- развлечения: основной признак, объединяющий денотаты лексем и в данной группе, – отсутствие прямого контакта между людьми: *Balkonsänger* ‘букв. балконный певец’ – человек, который поет для публики с балкона, *Fensterkonzert* ‘букв. оконный концерт’ – (совместный) публичный концерт (в определенное время), когда музыканты играют в своих квартирах с открытыми окнами, *Netflixparty* ‘нетфликс-вечеринка’ – одновременный просмотр фильмов или телепередач с родственниками или друзьями на расстоянии, *Drive-in-Weihnachtsmarkt* ‘рождественский рынок драйв-ин’ – рождественский рынок, по которому люди (с целью защиты от инфекции) передвигаются, сидя в своем автомобиле.

Проведенное исследование продемонстрировало, что новые денотаты, появившиеся в период пандемии COVID-19 в немецкоговорящих странах, связаны преимущественно с самим вирусом, его распространением, мерами борьбы с ним и реакцией общества на пандемию и все, что к ней относится. Среди тенденций в создании наименований явлений пандемии можно отметить их метафорическую репрезентацию, эмоциональность в восприятии и соответственно в номинации явлений пандемии, которая фиксируется семами в значении лексических единиц или определенными лексикографическими пометами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sprachwissenschaftlerin : Neuer Wortschatz in Pandemiezeiten. – Режим доступа : <https://www.evangelisch.de/inhalte/184806/10-04-2021/sprachwissenschaftlerin-neuer-wortschatz-pandemiezeiten>. – Дата доступа : 17.01.2021.
2. Smiley mit Mundschutz : Corona verändert die Emoji-Kommunikation. – Режим доступа : https://www.rheinpfalz.de/lokal/ludwigshafen_artikel,-smiley-mit-mundschutz-corona-ver%C3%A4ndert-die-emoji-kommunikation-arid,5238772.html?reduced=true. – Дата доступа : 17.01.2021.
3. Фурашова, Н. В. О креативном использовании своих и чужих ресурсов в век неологизации (на материале немецкого языка) / Н. В. Фурашова // Изв. Смол. гос. ун-та. – 2015. – № 1 (29). – С. 168–176.
4. COSMAS II. Institut für deutsche Sprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp>. – Дата доступа : 17.01.2021.

Поступила в редакцию 18.10.2021

Дмитриева Ирина Владиславовна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Dmitrieva

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of History
and Grammar of English
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
diva206@mail.ru

Павлова Вероника Васильевна

преподаватель кафедры истории
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Veronika Pavlova

Lecturer of the Department of History
and Grammar of English
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
pavlova.veronika.2@mail.ru

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ КЛИМАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

FORMAL REPRESENTATION OF CLIMATIC VERB MEANINGS IN THE ENGLISH SENTENCE

Объектом исследования являются семантико-синтаксические особенности группы климатических глаголов. Показано, что актуализация климатического или переносного значения глагола данной группы осуществляется в тесной взаимосвязи с количественными и качественными характеристиками компонентов его номинативного окружения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: климатические глаголы; актанты; валентность; номинативные элементы; субъект; подлежащее.

The paper deals with the semantic and syntactic peculiarities of climatic verbs. It is demonstrated that the semantic variation of a climatic verb meaning realized in a sentence is closely connected with the peculiarities of its syntactic environment.

K e y w o r d s: climatic verbs; actant; valency; nominative elements; syntactic subject; semantic subject.

Направление лингвистики, известное как семантический синтаксис, в качестве базовых выдвигает понятия пропозиции и ее составляющих: семантического предиката и его номинативного окружения (актанты). Интерпретация взаимоотношения этих составляющих менялась по мере развития научных представлений о семантике предложения: от доминанты семантического предиката, который предопределяет количество и качество элементов своего номинативного окружения (Ч. Филлмор, Л. Теньер и др.),

до ставшего популярным в последнее время тезиса о том, что «короля делает свита», т.е. что значение семантического предиката предложения формируется в неразрывной связи с семантикой его номинативного окружения. В представляемом исследовании на материале климатических глаголов предпринимается попытка показать процедуру формирования их переносных значений в тесной взаимосвязи с изменением качественного и количественного состава сопутствующих актантов.

Климатические глаголы английского языка составляют особую группу глаголов, объединенных на основании общности семантики (они называют климатические процессы или состояния) и особенностях их синтаксической комбинаторики. С одной стороны, как самостоятельная группа лексико-семантических единиц они представлены далеко не во всех типологиях семантических классов глаголов/предикатов. С другой стороны, специфика их семантики и синтагматики обратила на себя внимание ряда исследователей независимо от масштаба целостной типологии, поэтому в некоторых общих классификациях глаголов, в основу которых положены семантико-синтаксические характеристики глаголов, климатические глаголы выделяются в отдельную группу. Они в определенной мере коррелируют с группой «метеорологических» предикатов у М. А. К. Халлидея [1, р. 309], «погодных» у Б. Левин [2, р. 274], а также отмечены в исследованиях А. Даунинг и Ф. Локка [3, р. 85]. Называемый ими тип процесса в совокупности с особенностями комбинаторики ложится в основание выделения особых групп глаголов, таких как «нульместные» в классификации В. В. Богданова [4, с. 51], «амбиентные» в типологии У. Чейфа [5, с. 114], «авалентные» в терминологии Л. Теньера [6, с. 121]. Амбиентный процесс – это процесс, который протекает сам по себе и не предполагает наличие участников, в том числе и субъекта-деятеля. Соответственно, в предложении, которое описывает ситуацию, не ожидается появление каких-либо номинативных элементов, служащих именованию участников ситуации. Термины *нульместный* и *авалентный* показывают, что исследователи в первую очередь опираются на валентностные характеристики глагола-предиката, обнаруживающиеся на уровне синтаксиса. В английском языке, где подлежащее является обязательным элементом структуры предложения, авалентность проявляется в особой синтаксической структуре, когда в качестве формального подлежащего выступает безличное *it*. Оно не служит номинации какого-либо участника ситуации, но маркирует функционально-синтаксическую позицию подлежащего.

Номенклатура английских климатических глаголов в различных классификациях представляет собой подвижное множество единиц, сохраняющее свое ядро в виде глаголов *rain* и *snow*, и существенно варьируя в своей периферии. В рамках проведенного исследования состав данной группы

глаголов был проверен и уточнен с опорой на объективные показатели. Анализ словарных дефиниций глаголов с учетом представленных в них формальных маркеров (*weather, rain, snow, liquid, atmosphere, temperature, water, air, wind, sky*) в совокупности с проявлениями синтаксической способности сочетаться с формальным безличным подлежащим *it* позволил сформировать номенклатуру климатических глаголов, в которую вошли 16 единиц: *blow, breeze, drizzle, flood, freeze, hail, mist, mizzle, pour, rain, sleet, snow, sprinkle, storm, teem, thunder*.

Уже на уровне словарных дефиниций эти глаголы демонстрируют значительный семантический потенциал: они могут реализовывать до 19 переносных значений и обозначать широкий спектр действий, процессов или состояний материального, ментального, психоэмоционального или вербального характера. При этом еще не описаны с достаточной эксплицитностью и системностью условия, в которых активизируется то или иное значение глагола изучаемой группы.

Отмеченный выше факт специфической комбинаторики климатических глаголов, связь реализации климатического значения с особой валентностью предиката делает целесообразным анализ синтагматического окружения данных глаголов в предложении. Теоретически здесь можно опираться на высказанное в свое время классиками теории лингвистической валентности М. Д. Степановой и Г. Хельбиг мнение, что валентность языковой единицы находится на пересечении лексикологии, семантики и синтаксиса, и, следовательно, не существует лишь на семантическом уровне. Авторами отмечается, что лексико-семантический вариант слова задает условия для появления необходимых и возможных элементов в его синтаксическом окружении, и, наоборот, появление слова в различных синтаксических окружениях сигнализирует о различных реализованных значениях [7, с. 139].

Поскольку одной из исходных характеристик актуализации климатического значения глагола в английском языке является его употребление в предложении с безличным *it* в позиции подлежащего, то появление любого знаменательного слова в этой позиции может сигнализировать о потенциальном изменении в значении глагола-предиката.

Анализ текстовых употреблений показывает, что если в позиции подлежащего появляется слово, относящееся к метеорологической денотативной области, то климатическое значение глагола-предиката сохраняется. Например, *the angry sky thundered overhead* [8]. При этом можно говорить об изменении типа действия: наличие именованного природного субъекта-деятеля («силы», в терминах семантического синтаксиса) *sky* несколько меняет амбиентный характер действия, называемого глаголом-предикатом *thundered*.

Позицию подлежащего могут занимать именованные объекты, не относящиеся к области метеорологии, но связанных с природными феноменами, например, объекты рельефа, почвы, растительного мира и т.п. В этих

случаях амбиентность климатического процесса или действия нейтрализуется и на первый план выходит значение процесса, оказывающего материальное воздействие на окружающую среду. Значение воздействующего характера природного процесса усиливается за счет появления зависимых элементов в правостороннем окружении предиката. Например, *the volcano erupted and rained hot ash over a wide area* [9].

Появление в левосторонней комплементации глагола полнозначной лексемы, не относящейся к области метеорологии и не связанной с природным феноменом, является основным, синтагматически первым признаком того, что глагол употреблен не в климатическом значении. Неклиматическое значение климатических глаголов реализуется в 78 % проанализированной выборки текстовых примеров с глаголами данной группы.

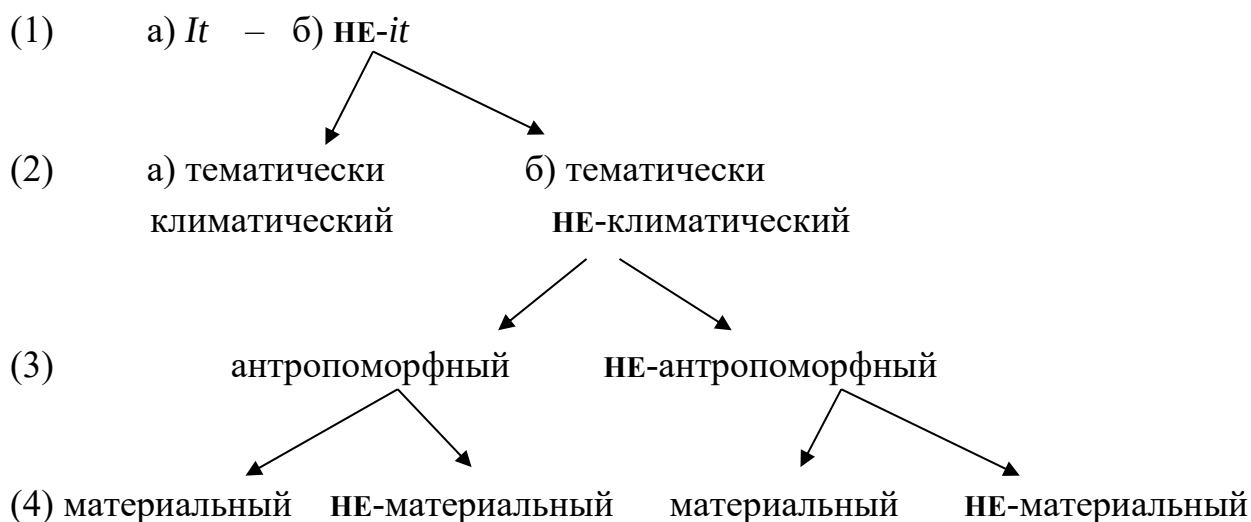
Наиболее разнообразную совокупность составили предложения, в которых в позиции подлежащего использованы слова с антропоморфным компонентом. Они могут служить именованию человека, деятеля (*Jack rained down tears among the ashes*) или явления/объекта, связанного с субъектом-деятелем метонимическими отношениями: *His eyes rained down tears among the ashes* [10]. В предложениях, где подлежащее выражено лексемой, относящейся к группе антропоморфных, глагол из группы климатических может актуализировать широкий спектр значений, конкретизация которых осуществляется при учете семантики элементов правостороннего окружения глагола предиката. Данное утверждение можно проиллюстрировать следующим построением: *It snowed – She snowed...* Появление компонента с антропоморфными характеристиками предсказывает перенос события из денотативной области атмосферно-климатических ситуаций в личностно-деятельностную, интеллектуальную или психоэмоциональную сферу. Вероятные правосторонние компоненты могут способствовать актуализации значения: (а) интеллектуального воздействия – *she snowed Turgis by her ideas*; (б) психоэмоционального воздействия – *she snowed Turgis by her charm* или (в) физического воздействия – *she snowed Turgis instead of rescuing him*. Как видно из примеров, конкретизация типа действия оказывается связана с отнесенностью элемента правосторонней комплементации глагола-предиката к интеллектуальной сфере в варианте (а) – *by her ideas*, к психоэмоциональной сфере в варианте (б) – *by her charm* или сфере физических действий в третьем варианте – *instead of rescuing him*.

Значение вербального действия, реализуемое глаголом из группы климатических, также маркируется антропоморфным актантом в первой позиции в сочетании с пациентивом, называющим адресата речевого действия, и объектом-вербижем. Например, *the old lady rained down curses on us* [8]. Позицию подлежащего может занимать и слово, не имеющее прямого антропоморфного значения, но относящееся к сфере вербальной деятельности человека: *His blessings rained down on me* [11].

Достаточно многочисленными (почти 10 % от всего количества текстовых употреблений в климатическом и не климатическом значениях) являются случаи реализации значения перемещения в пространстве. В таких предложениях актуализации значения глагола-предиката служит не только появление субъекта-деятеля в позиции подлежащего, но и локатива: *The defeated army poured through Atlanta by thousands* [12].

Значения глагола из группы климатических в сочетании с неантропоморфной единицей в позиции подлежащего будут конкретизироваться в зависимости от отнесенности использованной лексики к сфере абстрактных или конкретных феноменов и далее – в зависимости от отнесенности феномена к той или иной денотативной области. Например, в *happiness flooded her until her eyes were liquid with tears* [11] абстрактное существительное *happiness* дает основания оценить глагол *flooded* как обозначающий психоэмоциональный процесс.

Таким образом, формализация потенциальных значений климатических глаголов осуществляется посредством изменений в семантике их номинативного окружения. Синтагматическое развертывание предложения делает особенно важным изменения в семантике единицы в позиции подлежащего, поскольку именно оно формирует ожидания в отношении типа описываемой предложением ситуации и значении глагола-предиката. Совокупный результат проведенного исследования позволяет предложить предварительный алгоритм определения значения глагола из группы климатических на базе характеристик левостороннего номинативного элемента пропозиции:

Данная схема включает четыре шага, каждый из которых все более конкретизирует ту предметную область, которую описывает предложение с климатическим глаголом-предикатом и, как следствие, тип процесса, называемый глаголом. Позиции 1 а) и 2 а) маркируют сохранение глаголом

значения климатического процесса. Позиции 1 б), 2) б) и далее открывают возможность реализации переносного значения климатического глагола, которое будет определяться в зависимости от отнесенности лево- и правосторонних элементов номинативного окружения предиката к той или иной денотативной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Halliday, M. A. K. An introduction to functional grammar* / M. A. K. Halliday. – Repr. ed. – London [etc.] : Edward Arnold, 1987. – 387 p.
2. *Levin, B. English Verb Classes and Alternations : A Preliminary Investigation* / B. Levin. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1993. – 348 p.
3. *Downing, A. English grammar : a university course* / A. Downing, Ph. Locke. – 2nd ed. – N. Y. : Routledge, 2006. – 641 p.
4. *Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения* / В. В. Богданов. – Л. : ЛПУ, 1977. – 204 с.
5. *Чейф, У. Л. Значение и структура языка* / У. Л. Чейф. – Изд. 3-е. – М. : Либроком, 2009. – 430 с.
6. *Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса* / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 645 с.
7. *Степанова, М. Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке* / М. Д. Степанова, Г. Хельбиг. – М. : Высш. шк., 1978. – 258 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

8. *Bronte, E. Wuthering Heights* / E. Bronte. – 4th ed. – N. Y. ; W. W. Norton & Co, Inc., 2003. – 448 p.
9. The Collins Corpus [Electronic resource]. – Mode of access : <https://collins.co.uk>. – Date of access : 14.05.2021.
10. *McEwan, I. Atonement* / I. McEwan. – N. Y. : Random House, 2008. – 157 p.
11. Context Reverso [Electronic resource]. – Mode of access: <https://context.reverso.net>. – Date of access: 14.05.2021.
12. *Mitchell, M. Gone with the wind* / M. Mitchell. – N. Y. : Warner Books, Inc., 1993. – 868 p.

Поступила в редакцию 12.10.2021

Дудина Анжелика Михайловна
кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой лексикологии
французского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Angelika Doudina
PhD in Philology,
Head of the Department of French Lexicology
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
a_doudina@mail.ru

Никитина Дарья Александровна
выпускник
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Darya Nikitsina
Graduate
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
dasha-nene@mail.ru

МЕТАФОРА ВО ФРАНЦУЗСКОМ МЕДИЙНОМ ЗАГОЛОВКЕ: ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

METAPHOR IN THE FRENCH MEDIA HEADLINE: A PRAGMA-SEMANTIC ASPECT

Настоящая статья посвящена семантическому и прагматическому анализу метафоры, демонстрирующей высокую частотность в заголовках французских печатных СМИ. Исследование проводится на основе двух когнитивно-дискурсивных классификаций метафор (американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона и российского лингвиста А. П. Чудинова). Выделяются наиболее употребительные виды метафор, устанавливаются причины их активного использования в медиазаголовках.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *метафора; когнитивно-дискурсивный подход; классификация метафор; заголовки; медиадискурс.*

The present article is devoted to the semantic and pragmatic analysis of a high frequency metaphor in French media headlines. The study is based on two cognitive and discursive classifications of metaphors (by American linguists J. Lakoff and M. Johnson and the Russian linguist A. P. Chudinov). The most common types of metaphors are highlighted and the reasons for their active use in media headlines are established.

Key words: *metaphor; cognitive and discursive approach; classification of metaphors; headline, media discourse.*

Метафора как способ осмысления явлений одного рода в терминах сущностей другого рода известна с древних времен¹. Однако на протяжении долгого периода времени (начиная с Исократа и Аристотеля) она преимущественно рассматривалась в качестве стилистического приема, сфера применения которого ограничивалась художественной литературой. Лишь относительно недавно метафора стала исследоваться и в других типах дискурса, в частности, в массово-информационном.

Остановимся подробнее на анализе семантической и прагматической особенностей метафоры в заголовках франкоязычных СМИ. Практическим материалом для настоящего исследования послужили статьи рубрик «International» и «Politique» изданий Le Figaro, Le Monde, Libération и Le Parisien за период с марта 2020 по апрель 2021 года. В основу анализа положены две когнитивно-дискурсивные классификации метафор: первая разработана американскими лингвистами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, автором второй является российский ученый А. П. Чудинов [2; 3].

Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры – одно из последних направлений в изучении метафорического моделирования. Исследуя взаимодействие языка и познания, сторонники когнитивной лингвистики утверждают, что метафора – одна из основных ментальных операций человека, который использует ее не только как троп, но и как средство познания ранее неизведанного, ведь сталкиваясь с чем-то новым, всегда проще оперировать уже хорошо знакомыми элементами².

Вслед за сторонниками когнитивистского подхода под *метафорой* в данной работе понимается определенный способ мышления, концептуализации и категоризации.

Основоположники когнитивной метафорической теории Дж. Лакофф и М. Джонсон различают *структурные, ориентационные и онтологические* типы метафор [2]. Первый тип (*структурные метафоры*) построен на основе метафорической номинации одного концепта лексическими единицами другого. Один из примеров – метафорический концепт «время – деньги». Он появился с развитием индустриального общества, в котором время является ценностью, ограниченным ресурсом, как и жизнь человека: *Covid-19: Le temps c'est de l'argent!* 'Covid-19: Время – деньги!' (Le Figaro, 24.04.2020). Время – абстрактное понятие, которым человек не может обла-

¹Традиционно под *метафорой (метафорической моделью)* понимается «уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [1, с. 177–178].

²«Метафора принадлежит не только языку, т.е. не только словам. Мы утверждаем, что процессы человеческого мышления во многом метафоричны» [2, с. 27].

дать. Однако его восприятие как материальной сущности делает данную метафору возможной. Указанный заголовок содержит призыв к активным действиям в борьбе с короновирусной инфекцией, когда промедление влечет за собой человеческие жертвы и серьезные денежные потери.

Ориентационные метафоры позволяют представить ментальный концепт как занимающий определенное положение в пространстве и связаны с физическим опытом человека. Так, в примере *Au Pérou, une présidentielle sous le sceau de l'incertitude* 'Президентские выборы в Перу в условиях (букв. под печатью) неопределенности' (Libération, 10.04.2021) с помощью лексемы *sous* метафорически представлено положение подчинения, зависимости от обстоятельств.

Ограниченная возможность концептуализации событий, действий или состояний посредством категорий пространства стала причиной для возникновения онтологических метафор, которые позволяют говорить об абстрактных понятиях в терминах материальных объектов. Пример такой метафоры содержится в медийном заголовке *L'opinion c'est la machine* 'Мнение – это машина' (Libération, 19.03.2021). Автор метафорически представляет общественное мнение как серьезную движущую силу. В другом примере: *Covid-19: la Corée du Sud mobilisée face à la troisième vague* 'Ковид-19: Южная Корея мобилизуется против третьей волны' (Le Figaro, 01.12.2020), – онтологическая метафора также позволяет говорить об абстрактном понятии как о материальном предмете, поддающемся подсчету.

Одной из разновидностей онтологических метафор является *персонификация* (наделение материальных объектов качествами человека): *Gilets jaunes : le mouvement s'essouffle et séduit de moins en moins de Français* 'Желтые жилеты: движение выдыхается и привлекает все меньше французов' (Le Parisien, 12.09.2020). Важно отметить, что метафора лишь позволяет наделить материальный объект (или абстрактное понятие) «человеческим» свойством, но не ставит знак равенства между ними. Так, протестное движение желтых жилетов, вспыхнувшее во Франции в ноябре 2018 г., предстает в виде марафонца, уверенно начавшего забег, но выбившегося из сил задолго до конца дистанции.

Еще одна разновидность онтологической метафоры определяется лингвистами как *метафора вместилища*: «Мы – физические существа, отграниченные и отделенные от остального мира поверхностью кожи; мы воспринимаем остальной мир как находящийся вне нас. Каждый из нас – это вместилище, ограниченное поверхностью тела, с ориентацией “внутри–снаружи”. Мы проецируем нашу собственную ориентацию “внутри–снаружи” на другие физические объекты, ограниченные поверхностями. Таким образом, мы также представляем их себе как вместилища с внутренней частью и внешней поверхностью» [2, с. 54]. Данная проекция направлена как на физические предметы, так и на действия, события, состояния. Так, в следующем заголовке кризис

представляется материальным объектом-вместилищем, имеющим границы, за пределы которых можно выйти: *Le scénario optimiste de sortie de crise du gouvernement sème le doute chez les économistes* ‘Оптимистичный сценарий выхода правительства из кризиса вызывает сомнения у экономистов’ (Le Parisien, 15.11.2020).

Проведенный анализ 413 заголовков (276 примеров в рубрике «International», 137 – в рубрике «Politique») позволил установить, что в разделе «International» подавляющее большинство составляют онтологические метафоры (129 примеров из 152 (85 %)). Из них 40 заголовков – это примеры метафоры-вместилища, в 24 заголовках используется персонификация материальных и абстрактных объектов. Полученные данные подтверждают высказанную Дж. Лакоффом и М. Джонсоном гипотезу о том, что человеческое мышление гораздо лучше справляется с анализом дискретных и материальных объектов, нежели абстрактных понятий. 21 пример (14 %) составили ориентационные метафоры. Наименее употребительными оказались метафоры структурные – всего 2 примера (1 %). Анализ раздела «Politique» дал схожий результат: онтологические метафоры здесь также являются наиболее частотными (47 примеров из 59 (80 %)). 13 заголовков (22 %) представляют собой метафоры-вместилища, а в 9 (15 %) используется прием персонификации. Обнаружено незначительное число примеров ориентационных (7 (12 %)) и структурных метафор (5 (8 %)).

Когнитивно-дискурсивная классификация метафор российского лингвиста А. П. Чудинова основывается на их понятийных сферах-источниках и включает *антропоморфные, натуроморфные, социоморфные и артефактные* метафоры [3, с. 94].

Антропоморфные метафоры, базирующиеся на сферах-донорах «Физиология», «Анатомия», «Болезни» и «Родство», наделяют неодушевленные предметы или явления человеческими свойствами или качествами. Существование такого типа метафор подтверждает, что при восприятии окружающего мира человек в значительной степени основывается на философии антропоцентризма. Например: *Comment des dizaines de manifestants pro-Trump ont accédé au cœur du Capitole* ‘Как десятки протестующих сторонников Трампа проникли в сердце Капитолия’ (Le Monde, 07.01.2021). В приведенном заголовке метафорическое использование лексемы *сердце* (орган, отвечающий за жизнедеятельность человеческого организма в целом) призвано показать, что манифестанты проникли в самый центр (сердце) Капитолия, где Конгресс США принимает важные решения, влияющие на жизнь государства в целом.

Примером метафоры, относящейся к сфере «Болезни» (*морбиальные метафоры* по А. П. Чудинову) является следующая: *États-Unis: la fièvre migratoire monte sur le Rio Grande* ‘США: миграционная лихорадка поднимается над Рио-Гранде’ (Le Figaro, 21.03.2021). Автор сравнивает большой поток мигрантов с лихорадкой, тем самым показывая отклонение от нормы, «болезненность» существующего положения.

Источниками моделирования натуроморфных метафор являются понятийные сферы «Мир растений», «Мир животных» и «Явления природы». Существование такого типа метафор объясняется тем, что человек с давних времен чувствует свою связь с окружающим его миром и обращается к нему для объяснения и концептуализации собственной жизни: *Russie : lancé comme une fusée, Spoutnik V récolte la méfiance* ‘Россия: запущенный как ракета, Спутник V пожинает плоды недоверия’ (Libération, 03.01.2021). Используя глагол *récolter* автор показывает сложный путь «рождения» и производства вакцины (подобно растению ее нужно высадить, поливать и удобрять, чтобы получить хороший урожай). Однако указанная вакцина вызывает серьезное недоверие населения.

Человек – социальное существо, а потому все составляющие социальной жизни непременно воздействуют на его картину мира. Тем самым социоморфные метафоры позволяют сравнивать существующие предметы и явления с различными концептами социальной жизни. Строятся они на основе таких понятийных сфер, как «Война», «Преступность», «Театр», «Игра и спорт». Обратимся к примеру: *Des documents piratés révèlent les coulisses de l’approbation rapide du vaccin Pfizer en Europe* ‘Украденные документы раскрывают закулисную историю быстрого принятия вакцины Pfizer в Европе’ (Libération, 16.01.2021). Кулисы и иной театральный реквизит зачастую используются для тщательной маскировки чего-либо. В настоящем примере кулисы маскируют реальный процесс прохождения клинических испытаний вакцины *Pfizer*.

Любая деятельность человека отображается в артефактах – вещах, им созданных. Существование артефактных метафор свидетельствует о нашем внутреннем желании связать себя с изобретаемыми нами предметами. Они базируются на понятийных сферах «Дом и предметы быта», «Механизм», «Одежда и украшения», «Инструменты», «Компьютерная техника», «Транспорт», «Здания и сооружения» и т.д. Например: *Brexit : le Royaume-Uni largue les amarres avec l’Europe* ‘Brexit: Соединенное Королевство отделяется от Европы’ (Le Figaro, 31.12.2020). Благодаря артефактной метафоре автору удастся создать яркий образ, сравнивая выход Великобритании из Европейского союза с отплытием судна от причала.

Еще один пример артефактной метафоры содержится в заголовке *École, terrasses, musées... Macron lance le chantier d’un déconfinement par étapes* ‘Школа, террасы, музеи... Макрон начинает процесс (букв. запускает стройку) поэтапного выхода из самоизоляции’ (Le Parisien, 15.04.2021). Стройка – поэтапный процесс: сначала закладывается фундамент, затем воздвигаются стены, последней устанавливается крыша. Так же поэтапно осуществляется и выход Франции из режима изоляции, вызванного пандемией коронавирусной инфекции: сначала перестает действовать комендантский час, позже снимается ограничение на передвижение граждан, открываются заведения

общественного питания и т. д. Кроме того, строительство подразумевает временный хаос и беспорядок. Таким образом, метафора в данном медийном заголовке акцентирует внимание читателя на длительности и определенной неупорядоченности процесса выхода Франции из режима изоляции.

Анализ 124 заголовков рубрики «International» позволил установить, что социоморфные, натуроморфные и антропоморфные метафоры представлены в них в количественно сопоставимой пропорции (41 (33 %), 35 (28 %) и 31 пример (25 %) соответственно), в то время как артефактные метафоры используются гораздо реже (17 примеров (8 %)). При анализе раздела «Politique» было выделено 78 заголовков, использующих метафору. Около половины из них (34 заголовка (44 %)) составляют примеры социоморфной метафоры, 18 (23 %) – антропоморфной. Далее следуют артефактные и натуроморфные метафоры (14 (18 %) и 12 (15 %) примеров соответственно). Это свидетельствует о том, что человеку для комфортной жизни проще оперировать понятиями, которые можно измерить, посчитать, поделить на части и т.д., а также об определяющем влиянии социальной жизни на восприятие человеком окружающего мира.

Таким образом, метафора – это не просто языковое средство, позволяющее украсить речь и сделать образ более ярким и понятным, это своеобразная форма мышления. Сама способность человека мыслить образно обуславливает возможность абстрактного мышления.

Использование метафоры в заголовках франкоязычных печатных СМИ способствует пониманию намерений и позиции автора; придает высказыванию образность, яркость, наглядность и выразительность; позволяет формировать то или иное оценочное отношение к сообщаемому; облегчает процесс восприятия информации, делая его более доступным и эффективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. – С. 177–178.
2. Лакофф, Дж., Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Чудинов, А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 (001). – С. 91–105.

Поступила в редакцию 08.10.2021

Ничипорчик Татьяна Ивановна

выпускник

Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatiana Nichiporchik

Graduate

Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
25-tatyana-16@mail.ru

Фурашова Наталья Владимировна

кандидат филологических наук,
декан факультета немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natalia Furashova

PhD in Philology,
Dean of the Faculty of German
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nata.fur@gmail.com

НОМИНАЦИЯ ЯВЛЕНИЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «COVID-19» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

NOMINATION OF PHENOMENA IN THE THEMATIC SPHERE “COVID-19” IN GERMAN

В статье предлагается анализ способов создания номинаций для явлений пандемии Covid-19: словообразование, заимствование и семантическая деривация. В сфере словообразования выявлен ряд тенденций: формирование конструкций с фиксированными первыми/левыми и вторыми/правыми компонентами; наличие гибридных единиц разного типа, нехарактерная ранее для немецкого языка продуктивность контаминации. Семантическая деривация базируется в первую очередь на механизме метафоры, переосмысливается не только целое слово, но и отдельный компонент сложного слова, выявлены концептуальные метафоры. В корпусе номинативных единиц представлены и словосочетания, выявлены их особенности.

Ключевые слова: *пандемия Covid-19; номинация; словообразование; гибридная единица; конструкция; заимствование; семантическая деривация; метафора.*

The article analyses ways to create nominations for the phenomena of the Covid-19 pandemic: word formation, borrowing and semantic derivation. In the sphere of word formation, a number of trends have been identified: the formation of structures with fixed first/left and second/right components; the presence of hybrid units of different types, productivity of contamination, previously uncharacteristic for the German language. Semantic derivation is based primarily on the mechanism of metaphor, not only the whole word is reconsidered, but also a separate component of a complex word; besides, conceptual metaphors are identified. In the corpus of nominative units, phrases are also presented, and their features are revealed.

Key words: *Covid-19 pandemic; nomination; word formation; hybrid unit; contraction; borrowing; semantic derivation; metaphor.*

Согласно информации электронного ресурса Википедия [1] официальной датой начала пандемии Covid-19 считается 11 марта 2020 года. Менее чем за полтора года электронный словарь неологизмов Института немецкого

языка в г. Мангейм [2] зафиксировал 1428 номинаций для объектов и явлений, связанных с пандемией, что можно считать свидетельством неологического бума в современном немецком языке. В этой связи научный интерес представляет вопрос, каким образом немецкий язык удовлетворяет возникающие на фоне пандемии номинативные потребности.

В немецком языке, как и во многих других, основными путями обогащения словарного состава являются *словообразование*, *словотворчество*, *семантическая деривация* и *заимствование*. Предваряя описание удельного веса каждого из данных способов в создании номинаций для явлений пандемии Covid-19, следует отметить, что среди них присутствуют как однословные наименования, так и словосочетания, например: *gelbe/rote/grüne Zone* ‘желтая/красная/зеленая зона’, *Krankschreibung per Telefon* ‘открытие больничного по телефону’, *Arbeit auf Distanz* ‘дистанционная работа’; *ins Covidwasser fallen* ‘не состояться из-за ограничений, связанных с пандемией’. Количество словосочетаний составляет 148 единиц, т.е. примерно 10 % от общего числа номинаций. 80 % словосочетаний образованы по модели «Adj. + Sub.» ‘«прилагательное + существительное»’, при этом компоненты словосочетаний неологизмами не являются, новое – их сочетание и стоящий за ними денотат. Интересно отметить, что среди данных словосочетаний сформировалось несколько серийных конструкций, например:

- «**digital** + Sub.» ‘«**цифровой/электронный/онлайн** + Sub.»’ – *digitaler Gottesdienst* ‘онлайн-богослужение’, *digitale Speisekarte* ‘онлайн-меню’;
- «**virtuell** + Sub.» – ‘«**виртуальный** + Sub.»’ – *virtuelles Klassenzimmer/virtuelles Konzert/Restaurant* ‘виртуальный класс/концерт/ресторан’.

Данный языковой факт отражает внеязыковую действительность, заключающуюся в том, что многие реальные явления в жизни общества приобрели новый формат, что вызвало коммуникативную необходимость фиксации этого факта. 90 % номинаций явлений пандемии Covid-19 представлены однословными наименованиями. Интересно отметить и здесь преобладание (сложных) имен существительных (85 %): *Geistermodus* ‘формат мероприятия, на котором нет зрителей’, *Maskengegner* ‘человек, отказывающийся носить маску в общественных местах’, *Spuckschutzscheibe* ‘защитный экран’. Удельный вес имен прилагательных и наречий в корпусе наименований составляет около 4 %: *coronamüde* ‘утомленный всем, что связано с пандемией COVID-19’, *tiefenerschöpft* ‘обессиленный физически и психологически из-за продолжительной напряженной ситуации’, *overzoomed* ‘перенапряженный/в стрессе из-за многочисленных видеоконференций на платформе Zoom’. Глаголы – самая немногочисленная группа (около 1 %), например: *teamsen* ‘общаться с помощью ресурса Teams’, *webexen* ‘общаться с помощью ресурса Webex’, *zoomen* ‘общаться с помощью ресурса Zoom’.

Перейдем к собственно теме данной статьи – путям создания номинаций для явлений пандемии COVID-19, среди которых самым продуктивным является словообразование (1161 новая номинация, т. е. около 81 %). Что касается способов словообразования, то здесь оказались задействованными почти все, имеющиеся в немецком языке.

1. *Словосложение* – самый продуктивный способ: *Terminshopping* ‘возможность делать покупки во время пандемии по предварительной записи’, *Touristenphobie* ‘страх местных жителей перед (слишком) большим количеством туристов в их местности’, *Impfverweigerer* ‘человек, отказывающийся от вакцинации’. Уже приведенные примеры демонстрируют, что среди сложных слов много гибридных, т.е. состоящих из немецких и английских компонентов.

Как и в корпусе словосочетаний, здесь за указанный выше короткий промежуток времени сформировался ряд конструкций, например:

1) конструкции с фиксированным первым/левым компонентом:

- **Corona-** (292 конструкта (под конструктом понимается конкретная реализация конструкции, в которой заполнен пустующий слот)): *Coronakrise* ‘экономически непростое время из-за введенных ограничений для предотвращения распространения коронавирусной инфекции’, *Coronaferien* ‘время, когда закрыты школы, детские сады, университеты и проведение занятий ограничено’, *Coronafrisur/Coronahaar/Coronamähne* ‘волосы, отросшие из-за закрытия парикмахерских, или стрижка, сделанная непрофессионально или очень плохо’, *Coronakilos* ‘лишние килограммы, набранные во время пандемии из-за малоподвижного образа жизни’;

- **Covid-/COVID-19-** (70 конструктов): *Covidparty* ‘вечеринка, организованная в качестве протеста против действующих ограничений’, *Covidgipfel* ‘встреча высокопоставленных лиц для принятия совместных решений по предотвращению распространения коронавирусной инфекции’, *COVID-19-Pass* ‘документ, подтверждающий наличие иммунитета против коронавируса’, *COVID-19-Hund* ‘собака, обученная для определения коронавирусной инфекции по запаху пробы слюны пациента’;

- другие конструкции: **Distanz-/Abstand-** (34 конструкта); **Impf-** (30 конструктов); **Masken-** (18 конструктов); **Geister-** (18 конструктов); **Pandemie-** (17 конструктов);

2) менее распространены конструкции с фиксированным вторым/правым компонентом, например:

- **-regel, -regelung** (30 конструктов): *Zwei-Haushalte-Regelung* ‘постановление, согласно которому во время пандемии разрешается контактировать членам двух семей’, *Abstandsregelung/Abstandsregel* ‘постановление по соблюдению дистанции в общественных местах’;

- **-maske** (11 конструктов): *Alltagsmaske/Behelfsmaske* ‘вручную созданная замена защитной маске, в большинстве случаев не соответствующая санитарным нормам’, *Fashionmaske* ‘защитная маска, которая выделяется своей оригинальностью или эксцентричностью’;

- другие конструкции: **-virus** – 9 конструктов; **-semester** – 9 конструктов; **-quarantäne** – 7 конструктов.

Количественные различия между описанными выше двумя группами предопределены тем, что конструкции с фиксированным первым/левым компонентом закрепляют наличие нового, актуального признака у известных денотатов: очередь – очередь с **соблюдением дистанции**, кризис – кризис, **вызванный пандемией**, нарушение – нарушение **правила обязательного ношения маски в общественных местах** и т.п. Поскольку многие объекты и явления в жизни общества оказались подверженными определенным серийным изменениям, в немецком языке для их номинации были созданы соответствующие конструкции, закрепившие данные изменения. Конструкции со вторым/правым фиксированным компонентом имеют другое значение – они отражают разновидности чего-либо, названного правым компонентом. Понятно, что типы семестров в университете или карантина, виды масок и т.п. хоть и отмечаются вариативностью и разнообразием, но их количество более ограничено, чем в первой группе.

2. *Деривация* (а именно *суффиксация*): *Lockerer* ‘политик, слишком рано потребовавший отказа от локдауна во время пандемии’; *Corönchen*, *Lockdownchen* ‘уменьшительно-ласкательные обозначения для коронавируса и локдауна’, *coronisch* ‘качества человека, явлений, предметов, которые имеют отношение к пандемии коронавируса’. Здесь также имеют место гибридные дериваты, например: *Lockdowner* ‘политик, слишком рано требующий отказа от локдауна во время пандемии’.

3. *Одновременная префиксация и суффиксация*: *Maske* – *bemaskt* ‘в маске’; *Lockdown* – *gelockdownt* ‘пострадавший от мероприятий локдауна’.

4. *Словопроизводство*: *Leerdenker* ‘человек, отрицающий общепризнанные меры борьбы с пандемией COVID-19’, букв.: не думающий (о последствиях), с пустой головой.

5. *Конверсия*: *tracken* ‘записывать данные о геолокации и перемещениях человека’, *coronern* ‘заражать коронавирусом’, *teamsen* ‘общаться с помощью ресурса Teams’, *zoomen* ‘общаться с помощью ресурса Zoom’.

6. *Сокращения* разных типов:

- акронимы: *MNS* – *Mund-Nasen-Schutz* ‘защитная маска из различных материалов’, *WSF* – *Wirtschaftsstabilisierungsfonds* ‘государственное финансирование фирм или предприятий для преодоления экономических последствий пандемии’;

- слоговые сокращения: *Munaschu* – *Mund-Nasen-Schutz* ‘защитная маска’, *Munaske* – *Mund-Nasen-Maske* ‘защитная маска’ и т.п.

Здесь также следует отметить ряд гибридных образований:

- сокращения, когда сокращению подвергается один или несколько компонентов сложного слова, например: *R-Zahl* – *Reproduktionszahl* ‘количество зараженных одним человеком’; *AHA* + *C* + *L-Regel* – *Abstands- und Hygienemaßnahmen*, *Alltagsmaske* + *Coronawarnapp* + *Lüften-Regel* ‘рекомендации Министерства здравоохранения по предотвращению рас-

пространения инфекции, которое заключается в соблюдении дистанции и правил гигиены, использовании специального приложения и проветривании жилых помещений’;

- сокращенные слова с именами числительными: *Ü-50-Inzidenz* – *Über-50-Inzidenz* ‘более 50 подтвержденных новых случаев заражения определенным вирусом на 100 000 жителей за 1 неделю или случаи заражения у людей в возрасте после 50 лет’, *4-Tage-R* – *4-Tage-Regel* ‘количество зараженных одним человеком за 96 часов (4 дня)’.

7. *Контаминация*: *Covidiot* – *Covid* + *Idiot* ‘человек, который во время пандемии ведет себя неподобающим образом’, *Quarantini* – *Quarantäne* + *Martini* ‘особая разновидность коктейля, появившаяся во время пандемии COVID-19’, *Maskne* – *Maske* + *Akne* ‘раздражение кожи/прыщи, вызванные длительным ношением маски’, *Maskomat* – *Maske* + *Automat* ‘автомат, в котором можно приобрести защитные маски’, *Coronachten* – *Coronavirus* + *Weihnachten* ‘празднование Рождества в условиях пандемии COVID-19, *mütend* – *müde* + *wütend* ‘злиться, чувствовать себя уставшим из-за постоянно изменяющихся правил по предотвращению распространения коронавирусной инфекции’, *Coronoia* – *Corona* + *Paranoia* ‘неадекватный страх заражения коронавирусом’, *Papplikum* – *Pappe* + *Publikum* ‘изготовленные из картона фигуры людей, которые расставляются на мероприятиях вместо зрителей’. Большое количество приведенных примеров мотивировано тем, что данный способ словообразования никогда не являлся в немецком языке продуктивным, однако корпус проанализированного материала свидетельствует об активном вовлечении его в создание неологизмов.

Второй по продуктивности способ номинаций явлений пандемии COVID-19 – заимствование из английского языка (198 единиц, т.е. 14 %), например: *Breakoutroom* ‘виртуальные залы для обсуждения и работы в малых группах’, *Coronahype* ‘инсценированное напряжение, волнение из-за пандемии COVID-19, которое кажется преувеличенным, или возникшее во время пандемии восхищение кем-либо или чем-либо’.

Следующим способом пополнения словарного состава немецкого языка во время пандемии COVID-19 является с е м а н т и ч е с к а я д е р и в а ц и я (5 % наименований), которая базируется на следующих когнитивных механизмах:

1) *метафора*: *Querdenker* ‘человек, отрицающий общепризнанные меры борьбы с пандемией COVID-19’ (исходное значение – вольнодумец); *Ausbrecher* ‘человек, не соблюдающий предписанную самоизоляцию’ (исходное значение – человек, совершивший побег из тюрьмы); *Zombie* ‘предприятие с большой задолженностью, которое продолжает существовать только за счет (государственных) кредитов’ (исходные значения – мертвец, которого оживили; неактивный, несамостоятельный человек).

Характерным признаком семантической деривации в анализируемой сфере является метафорическое переосмысление какого-либо одного компонента в составе сложного слова, например: *Salamilockdown* ‘приостановка экономической и общественной активности **маленькими шагами**’; *Gesichtscondom* ‘изготовленная вручную маска, букв.: презерватив для лица’; *Kleeblattprinzip*

‘букв.: принцип клеверного листка, т.е. метод равномерного распределения ковидных пациентов по отделениям реанимации в 3–5 регионах Германии’ (основа метафорического переосмысления – количество лепестков у клеверного листка).

Корпус эмпирического материала свидетельствует и о наличии концептуальных метафор при восприятии и интерпретации пандемии, например:

- пандемия – это стихийное природное явление: 1) пандемия/вирус – это волна или цунами: *COVID-19-Welle, Coronawelle, Pandemiewelle, Dauerwelle, erste, zweite Welle* ‘волна коронавируса’, *Infektionstsunami/Coronatsunami* ‘пугающе быстрый рост зараженных’; 2) совокупность мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции – это волном/волнорез (*Wellenbrecher*);

- пандемия – это война: 1) то, что способствует очень быстрому распространению вирусов – это бомба (*Virenbombe*) или бомбардировщик (*Virenbomber*), 2) меры против распространения коронавирусной инфекции – это оружие (*Bazooka*, исходное значение – динамореактивный ручной противотанковый гранатомет); 3) территория, на которой есть зараженные коронавирусом – это фронт (*Virenfront/Virusfront*);

2) метонимия: *Schnitzelgutschein* – финансируемый за счет государственных средств чек на определенную сумму для использования его в ресторане – мера, направленная на поддержание гастрономии во время пандемии; *Generation Corona* ‘молодые люди, пострадавшие от кризиса во время пандемии и не имеющие шансов на успешную профессиональную карьеру’.

Таким образом, основными способами номинации явлений пандемии COVID-19 являются словообразование, заимствование и семантическая деривация. В сфере словообразования отмечается ряд тенденций: формирование конструкций с фиксированными первыми/левыми и вторыми/правыми компонентами, образование гибридных единиц разного типа, нехарактерная ранее для немецкого языка продуктивность контаминации; семантическая деривация базируется в первую очередь на механизме метафоры, при этом переосмысливается не только целое слово, но и отдельный компонент сложного слова, выявлены концептуальные метафоры; номинативными единицами являются не только отдельные лексемы, но и словосочетания. Словотворчество не было использовано в создании номинативных единиц для явлений пандемии COVID-19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wikipedia [Electronic resource]. – Режим доступа : <http://en.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа : 25.03.2021.
2. Neologismenwörterbuch [Electronic resource]. – Режим доступа : <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#>. – Дата доступа : 05.05.2021.

Поступила в редакцию 07.10.2021

Подлипская Жанна Васильевна
выпускник
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Zhanna Podlipskaya
Graduate
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
zpodlipskaya@list.ru

Фурашова Наталья Владимировна
кандидат филологических наук,
декан факультета немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natalia Furashova
PhD in Philology,
Dean of the Faculty of German
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nata.fur@gmail.com

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОДИФИКАЦИЙ
ФРАЗЕОЛОГИЗМА *ANDERE LÄNDER, ANDERE SITTEN*
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

**FUNCTIONAL-SEMANTIC ASPECT OF MODIFICATIONS
OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT *ANDERE LÄNDER, ANDERE SITTEN*
IN MODERN GERMAN**

В статье представлены результаты анализа многочисленных модификаций немецкой фразеологической единицы *Andere Länder, andere Sitten* 'Другие страны, другие нравы', выявленных на основе электронного корпуса немецкого языка. Установлены модели/конструкции, сформировавшиеся в процессе лексических модификаций – с заменой имен существительных и имен прилагательных, а также субмодели в каждой из этих групп. Описаны семантика и коммуникативные функции выявленных моделей и субмоделей, которые свидетельствуют о креативном использовании и развитии семантического потенциала, заложенного в исходной фразеологической единице, в процессе коммуникативной деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *модификация; фразеологическая единица; модель/конструкция; слот; семантика; коммуникативная функция.*

The article presents the results of the analysis of numerous modifications of the German phraseological unit *Andere Länder, andere Sitten* 'Other countries, other customs', identified on the basis of the electronic corpus of the German language. Models/constructions formed in the process of lexical modifications – with the replacement of nouns and adjectives, as well as submodels in each of these groups, have been established. The article describes the semantics and communicative functions of the identified models and submodels, which testify to the creative use and development of the semantic potential inherent in the original phraseological unit in the process of communicative activity.

K e y w o r d s: *modification; phraseological unit; model/construction; slot; semantics; communicative function.*

Фразеология всегда привлекала внимание исследователей в разных аспектах – национально-культурной специфики фразеологических единиц, их этимологии, классификации по ряду критериев и т.п. Общеизвестно, что один из признаков фразеологических единиц, которые могут иметь форму

как словосочетания, так и предложения – устойчивость их состава. Однако этот признак не является абсолютным, здесь наблюдаются, как известно, два явления – варианты одного и того же фразеологизма и модификации его. Варианты фразеологизма представляют собой узуальные различия в его лексико-грамматическом составе, сопровождаемые, как правило, некоторыми семантическими различиями, например, степенью интенсивности действия, состояния, признака и т.п., ср.: *ein Gesicht wie drei/sieben/vierzehn Tage Regenwetter machen* ‘букв.: сделать выражение лица как три/семь/четырнадцать дней дождливой погоды’, т.е. быть недовольным, не в настроении. При этом числительные *drei/sieben/vierzehn* ‘три/семь/четырнадцать’ коррелируют со степенью недовольства человека чем-либо. Пример грамматических вариантов: *seine Hand/seine Hände im Spiel haben* ‘быть замешанным в чем-либо, букв.: иметь руку/руки в игре’ (единственное и множественное число имени существительного *рука*).

Особый интерес представляет явление модификации фразеологизмов – окказиональное изменение, прежде всего, лексического состава фразеологической единицы для достижения определенных прагматических целей. Используется этот прием, в первую очередь, в средствах массовой информации и в сфере рекламы, так как позволяет благодаря известности фразеологизма достичь более эффективного воздействия на реципиента и побудить его к определенному действию, например: *Morgenstund hat Gold im Mund* ‘Утро вечера мудренее; букв.: Утренний час имеет золото во рту’ → *Überstund hat Geld im Mund* ‘Сверхурочный час имеет деньги во рту’ – социальная реклама, которая должна была в свое время мотивировать немцев к сверхурочной работе (см., например, [1]).

На современном этапе развития немецкого языка наблюдается такой феномен, как множественная модификация одного и того же фразеологизма, в результате чего формируются модели с определенной семантикой, которые впоследствии становятся для говорящих инструментом, дающим им возможность осуществлять те или иные прагмакоммуникативные функции. В данной статье этот феномен рассматривается на примере немецкого фразеологизма *Andere Länder, andere Sitten* ‘Другие страны, другие нравы’.

Источником языкового материала для анализа послужил корпус текстов COSMAS II (Corpus Search Management and Analysis System) Института немецкого языка в г. Мангейм (Германия), в базе данных которого сегодня содержится около 55,7 млрд словоформ, что соответствует около 139,2 млн текстовых страниц [3]. Электронное собрание, созданное в рамках проекта Института немецкого языка в Мангейме, состоит из беллетристики, научных и публицистических текстов.

Если говорить о способах применения метода корпусного анализа в научном исследовании, здесь выделяются два подхода. В рамках рационалистически (теоретически) ориентированного научного исследования языка корпус может применяться для проверки и корректировки теоретических предположений. Л. Лемнитцер и Г. Цинсмайстер называют его «поддерживающим» лингвистику корпусом, так как в данном случае корпус используется, в первую очередь, для обоснования заранее сформированных гипотез.

В рамках эмпирически ориентированного исследования языка корпус является первичным источником познания. Наблюдение за аутентичными языковыми данными позволяет делать выводы, которые могут быть подтверждены, модифицированы или опровергнуты дальнейшими наблюдениями. Такое исследование авторы называют базирующимся на корпусе, так как в этом случае корпус используется как источник познания, а также служит построению теорий и гипотез [2, S. 22]. Именно этот подход был реализован в данном исследовании.

Корпус позволил выявить максимально возможное количество модификаций фразеологизма, которым он был подвергнут, и сделать выводы о его функционально-семантическом потенциале. Из указанного корпуса было извлечено 170 модификаций, в результате анализа которых были установлены следующие две группы: модификации с заменой (I) имен существительных *Länder* и *Sitten* и (II) имени прилагательного *Andere/andere*.

I. Общее количество модификаций с заменой имен существительных составляет 160 (94 % от общего количества), сводятся они к следующим трем типам моделей/конструкций:

1) *Andere ... , andere Sitten*, где замене подвергается первое имя существительное *Länder* ‘страны’ – 19 единиц из 160 конструкторов (12 %) (под конструктором понимается конкретная реализация модели/конструкции, заключающаяся в заполнении пустующего слота лексическими единицами). Например: *Andere Eltern, andere Sitten* ‘Разные родители, разные нравы’; *Andere Zeiten, andere Sitten* ‘Разные времена, разные нравы’; *Andere Chefs, andere Sitten* ‘Разные начальники/шефы, разные нравы’ и т.п.;

2) *Andere Länder, andere ...*, где замене подвергается второе имя существительное *Sitten* ‘нравы’ – 68 единиц из 160 конструкторов (42 %). Например: *Andere Länder, andere Gesetze* ‘Разные страны, разные законы’; *Andere Länder, andere Netzwerke* ‘Разные страны, разные социальные сети’; *Andere Länder, andere Prioritäten* ‘Разные страны, разные приоритеты’; *Andere Länder, andere Risiken* ‘Разные страны, разные риски’ и т.п.;

3) *Andere ... , andere ...*, где замене подвергаются оба имени существительных в составе фразеологизма. Это самая многочисленная группа модификаций – 73 единицы из 160 (46 %), например: *Andere Bedingungen, andere Musiker* ‘Другие условия, другие музыканты’; *Andere Branchen, andere Blickwinkel* ‘Другие отрасли, другие точки зрения’; *Andere Gegend, andere Sorgen* ‘Другая местность, другие заботы’ и т.п.

Анализ заполнителей открытых слотов в приведенных выше конструкциях/моделях позволяет выявить определенные закономерности. В конструкции *Andere ... , andere Sitten* заполнители открытого слота имеют следующие значения:

- локуса, так же, как и исходное имя существительное *Länder* ‘страны’, но с более конкретной семантикой, например: *Kinos* ‘кинотеатры’, *Buchhandlungen* ‘книжные магазины’, *Häfen* ‘гавани’, *Klubs* ‘клубы’, *Stadien* ‘стадионы’, *Viertel* ‘кварталы’ и т.п.;
- наименование человека в разных его функциях и статусах: *Eltern* ‘родители’, *Väter* ‘отцы’, *Lehrer* ‘учителя’, *Völker* ‘народы’, *Chefs* ‘шефы/начальники’.

Интересно, что заполнители открытого слота с темпоральным значением зафиксированы только дважды: *Zeiten* ‘времена’ и *Epochen* ‘эпохи.’

Таким образом, конструкция *Andere ... , andere Sitten* становится «инструментом», дающим говорящим возможность противопоставлять нормы жизни/обычаи/нравы в разных, более конкретных, чем страна, локусах, а также манеры и стиль поведения определенных людей и одновременно утверждать объективность и правомерность отмеченных различий, так как этот смысл является основным у исходного фразеологизма *Andere Länder, andere Sitten*.

Конструкция *Andere Länder, andere ...* с лексической заменой второго имени существительного *Sitten* ‘нравы’ позволяет сравнивать/противопоставлять страны по разным критериям, причем определенных тенденций здесь не наблюдается, среди заполнителей открытого слота отмечаются как конкретные, так и абстрактные наименования разной тематической принадлежности: *Küchen* ‘кухни’, *Märchen* ‘сказки’, *Methoden* ‘методы’, *Notwendigkeiten* ‘необходимости’, *Partys* ‘праздники/вечеринки’, *Prioritäten* ‘приоритеты’, *Probleme* ‘проблемы’, *Rechte* ‘права’, *Feuerlöscher* ‘огнетушители’, *Tänze* ‘танцы’, *Uniformen* ‘униформа’, *Verkehrsregeln* ‘правила дорожного движения’ и т.п.

Конструкция *Andere ... , andere ...* предоставляет говорящим возможность противопоставлять любые сферы жизнедеятельности человека по разным параметрам, например: *Reaktortypen* ‘типы реакторов’ – *Gefahr* ‘опасность’, *Religionen* ‘религии’ – *Mentalität* ‘менталитет’, *Schulen* ‘школы’ – *Modelle* ‘модели’, *Städte* ‘города’ – *Regeln/Stärken* ‘правила/преимущества (букв.: силы)’, *Vereine* ‘объединения’ – *Sorgen* ‘заботы’ и т.п. В данной группе особо выделяется субконструкция *Andere Zeiten, andere ...* (19 конструкторов из 73, т.е. 26 %), позволяющая подчеркнуть неизбежность изменения вещей или понятий в ходе времени, например: *Aufgabenstellungen* ‘постановка задач’, *Zielvorstellungen* ‘представления о целях’, *Bedingungen* ‘условия’, *Bilder* ‘картины’, *Erwartungen* ‘ожидания’, *Interessen* ‘интересы’, *Lieder* ‘песни’, *Sorgen* ‘заботы’, *Zäune* ‘заборы’, *Wertvorstellungen* ‘ценности’. Количество зафиксированных конструкторов свидетельствует о важности данного концепта/смысла для немецкоязычного социума.

II. Вторую группу составляют модификации фразеологизма *Andere Länder, andere Sitten* с лексической заменой имени прилагательного. Данная группа значительно малочисленнее первой – 10 модификаций, т.е. 6 %. Здесь также выделяются три типа конструкций:

1) с лексической заменой двух имен прилагательных ... *Länder, ... Sitten* ‘... страны, ... нравы’ (50 %). При этом заполнители открытых слотов могут быть идентичными, как в оригинале, например: ***Fremde Länder, fremde Sitten*** ‘Чужие страны, чужие нравы’; ***Neue Länder, neue Sitten*** ‘Новые страны, новые нравы’; ***Viele Länder, viele Sitten*** ‘Много стран, много нравов’, что дает возможность сопоставлять денотаты по одному критерию. Заполнители открытых слотов могут различаться, например: ***Fremde Länder, lustige/skrupellose Sitten*** ‘Чужие страны, веселые/беспринципные нравы’, что свидетельствует о расширении функционально-семантического потенциала данной

конструкции. Если конструкторы с идентичными заполнителями слотов фиксируют наличие у стран и нравов/обычаев одного и того же конкретного признака (чужие, новые и т.д.), т.е. уравнивают их по определенному критерию – в соответствии с исходным значением фразеологической единицы, то заполнение слотов в конструкции разными именами прилагательными дает говорящим возможность свободно противопоставлять вещи и понятия по разным, релевантным с их точки зрения критериям или признакам;

2) с лексической заменой второго имени прилагательного *Andere Länder, ... Sitten* ‘Другие страны, ... нравы’ (30 %), например: *Andere Länder, ähnliche/gleiche/wilde Sitten* ‘Другие страны, **похожие/одинаковые/дикие** нравы’. Данная конструкция, как и предыдущая, дает возможность противопоставлять обычаи и нравы в разных странах, характеризуя оценивая их определенным образом;

3) с лексической заменой первого имени прилагательного ... *Länder, andere Sitten* ‘... страны, другие нравы’ (20 %): *Arabische/Ferne Länder, andere Sitten* ‘**Арабские/далекие** страны, другие нравы’. Выявленные в корпусе немногочисленные конструкторы позволяют сделать вывод, что в основе модификаций фразеологизма лежит принцип конкретизации понятия *andere* ‘другие’ – арабские, далекие и т.п.

Таким образом, корпусный анализ позволяет установить в современном немецком языке большое количество модификаций фразеологической единицы *Andere Länder, andere Sitten* ‘Другие страны, другие нравы’, которые свидетельствуют о креативном использовании и развитии семантического потенциала, заложенного в исходной фразеологической единице, в процессе коммуникативной деятельности. При этом все модификации можно свести к нескольким моделям/конструкциям, выполняющим определенные коммуникативно-прагматические функции.

В качестве перспективы данного исследования можно рассматривать изучение хронологии появления конструкторов, для чего корпус опять же предоставляет бесценные возможности. Такой анализ позволит установить этапы развития семантики исходной фразеологической единицы, т.е. очередность – или, возможно, синхронность – формирования описанных выше смыслов/моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Burger, H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen / H. Burger. – 5., neu bearb. Aufl. – Berlin : Schmidt, 2015. – 241 S.
2. Lemnitzer, L. Korpuslinguistik. Eine Einführung / L. Lemnitzer, H. Zinsmeister. – Tübingen : Narr Verl., 2015. – 224 S.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

3. COSMAS II. Institut für deutsche Sprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2eb/faces/investigation/archive.xhtml>. – Дата доступа : 02.02.2020.

Поступила в редакцию 09.09.2021

Фольман Ральф

доктор филологических наук, профессор
Университет Граца
Грац, Австрия

Ralph Vollmann

Habilitated Doctor of Philology, Professor
University of Graz
Graz, Austria
vollmanr@gmail.com

STANDARD LANGUAGE AND DIALECT IN AUSTRIA

Начало статьи в предыдущем номере.

3. Analysis

3.1. The Viennese monophthongisation

One salient characteristic of VD is the monophthongisation of [aɛ] and [ao].¹ This process has been extensively studied (for instance, [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]). VD has a monophthong, where SG has a diphthong: 'ei' SG [aɛ] ↔ VD [ɛ:], 'au' SG [ao] ↔ VD [ɔ:].² However, the SG variable undergoes a gradual process of monophthongisation in production which can lead to different outputs in the same utterance. In order to explain this variation, the application of *postlexical stress* which depends on speaker's choices has to be considered (cf. [10]).³ If a diphthong is in stressed position, and if a speaker decides to put relatively more or less (post-lexical) stress on a diphthong, it will be more or less diphthongic in VG; in this respect, monophthongization is a casual speech phenomenon. This effect does not occur in VD, the phoneme in this position is *historically* monophthongized ([aɛ] → [ɛ:]); casual speech processes (in unstressed position) lead to a reduction of the [ɛ:] quality ([ɛ:] → [ɛ] → [ə]). The difference between the monophthongic or diphthongic realisation is exemplified in (08a), with a very weak diphthongic movement of F2 in VD /ae/, and a stronger movement in VG /ae/; The VG monophthongization is a gradual process, as much as the gradual phonological reduction of the VD monophthong which can be observed (schematic: 01b).

Since the two realizations have been described as cooccurring in the speech of one speaker, it needs to be shown that these two processes can actually be told apart. A quantitative study of the degree of diphthongic quality (by F2 movement⁴ as seen in 01a) shows two peaks, one at 0Hz, another at around 100-160Hz F2

¹For the dialectological overview, cf., e.g., [1].

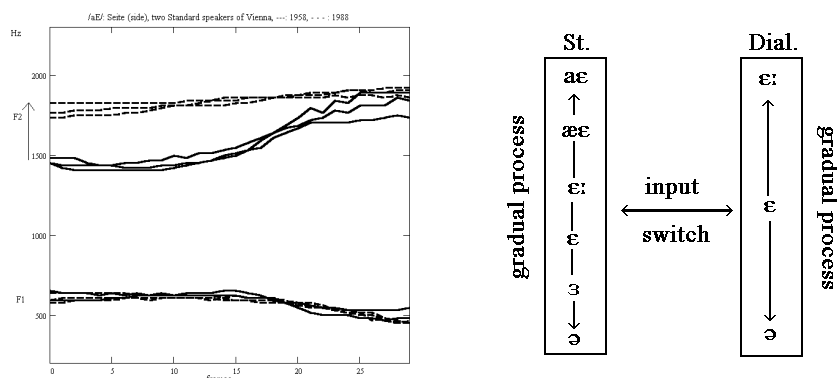
²The same is true for 'eu' SG [ɔɛ] ↔ VD [ɜ:].

³Lexical stress is the assignment of stress as stored in the lexicon; however, speakers have some freedom to apply emphasis on words which creates secondary, *postlexical* stress patterns.

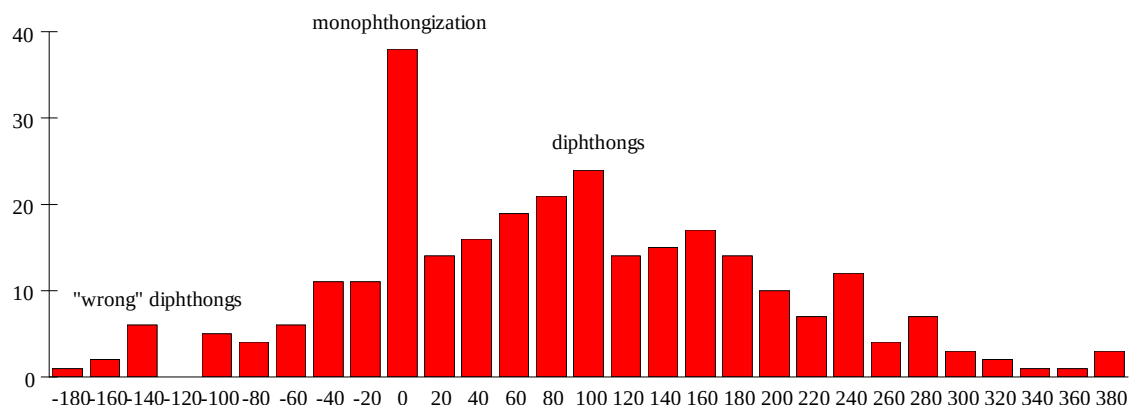
⁴The most important phonetic aspect of the monophthongization is seen in the movement of F2 across vowel production (cf. 01a).

movement (02).¹ The speakers seem to distinguish two different realisations for phonemic /ae/, a frequent monophthong and a distribution of (weak) diphthongic qualities,² which has been interpreted as evidence for the two-competence model. This could therefore be an interesting showcase for subtle (overlapping) phonetic distinctions which can be sociopragmatically interpreted by competent listeners [8; 11].

- (01) (a) Formants F1 and F2 for /ae/ in VD: monophthong [ɛ:] or diphthong [æɛ].
 (b) Model for the interaction between the gradual monophthongisation of the diphthong /ae/ in VG and the range of realisations of the dialectal monophthong (cf. [3]).

- (02) The number of occurrences of F2-movements (in 20 Hz bands) for /ae/ in Viennese German (4 speakers; cf. [3]).

In a qualitative analysis, speakers show different realisations in the same settings, as shown in (03), reading a text. This requires an explanation which is found in postlexical stress assignment [10]: Beside (fixed) lexical stress patterns for words in isolation, speakers have some choice how to put postlexical stress on syllables of inflected words and of phrases which then translates into strengthening or weakening of the diphthongic quality. While stress in ‘Reiberéien’ cannot be varied

¹The diagram also shows that a number of realisations showed an F2 movement in the opposite direction which is perceived as a ‘Viennese’ monophthong.

²[2] showed much stronger diphthongs ([æ/aɪ]) in studio recordings of single words. All Viennese speakers are recognizable by their *weak* diphthongs or their monophthongisation.

(lexical stress), the word ‘ein-ge-reiht’ allows two postlexical stress patterns: ‘éin-ge-reiht/ ein-ge-réiht’ (04). Therefore (03a) shows uniformity in the relative strength of the two diphthongs (the second always being stronger), while diphthongic strength can vary between speakers in (03b) in dependence of postlexical stress.

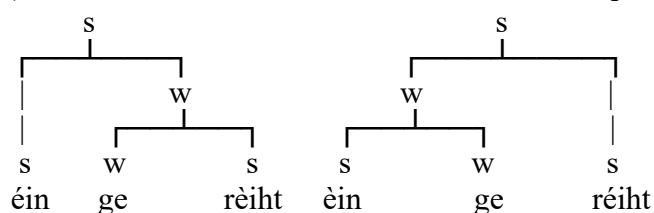
(03) F2 movement in /ae/ diphthongs (cf. [3], 4 speakers)

(a)... denn **Reibereien** zwischen dem öffentlichen Verkehr und ...

(b)... vor einer Kreuzung links **eingereiht**,...

SPK:	(a)	raɛ	bɐ	'raɛ.n	b)	aɛŋ	(ge)	raɛt
A:		226.5		515.0		132.8		234.4
B:		109.4		171.9		277.3		65.1
C:		183.6		210.9		179.7		320.3
D:		132.8		425.7		208.4		187.5

(04) Postlexical stress overrules lexical stress patterns, also across words

In this way, the quality of the diphthong in SG depends on a speaker’s choice about intonation, i.e., intonation is the bridge between sociopragmatic factors and phonetic qualities, assigning meaning to the choice of variables and thereby in turn cementing their distinctiveness, instead of simply collapsing into one form (cf. [8]). This explains why diphthongisation vs. monophthongisation can participate in the sociopragmatic meaning of an utterance. The monophthongisation as a process expresses relatively less importance through phonetic reduction. The speaker’s choice for the dialectal monophthongisation merges SG/VD in unstressed positions, but indicates VD use in stressed position; the use of a (weak) diphthong is indicative of SG. Both choices can be sociopragmatically interpreted as emotional involvement or objectivity, effort towards (in)formality, etc. – in accordance with stereotypic language attitudes [5].

3.2. Language development and variation

There is little research on variation in language development until recently [12; 13]. Variation itself varies between rural and urban settings and geographical locations. A diary study [14] of two pre-school children in Vienna found that urban parents (in Vienna) were using SG in child-directed speech, while otherwise being dialect speakers; other children (peers) and parents showed a similar behavior; consequently, the young children in an urban environment (Vienna) focus on SG first, and only slowly start to apply sociophonological rules to partially produce dialectal forms, beginning at age 4;0, developing a preliminary sociophonological competence towards age 5;0-6;0. It was found that the children first cancelled out variation, translated dialectal utterances into the standard language (05) (sometimes correctly as in (05a), sometimes with non-target (i.e., ‘wrong’) forms as in (05b)). The following two excerpts from conversations between adults and children shows how the children translate dialect words into their own SG variety.

(05) Correction of dialect forms [14]

A1= greatgrandmother, A2= mother, A3= father, C1/C2= child 1/2.

- (a) A1: kri:ŋst ɐ ʋndəs kʰɛ:ksəl kʰã: sɔ ɐ hɔɣts
 gloss: kriegst du ein anderes Keks-DIM kein so ein hartes
 gloss: get you an other cookie not such a hard-SUF
you.get a different cookie – not such a hard one.

C2: kʰaɛn hɔɣt:ɛs – kʰaɛn ha:tɛs
 gloss: kein hartes – kein hartes
 gloss: not a hard-SUF – not a hard-SUF

not a hard one – not a hard one.

- (b) A2: i:sɔ hɔstɛs ɖɛn ɔ:ɖra:t?
 gloss: ieso hast du es denn abgedreht?
 gloss: hy have you it PTC switched.of
 f

Why did you switch it off?

C1: iɕ ha:b ɛs niɕt *aɔɣɛɖra:t!
 gloss: ich habe es nicht abgedreht!
 gloss: I have it not switched.off

I did not switch it off!

The great-grandmother A1 in (5a) speaks AD, e.g., [kʰã:] ‘kein’ and [hɔɣts] ‘hartes’ (S2); the child corrects the input into SG [kʰaɛn ha:tɛs] ‘kein hartes’. In (5b), the participle AD [ɔ:ɖra:t] (W10 and more) of the mother is corrected by the child into [aɔɣɛɖra:t] (W10) which is wrong for [aɔɣɛɖre:t], because the lexical switch [ɖra:n] ↔ [ɖre:n] is not recognised by the child.

A bit later, the children started to sometimes use dialect forms for sociopragmatic purposes such as showing emotions such as affection, anger, and other feelings (06). The variable rules (input-switches) were sometimes wrongly applied (07), lexical, morphological or phonological opacity between SG and AD forms made it more difficult for the children to translate AD input into SG (08). It was concluded that sociolectal variation is learned together with its stereotypical function of dialect forms as informal/basilectal, familial, personal, emotional speech. In other words, the children are not dialect speakers, but can use input-switch rules to some degree to produce some register differences.

(06) Attempts of dialect use [14]

- (a) C1: ɖas khan iɕ nɛt. Das kann ich nicht.
I cannot do that.
 (b) C1: iɕ ne:m ɖas ɖɔ Ich nehme das da.
I take this one.

In (6), examples for inappropriate mixtures of SG and AD are presented which show the children’s incorrect choices of certain AD forms of ISR; in (6a), a function word AD [nɛt] ‘nicht’ (W4) does not fit with the rest of the utterance in SG: AD [ɖɛs kʰaɔ̃.i nɛt] ↔ SG [ɖas kʰan.iɕ niɕt]. Similarly in (6b), [ɖas ɖɔ] does not apply AD for W5, but S8; in this combination, it is ‘wrong’: AD [i nim ɖɛs ɖɔ] ↔ SG [iɕ ne:m das da]. As would be expected, rather frequent word-based AD forms are first inserted, as an attempt to apply sociopragmatic effects.

(07) Wrong input-switch applications

C1: iç haɓs niçt ǵ̥siɣt Ich hab's nicht gesehen.
I have not seen it.

Example (07) is difficult to describe to the non-speaker of AD; SG *sehen* has the participle *gesehen*; this would be rather similar in AD with the forms INF [se:ŋ] and PP [ǵse:ŋ]; however, the AD 1st/2nd/3rd person singular forms of this verb have a different root [siɣç-] 'seh-' (with a historical S4 diphthong). The child produces a PP [ǵ̥siɣt] with W10 SG form *ge-* and a wrong attempt at using the AD root [siɣç-] (which would not apply for the participle). Judging from the rest of the sentence, the child thinks that this form is the SG form.

(08) Copying or correcting from adults

(a) A3: ɖes ɡe:t jə nēt aɛni Das geht ja nicht hinein.
That does not fit in.

C1: ɔja ɛs ɡe:t jən aɛni Ohja, das geht schon hinein.
It does fit in.

(b) A3: k^ha:Rə ɡe: ɔvi Caro, geh runter.
Caro, go down!

C1: ɤarum səl iç a:biɡe:n? Warum soll ich runtergehen?
Why shall I go down?

The form [aɛni] in (8a) is AD, A3 speaks dialect; the child answers in SG, but copies the form that is too different from the SG form (*hinein*). (b) However, the child attempts a back-formation of AD form [ɔvi] as SG *[a:bi] – applying S8 which is lexically impossible here (SG 'runter/hinunter').

Variation first creates a language learning problem for children who need to distinguish alternative forms about which there is some insecurity at first, but then lets them integrate sociopragmatic variation into their linguistic competence, beginning with the most salient ISR. It is clear that rural children speak AD and have less SG exposure; for many urban children, however, SG is the dominant variety, and they do not acquire dialect as such, but rather add a sociophonological competence to their repertoire. This leads to language shift (AD → SG) and the attrition of the dialect as an autonomous variety, transforming it into a set of variables of SG. AD is reduced to regular phonological differences (ISR), grammatical and lexical differences tend to disappear in intergenerational transmission (with young people no longer actively using these forms), and the phonological ISRs are used for sociopragmatic effects.

3.3. Second-language speakers and variation

With immigration, many *new* speakers of German are confronted with phonological variation in a foreign language as adults, formally learning Standard German in classrooms (often according to Germany-German norms), but being exposed to AD and colloquial styles of SG in daily life. In a case study of one Albanian speaker [15] who has lived in Austria for more than 10 years, the use of standard and dialect variables was analysed.¹

¹This case study was refined in a phonetic study of her /l/ realizations [16] in an attempt to analyse the foreignness of phonetic realisations (cf. also [17]).

The L2 speaker understands Austrian speakers with ease and appears to be competent in AD (with a foreign accent; cf. (09)); a sociophonological analysis exposed, however, that the L2 speaker creates this impression by applying only few segment-based ISR (such as S8, but also S2, S3) and otherwise uses mostly word-based ISR, i.e. uses two variants of specific lexemes. The full sociophonological system of AD/SG has not been integrated into her competence.

The speaker applies the dialectal choices to fit into casual speech situations, while at the same time, she expresses a negative attitude towards non-standard speech both in her mother tongue and in German. These common stereotypic language attitudes about *good* and *bad* forms apply to all languages, of course.

In the following example (09a), a comparison to both standard (b) and colloquial (c) forms is given for comparison; an insecurity about the exact application of the sociophonological rules is visible. This makes the speaker both sound very competent and still foreign; sentence (09a) would be ‘wrong’ in terms of a fully competent speaker.

- (09) Migrant speaking Austrian German [15]
(a)	'damœels	vɔ.i	tsum 'bæɛ[pyl	'hæɛkɔmən bin	[...]
(b)	dama s	vɔ iç	tsum bæɛpi:l	'hæɛgekɔmən bin	(standard)
(c)	dɔmœes	vɔ.i	tsum bæɛpy:	'hæɛkumən bin	(dialect)
	S8; S9	W3	S9 ¹	W10; W8	(ISR)
	Damals,	wo ² ich	zum Beispiel	hergekommen bin	[...]
- At that time, when i came here, for example, [...]*

By and large, the non-native speaker creates the impression of speaking very competently a casual Austrian colloquial language by selecting mostly some word-based dialect-forms (W), while segmental (S), i.e., phonological, ISR most often opt for the standard variable. The discrepancy between a standard language taught as L2 and spoken variability of forms is partially overcome through language practice.

The application of phonetic characteristics of phonemes and their variational range is one of the real ‘secrets of sounding native’ [18], as especially sociophonological variation is neither taught to nor easily adopted by L2 speakers; foreign accents may have to do in large parts with how phonemes can be varied differently in two languages, which will therefore expose most L2 speakers as such.

3.4. Dialect in acrolectal use

Contrary to Switzerland where Swiss German is used in media, a voluntary use of plain dialect is by and large inappropriate in Austrian media. The news reporters at the national broadcast corporation (ORF) undergo meticulous training to avoid dialectal features in their speech.³ However, there are radio and TV programs aimed at dialect speakers, with dialect-speaking moderators, e.g., in the form of talk radio where listeners can call and ask for music pieces dedicated to friends and relatives; the usually older callers thereby speak authentic dialects.

¹A special subrule for S9 is [i:l] ↔ [y:] (cf. [4] for a detailed description).

²Using *wo* ‘where’ for ‘when’ is dialectal; *wie* ‘how/when’ would have been colloquial, *als* ‘as/when’ would be correct in the standard language

³This attempt is very successful, but still leaves some room for phonetic processes which give away the rough origin of some of the moderators.

The use of dialect forms by moderators, however, meets certain psychological restrictions, as dialect is not considered apt for acrolectal communication, according to stereotypic language attitudes [5; 19]. In this way, moderators of dialect programs find themselves in a double bind situation: Speaking real dialect will be criticised by some listeners and may be interpreted as *slang* or *jargon*. The moderators therefore tend to speak a very ‘distinguished’ (clear, slow, stylistically elaborated) form of dialect which, among other features, uses many words from the standard language – but in dialect phonology; i.e., some, not all, AD forms of ISR are applied to SG loanwords. This happens mostly to elaborated vocabulary which is lacking in AD. For instance, the verb *ausgearbeitet* [aʊsgɐ.ɐːbaɪtət] (‘worked out’) has no direct dialectal equivalent; if used in dialect, it would be pronounced [aʊsgəʊvət], but the moderator may say [aʊsgɐ.ɔ̃baɪtət]; that means that the dialect form of S8 (/a:/ ↔ /ɔ:/) is applied to the /-ar-/ sequence, dialectal W10 (/gɛ-/ ↔ /g-/) and the dialectal morphological suffixation (AD [-t] ↔ SG /-et/) are not applicable. Summing up the observations, the choice of dialect forms centers around some preferred ISRs (such as S8), allowing few sociophonological selections to represent ‘dialect’. One could say that the medium requires a quick standardisation of the dialect at all levels of grammar.

In some other formats (comedy, talk shows), (urban) dialect is sometimes used with less care to some degree, especially studio guests may use AD or colloquial forms, often through code-switching [20], for sociopragmatic effects (e.g., emotional involvement, temporarily increased informality for more closeness to the listeners). Nonetheless, these utterances are rarely genuinely dialectal in a traditional sense.

Speakers in alternative radios, youtube channels and other self-produced media may use dialect, often indicating an alternative counter-culture. Exemplarily, the following examples are transcripts of an Austrian youtuber (Steve) who speaks about boat tours in rivers and lakes. These data have been chosen, because the speaker uses dialect in a very pronounced way and even defends his language use in some of his videos (which indicates that there has been feedback from listeners and a conscious, intentional usage on his side). When a speaker such as Steve uses dialect in public speeches, it may be interpreted as the expression of a linguistic and attitudinal identity which fits his hobby of enjoying nature, camping in the wild, using non-traditional travel routes (waterways), being in a non-urban setting. However, Steve’s language is not a traditional dialect either, but rather a mixture of AD and colloquial forms of SG.

The speaker faces practical problems when using dialect for his reports; many technical terms do not exist in AD and are therefore (effortlessly) taken from SG (e.g., ‘Stabilisierung’); furthermore, compounds between a potential dialect word and a standard term may require a phonological decision (e.g., ‘Straßenbrücke’, ‘Steinbuhnen’). His speech contains SG loanwords which cannot be phonologically adapted (e.g., ‘nämlich’). In this way, this speaker, again, does not produce an authentic dialectal speech, but a colloquial SG with a bit too many dialectal ISR choices, mainly due to a lack of lexical and syntactic elaboration of the dialect. In this case, again, the speaker needs to undertake a ‘standardisation’ of the dialect. The following short excerpts (10), (11) may exemplify this description.

This linguistic behavior is a ‘typical’ contemporary conscious use of dialect by younger speakers which is strongly influenced by SG and distinct from older speakers of AD. The AD has thus been firmly integrated into (or ‘roofed over by’ [21], [22]) SG and is no longer independently applicable by an urbanised speaker, but simply provides some degree of variation in order to achieve certain sociopragmatic effects of presenting specific attitudes of familiarity or, in this case, rurality.

4. Discussion

Vertical multilingualism of a spoken vernacular and an elaborated standard language which is universally accessible through education, media, and globalised (i.e., widened) communicative needs leads to the increasing assimilation of the dialect into the spoken form of the standard language through its superior linguistic resources in lexicon, structure, and its sociolinguistic prestige. Austrian dialects thereby are reduced to sociophonological variables which are, however, used for various sociopragmatic effects.

For the description of variation, ‘variable rules’ have to be defined; the microsociolinguistic analysis of phonological variables (or ‘input-switch rules’, ISR) manages to describe the variational choices of speakers which produce a new ‘colloquial Austrian’ language which replaces the historical dialects and appears closer to the educational standard language, having eliminated more distinct dialectal characteristics. The standard language is usually the idealised target, and ‘dialectal’ forms are interpreted by speakers as casual or informal varieties of the standard forms which nowadays dominates structure and lexicon of the spoken language; at the same time, emotional involvement or the covert prestige of the dialect as a marker of identity can lead to the willful choice of dialectal phonetic characteristics being applied even to SG lexemes. Lexical and grammatical differences are smoothed out in favor of standard forms, while (some) phonological aspects of the dialects and frequent dialectal forms of function words and morphemes persist. The dialects are then reduced to being sociolectal variants of the standard language.

Rule application is steered by stylistic decisions of the speakers. This requires a high degree of competence which is learned only slowly by preschool and school children and poses a problem for L2 speakers (wishing to achieve native speaker competence). Language learners (L1, L2) will derive one variable from the other, usually taking SG as the model. In this way, the ISR are actually no longer bidirectional, but monodirectional (SG → AD), the dialect no longer being an independent language in its own right.

This development is, of course, universal, it can be observed in many current situations and accounts for the global decline of minority languages and dialects, with ‘national languages’ having quickly spread across vast regions, replacing local languages and dialects which (temporarily) may influence the speaking practices to some degree, but could eventually be absorbed by the standard language transmitted through general education and mass media. Standardised languages present a more useful resource for the widened speech community and at times incorporates local variation on the basis of the original vernaculars (through language contact).

Abbreviations

1S	1st person singular	PTC	particle word
DIA	dialect form	s	strong syllable
DIM	diminutive	SG	Standard Austrian German
F1	first formant	SG	Standard German (also SG)
F2	second formant	SPK	speaker
Hz	Hertz	STD	standard language
ISR	input-switch rule	VD	Viennese Dialect
L1	first language development	VG	Viennese German
L2	second language development	W	word-based ISR
P	phoneme-based ISR	w	weak syllable
PRS	present tense		

LITERATURE

1. *Fanta-Jende, J.* Varieties in contact. Horizontal and vertical dimensions of phonological variation in Austria / J. Fanta-Jende // Alexandra N. Lenz & Mateusz Maselko (eds.), *VARIATIONist Linguistics meets CONTACT Linguistics* (Wiener Arbeiten zur Linguistik 6) – Wien: V&R unipress, 2020. – P. 230–240.
2. *Iivonen, A.* Regional German Vowel Studies / A. Iivonen // Helsingin Yliopiston Fonetikan Laitoksen Moniteista. Mimeographed Series of the Department of Phonetics, University of Helsinki 15. – Helsinki, 1989.
3. *Vollmann, R.* Phonetics of Informal Speech: The Viennese Monophthongization / R. Vollmann // *Studia Phonetica Posnaniensia* 5. – 1996. – P. 1–15.
4. *Moosmüller, S.* Soziophonologische Variation im gegenwärtigen Wiener Deutsch. Eine empirische Untersuchung / S. Moosmüller. – Stuttgart: Steiner (= Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Beiheft 56), 1987.
5. *Moosmüller, S.* Hochsprache und Dialekt in Österreich. Soziophonologische Untersuchungen zu ihrer Abgrenzung in Wien, Graz, Salzburg und Innsbruck (Sprachwissenschaftliche Reihe 1). – Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 1991.
6. *Moosmüller, S.* Vokale und Diphthonge der österreichischen Standardaussprache / S. Moosmüller // *Germanistik in der Ukraine* 9. – 2014. – P. 146–155.
7. *Moosmüller, S.* The spread of the Viennese monophthongization: A sociophonetic analysis / S. Moosmüller, R. Vollmann // Schaner-Wolles, Chris & Rennison, John R. & Neubarth, Friedrich (eds.): *Naturally! Linguistic studies in honour of Wolfgang Ulrich Dressler presented on the occasion of his 60th birthday.* – Torino: Rosenberg & Sellier, 2000. – P. 327–335.
8. *Moosmüller, S.* ‘Natürliches Driften’ im Lautwandel: die Monophthongierung im österreichischen Deutsch / S. Moosmüller, R. Vollmann // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft* 20/1. – 2001. – P. 42–65.
9. *Moosmüller, S.* Chain shifts revisited: The case of monophthongisation and e-confusion in the city dialects of Salzburg and Vienna / S. Moosmüller, H. Scheutz // In: Peter Auer & J. Caro & G. Kaufmann (eds.), *Language variation (European Perspectives IV).* – Amsterdam: Benjamins, 2013. – P. 173–186.

10. *Madelska, L.* Postlexical stress processes and their segmental consequences illustrated with Polish and Czech / L. Madelska, W. U. Dressler // Bernhard Hurch & Richard Rhodes (eds.), *Natural Phonology. The State of the Art*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1996. – P.189-200.
11. *Vollmann, R.* The change of diphthongs in Standard Viennese German: the diphthong /æ/ / R. Vollmann, S. Moosmüller // *Proceedings of the XIVth International Congress of Phonetic Sciences (ICPhS'99)*. – Vol. 1: – 1999. – P. 345–348.
12. *Kaiser, I.* Children's emerging ability to discriminate L1-varieties. *First Language* / I. Kais, G. Kasberger // 38(5) – P. 447–480.
13. *Kaiser, I.* Children's linguistic repertoires across dialect and standard speech: Mirroring input or co-constructing sociolinguistic identities? / I. Kaiser // *Language Learning and Development* – 2021.
14. *Moosmüller, S.* Dialekt- und Hochsprachevariation bei Kleinkindern in Wien: Phonologie. / S. Moosmüller, R. Vollmann // Harald Burger & Annelies Häcki-Buhofer (eds.): *Spracherwerb im Spannungsfeld von Dialekt und Hochsprache (Zürcher Germanistische Studien 38)*, – Bern: Lang, 1994. – P. 109–128.
15. *Hobel, B.* Phonological case study of the use of (Styrian) dialect and standard language in German as a second language. / B. Hobel, R. Vollmann // *Grazer Linguistische Studien* 84. – 2016. – P. 5–20.
16. *Hobel, B.* The realisation of Albanian laterals in German as a second language: A case study / B. Hobel, S. Moosmüller, C. Kaseß // Christoph Draxler & Felicitas Kleber (eds.). – 12. Tagung Phonetik und Phonologie im deutschsprachigen Raum (Tagungsband). 12–14. Oktober. – München, 2016. – P. 65–68.
17. *Schmid, C.* An acoustic analysis of German initial laterals in the L2 speech of Bosnian migrants living in Vienna / C. Schmid // Christoph Draxler & Felicitas Kleber (eds.), 12. Tagung Phonetik und Phonologie im deutschsprachigen Raum. – München, 2016. – P. 176–179.
18. *Gulden, B. K.* *The Secret of Sounding Native. A Phonological Analysis of Proclitics in North American English*. Lang. / B. K. Gulden. – 1985.
19. *Koppensteiner, W.* Standard(s) aus der Perspektive von „Nicht-LinguistInnen“ in Österreich / W. Koppensteiner, A. N. Lenz // Markus Hundt & Toke Hoffmeister & Saskia Naths (eds.): *Laien, Wissen, Sprache. Theoretische, methodische und domänenspezifische Perspektiven (Sprache und Wissen 50)*. – Berlin: de Gruyter, 2021.
20. *Kaiser, I.* “Warum sagt ma des?” Code-Switching und Code-Shifting zwischen Dialekt und Standard in Gesprächen des österreichischen Fernsehens [Elektronische Ressource] / I. Kaiser // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik* 73(3); – P. 275–300. – Zugriffsmodus : www.jstor.org/stable/40505218
21. *Kloss, H.* Abstand-languages and Ausbau-languages / H. Kloss // *Anthropological Linguistics* 9. – 1967. – P. 29–41.
22. *Kloss, H.* *Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800*, 2. erw. Aufl., – Düsseldorf, 1978.

Поступила в редакцию 24.09.2021

Яскевич Виталий Валерьевич

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой фонетики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Vitali Yaskevich

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of English Phonetics Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
vitaliy_yaskevich@mail.ru

ИНТОНАЦИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКО- АНГЛИЙСКОГО БИЛИНГВИЗМА

INTONATION OF STATEMENTS IN THE SITUATION OF BELARUSIAN-ENGLISH BILINGUISM

В статье предлагается краткий обзор работ в области языковой интерференции. Излагаются результаты исследования фразовой просодии на материале белорусской, английской и интерферентной речи. Проведенный нами фонетический эксперимент позволил определить сходства и различия интонации утверждения в английском и белорусском языках, а также указать на особенности ее реализации в английской речи белорусских носителей языка. Полученные данные выявили, что в сопоставляемых языках используется схожий инвентарь тональных контуров, однако частотные и дистрибутивные особенности статических и кинетических тонов и форма контуров обнаруживают значительные различия. Эти различия становятся причиной просодической интерференции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *интонация утверждения; просодическая интерференция; билингвизм; кинетический тон; статический тон; тональный контур.*

The article offers a brief overview of research in the field of language biases. It outlines the results of the study into utterance prosody of Belarusian, English and English as foreign speech. The conducted experiment made it possible to determine the similarities and differences in the intonation of statements in English and Belarusian, as well as to point out the peculiarities of its actualization in the English speech of Belarusian native speakers. The data obtained revealed that the languages under study use a similar inventory of tonal contours, however, the frequency and distribution features of static and kinetic tones and the shape of the contours exhibit significant differences. These differences are the cause of prosodic biases.

Key words: *intonation of statements; prosodic biases; bilingualism; kinetic tone; static tone; tonal contour.*

Проблема языковых контактов, обусловленных естественным и искусственным билингвизмом, и интерференция как сопутствующее следствие на всех языковых уровнях представляют собой большой интерес для ученых уже несколько десятилетий. Фонетическая интерференция, в отличие от интерференции на других уровнях, более заметна в звучащей речи и меньше всего поддается коррекции.

Причиной пристального внимания к фонетическим аспектам билингвизма со всей очевидностью служит не только желание исследователей пополнить теоретическую базу фонетических универсалий, но и задачи прикладного и дидактического характера. Не последнее место занимают усилия фонетистов, направленные на поиск методических приемов, позволяющих приблизить речь студентов-лингвистов к просодической норме иностранного языка.

В общем русле исследований языковой интерференции выделяются разные направления. В частности, некоторые лингвисты видят причины возникновения просодической интерференции не только в несовпадении фонологических систем контактирующих языков, но и в некоторых когнитивных факторах, предпринимая попытки создания когнитивной модели интерференции [1].

Другие, помимо установления типичных интонационных ошибок в речи билингвов, делают акцент на степень их допустимости, поскольку «присутствие иноязычного акцента в речи говорящего оценивается носителем языка неоднозначно» и соответственно может не влиять на успешность коммуникации [2; 3]. Отмечается, что интерференция не всегда имеет отрицательный эффект в процессе усвоения иноязычного произношения. Речь может идти также о «положительной интерференции, или транспозиции, отражающей такое взаимодействие контактирующих языковых систем, при котором в действие вступают универсальные и общетипологические свойства языков, не оказывающие отрицательного влияния на неродную речь билингва» [4].

Некоторых авторов больше интересуют социокультурные аспекты интерференции и то, как оценивается социальный статус говорящих на неродном и родном языках [5].

Очевидно, что степень родства контактирующих языков сильно влияет на характер и степень интерференции. В ряде исследований демонстрируется, например, как взаимодействие слоговых и неслоговых языков приводит к масштабной интерференции не только в плане фонемного состава слов, но и их силлабической и ритмической структуры [6; 7; 8].

Изучаются также более сложные варианты языковых контактов. Так, триязычие представляет собой более сложный (по сравнению с двуязычием) речезыковой феномен, который, по мнению некоторых авторов, следует рассматривать как особый тип многоязычия [9]. В такой ситуации складывается иная модель интерференции, поскольку в сознании трилингвов происходит процесс наложения фонологических систем двух ранее изученных языков – родного и первого иностранного на фонологическую систему второго иностранного языка. Анализ подобной сложной языковой ситуации с одновременным взаимодействием белорусского, русского и английского языков представлен в работах А. А. Метлюк [10; 11]. Исследования, проведенные ею в 80-е годы на материале данных языков, позволили выявить и подробно описать различные источники интерференции, степень их влияния на просодическое оформление сопоставляемых языков.

Несмотря на прошедшие десятилетия, изучение интерферентных черт в интонации неродного языка не теряет своей актуальности в лингвистике. В английской фонологии в данном контексте используется термин *prosodic-phonetic biases*, под которым подразумеваются конкретно-языковые фонетические характеристики, которые могут накладываться на изучаемый иностранный язык [12].

Давно существующие данные об интерференции в условиях белорусско-английского билингвизма требуют дальнейшего уточнения и детализации. В настоящем исследовании была предпринята попытка сопоставления интонационного оформления наиболее частотных в речи типов фраз – утверждений, представляющих собой нейтральную констатацию фактов в белорусском и английском языках, а также в английском как иностранном. Наша цель состояла в обнаружении сходств и принципиальных различий, которые в итоге могут стать причиной интерференции в английской речи белорусских студентов.

Материал исследования составили корпуса из фраз нарративного характера на белорусском, английском и английском как иностранном языке. Каждый корпус содержал по 50 фраз для обеспечения объективности результатов анализа и сопоставимости выборок. В качестве дикторов выступили две женщины, носители белорусского и английского языка соответственно. Носитель белорусского языка одновременно владеет английским языком на продвинутом уровне. Задача англоговорящего диктора состояла в прочтении фабульного текста, из которого впоследствии и были выделены 50 утвердительных фраз. Задача белорусскоговорящего диктора состояла не только в прочтении аналогичного текста на белорусском языке, из которого были выделены 50 белорусских фраз, но и в прочтении 50 английских фраз.

Аудиторы-фонетисты сделали просодическую разметку фраз каждого корпуса, пользуясь единой системой интонационной транскрипции. Использование единой системы является в определенной степени упрощением, поскольку фразовая просодия в сопоставляемых языках имеет ряд конкретно-языковых особенностей, которые не отражаются в традиционной разметке. Аудиторы обозначили все предъядерные тоны с учетом их высотных разновидностей и ядерные тоны с учетом их высотных вариантов и интервалов. Почти все предъядерные тоны воспринимались аудиторами как статические, а ядерные тоны, как нисходящие. Такая перцептивная картина была вполне ожидаема, учитывая коммуникативный тип анализируемых фраз.

На следующем этапе нами был проведен акустический анализ по целому ряду параметров:

- 1) пиковое значение частоты основного тона на первом полноударном слоге;
- 2) пиковое значение частоты основного тона на втором полноударном слоге;

- 3) форма кривой частоты основного тона на ударных слогах в предъядерной части;
- 4) форма кривой частоты основного тона на ядерной акцентной единице;
- 5) диапазон изменения частоты основного тона в пределах всей фразы;
- 6) интервал изменения частоты основного тона в пределах ядерной акцентной группы;
- 7) скорость изменения частоты основного тона на ядерной акцентной группе.

Усредненные значения представлены в таблицах 1–4 для большей наглядности.

Одно из наиболее общих наблюдений заключается в том, что диапазон колебаний частоты основного тона в белорусской фразе несколько уже, чем в английской, и составляет в среднем 148 против 161 Гц. В обоих языках этот контраст чаще всего (80 % случаев) возникает из-за высотного уровня первого полноударного слога и наиболее низкой точкой в заядерной части фразы. В остальных случаях максимальный перепад частоты основного тона совпадает с интервалом высокого нисходящего движения в терминальной части. В чтении английских фраз белорусским диктором происходит небольшой сдвиг в сторону расширения диапазона.

Похожая картина наблюдается и в отношении интервала нисходящего тона, который также уже в белорусском языке по сравнению с английским. В среднем он составляет 58 Гц для нисходящих тонов в белорусских фразах и 75 Гц в английских фразах. В интерферентной речи значение этого параметра занимает промежуточное положение и составляет 67 Гц. Необходимо отметить, что в белорусских фразах заметна доминанта низких вариантов нисходящего тона, которые составили 60 % в то время как средние и низкие разновидности составляют по 20 % соответственно. В английских фразах зарегистрировано обратное распределение высотных вариантов: 62 % высоких нисходящих тонов, 25 % – средних и только 13 % – низких. Можно предположить, что такое распределение высотных вариантов обусловлено индивидуальной манерой чтения, свойственной для конкретных дикторов. Однако в чтении белорусскоговорящего диктора на английском языке мы не обнаружили такого же соотношения высотных вариантов нисходящего тона, как в родном языке. Вместо этого можно констатировать значительное увеличение доли высоких нисходящих тонов (43 %), в то время как средние восходящие тоны составили 27 %, а низкие – 30 %.

Визуальный анализ интонограмм в программе PRAAT позволяет говорить о более изрезанном контуре кривой частоты основного тона в английских фразах по сравнению с белорусскими. Это визуальное впечатление подтверждается акустическими данными. В табл. 1 ниже представлены усредненные значения частоты основного тона на первом и втором полноударных слогах в предъядерной части.

Т а б л и ц а 1

Значения частоты основного тона на полноударных слогах
в предъядерной части фраз в различных видах речи (Гц)

Речь								
белорусская			английская			интерферентная		
1-й полно- ударный слог	2-й полно- ударный слог	Соотно- шение	1-й полно- ударный слог	2-й полно- ударный слог	Соотно- шение	1-й полно- ударный слог	2-ой полно- ударный слог	Соотно- шение
270	223	1,2	321	239	1,34	284	220	1,29

Как видно из табл. 1, перепады между полноударными слогами менее контрастны в белорусских фразах (соотношение 1,2), чем в английских (соотношение 1,34). В интерферентной речи это соотношение – 1,29, что можно объяснить попыткой неносителя языка приблизить мелодическое оформление фразы к английской произносительной норме.

Помимо анализа распределения высотных вариантов нисходящих тонов, их интервалов и статических тонов в предъядерной части, большой интерес, на наш взгляд, вызывает также сама конфигурация изменения частоты основного тона. В табл. 2 представлены конфигурации, с которыми были реализованы гласные полноударных слогов в предъядерной части. Во всех видах речи повторяются одни и те же модели. Отличие в белорусских фразах состоит в заметном доминировании восходящего к пику движения частоты основного, в то время как плавно нисходящее или ровное движение встречается крайне редко и в основном реализуется на заударных слогах. Эта же модель наблюдается и во фразах, изолированных из английской речи белорусского диктора. В аутентичной английской речи более половины случаев также реализованы в виде восхождения к мелодическому пику. Однако плавно нисходящее и ровное движение на полноударном гласном встречаются гораздо чаще. Такие конфигурации типичны для ударных слогов с долгими гласными. Неноситель языка не соблюдает это тонкое различие в своей английской речи.

Т а б л и ц а 2

Конфигурация тонов в предъядерной части фраз
в сопоставляемых видах речи, %

Белорусская речь			Английская речь			Интерферентная речь		
								
88	8	4	56	22	22	86	11	3

В табл. 3 показаны все встречающиеся конфигурации нисходящих тонов, включая заядерную часть. Статистический анализ свидетельствует о том, что в белорусском языке доминирует простой нисходящий контур (80 % случаев). При этом возможно продолжение нисходящего движения в заядерной части. Однако падение в заядерных слогах может начинаться несколько выше, чем самая низкая точка ударного гласного.

Т а б л и ц а 3

Конфигурация нисходящих тонов в сопоставляемых видах речи, %

Белорусская речь				Английская речь				Интерферентная речь			
											
30	20	30	20	25	38	25	12	30	15	20	35

На слух разница между непрерывным нисходящим контуром и контуром с небольшим изломом не воспринимается. Только 20 % вариантов нисходящего тона имеют более сложную конфигурацию с небольшой восходящей частью на ударном гласном до начала нисходящего движения. В английских фразах большинство нисходящих конфигураций (88 %) имеют сложную структуру. Они начинаются с ровного или восходящего участка и продолжаются падением. В случае кратких гласных восходящая часть может быть даже больше, чем нисходящая. В интерферентной речи зарегистрировано увеличение доли сложной конфигурации на 15 % при общем преобладании простой структуры.

На этапе аудитивного анализа специалисты также отметили большую крутизну нисходящего тона в английском языке. Для подтверждения этого впечатления мы измерили скорость изменения частоты основного тона в нисходящей части каждого ядерного тона во всех трех выборках. Полученные данные отражены в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Скорость изменения частоты основного тона в разных видах речи (Гц/мс)

Белорусская речь			Английская речь			Интерферентная речь		
Среднее значение	Макс. значение	Мин. значение	Среднее значение	Макс. значение	Мин. значение	Среднее значение	Макс. значение	Мин. значение
0,38	0,69	0,12	0,51	0,79	0,26	0,41	0,72	0,15

Статистическая обработка акустических данных позволила установить, что в целом нисходящие тоны в белорусском языке характеризуются большей пологостью контуров по сравнению с английскими. Среднее значение скорости изменения частоты основного тона составляет 0,38 Гц в миллисе-

кунду, в то время как в английской речи 0,51 Гц/мс. Максимальное и минимальное значение, зарегистрированное во всей белорусской выборке, ниже соответствующих в английской выборке. В интерферентной речи наблюдается сдвиг к более крутому падению, который, однако, не достигает целевых показателей. Наличие этого сдвига говорит о сформированности в сознании неносителя представления о том, как должен звучать нисходящий контур в английском языке.

В целом результаты исследования свидетельствуют о том, что белорусскоговорящие билингвы при переходе на английский язык осуществляют подстройку под неродную интонационную структуру фразы, которая состоит в расширении диапазона, интервала нисходящих тонов, изменении конфигурации мелодического движения на предъядерной и ядерной части фразы. Однако полного совпадения с произносительной нормой не происходит.

Настоящее исследование носило пилотный характер. Его перспективу должно составить более масштабное изучение различных коммуникативных типов высказываний с участием большого числа испытуемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фомиченко, Л. Г.* Когнитивные основы просодической интерференции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Л. Г. Фомиченко ; Моск. пед. ун-т. – М., 1998. – 32 с.
2. *Вишневская, Г. М.* Английская интонация (в условиях русской интерференции) : учеб. пособие / Г. М. Вишневская ; Иван. гос. ун-т – Иваново : ИвГУ, 1985. – 84 с.
3. *Вишневская, Г. М.* Интерференция и акцент (на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г. М. Вишневская ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1993. – 373 л.
4. *Наумова, Е. В.* Просодико-интонационная интерференция в речи билингвов : на материале русского языка и языка суахили : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. В. Наумова ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2002. – 16 с.
5. *Абрамова, И. В.* Фонетическая вариативность в условиях искусственного билингвизма : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И. В. Абрамова ; СПбГУ. – СПб., 2013. – 46 с.
6. *Завьялова, В. Л.* Особенности слога-ритмической организации английской речи носителями китайского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. Л. Завьялова ; Дальневосточ. гос. ун-т. – Владивосток, 2001. – 24 с.
7. *Киритова, И. А.* Особенности фонетической организации английской речи носителей тайского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. А. Киритова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2010. – 22 с.
8. *Белоножко, Ю. В.* Слог и ритм английской речи носителей японского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю. В. Белоножко ; Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2007. – 17 с.

9. Бунина, Е. Е. Особенности просодической интерференции в ситуации искусственного триязычия : экспериментально-фонетическое исследование : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Е. Бунина ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2004. – 20 с.
10. Метлюк, А. А. Просодия белорусского языка в условиях двуязычия : учеб. пособие по курсу «Теоретическая фонетика английского языка. Для студентов IV курса языкового вуза / А. А. Метлюк. – Минск : Минск. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1982. – 105 с.
11. Метлюк, А. А. Взаимодействие просодических систем в речи билингва : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. А. Метлюк. – Минск : Выш. шк., 1986. – 110 с.
12. Payne, E. Prosodic-phonetic biases and the construction of phonological markedness / E. Payne // Helt fabelaktig! Festskrift til Hanne Gram Simonsen på 70 årsdagen / eds: H.-O. Enger, M. I. N. Knoph, K. E. Kristoffersen, M. Lind. – Oslo, 2016. – P. 181–198.

Поступила в редакцию 13.09.2021

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-312.1

Авраменко Владислав Игоревич
магистр филологических наук,
аспирант кафедры зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Vladislav Avramenko
MA in Philology
PhD student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
avramenkowl@gmail.com

«СЕРАФИТА». ФИЛОСОФСКИЙ РОМАН О. ДЕ БАЛЬЗАКА

SÉRAPHÎTA: THE PHILOSOPHICAL NOVEL OF H. DE BALZAC

В статье исследуется специфика бальзаковского философского романа на примере «Серафиты» – произведения из философского и мистического циклов писателя. В работе рассматриваются особенности философской стороны романа, исследуются различные способы развития в нем как авторских идей, так и мистических доктрин Сведенборга.

Ключевые слова: *философский роман; философия и литература; фантастика; литература XIX века; мистический роман.*

The article examines the specificity of Balzac's philosophical novel using the example of *Séraphîta* – a work from the author's philosophical and mystical cycles. This paper examines the features of the philosophical aspects of the novel and various ways of developing both the author's ideas and the mystical doctrines of Swedenborg in it.

Keywords: *philosophical novel; philosophy and literature; fantastic; 19th century literature; mystical novel.*

Факт выделения Бальзаком в своем творчестве целого цикла романов и повестей под названием «Философские этюды» указывает на конкретную жанровую преемственность и «перекличку» с творчеством просветителей. Бальзак во многом ориентируется на писателей XVIII в., но создает свой, особый вид философского романа. В данной статье мы рассмотрим специфику бальзаковского философского романа на примере «Серафиты» – произведения из философского и мистического циклов писателя.

«Серафита» – это очень личное произведение Бальзака (оно посвящено Э. Ганской). И тем не менее степень искренности писателя уловить нелегко. Действительно ли идеи «Серафиты» – это и есть мировоззрение автора романа? Бальзак не был ни ревностным католиком, ни пассивным мистическим созерцателем. Его жизнь мало соответствовала тем идеалам, которые прославляет «Серафита»; его философские интересы идут дальше теорий Сведенборга и ими не ограничиваются. Поэтому, безусловно, делать из Бальзака мистика и только лишь мистика – такая же крайность, как и приписывать ему сугубо рационалистический, позитивистский взгляд на мир. «Серафита» отражает лишь одно из направлений философского поиска писателя-эклектика.

Опишем кратко основные события, происходящие в романе. В произведении есть всего пять персонажей: андрогин Серафита/Серафитус, его слуга Давид, таинственный странник Вильфрид, пастор Беккер и его дочь Минна. Все действие происходит близ норвежского фьорда: в окаймляющих его горных вершинах, у его заснеженных берегов, в старом замке, в Жарвисе – деревушке неподалеку. Время действия: первая весна XIX века.

Первая глава романа называется «Серафитус». Нам открывается величественный и суровый зимний норвежский пейзаж. Мы видим две фигуры, будто летящие на вершину неприступной горы Фалберг: это Минна и Серафитус на лыжах. Серафитус обладает сверхъестественной силой; благодаря его способностям они добираются до горного плато. Там путники наслаждаются пейзажами. Серафитус дарит Минне особенное растение, из розеток которого выступают *тычинки без пестика*. Минна восхищается красотой и мудростью Серафитуса. Она чувствует, что это существо, которому «все ведомо». Минна постоянно признается в любви Серафитусу, но он советует ей приберечь любовные чувства для Вильфрида.

Путники спускаются вниз, Серафитус возвращает Минну отцу – пастору Беккеру. Но Беккер видит не Серафитуса, он видит, как и все мужские герои романа, Серафиту – женское начало в этом чудесном существе.

Вторая глава называется «Серафита». В замок андрогина приходит Вильфрид. Он влюблен в Серафиту, как Минна влюблена в Серафитуса. Он добивается ее любви, но Серафита постоянно напоминает ему о Минне, которая для него предназначена.

Вильфрид уходит от Серафиты к Беккеру. Он просит пастора рассказать ему о ней. Беккер соглашается, но решает для начала посвятить его в учение шведского мистика Сведенборга.

Третья глава под названием «Серафита-Серафитус» посвящена главным образом изложению биографии и мистической теории шведского пророка. Мы узнаем и историю Серафиты/Серафитуса (далее для удобства будет использоваться женский вариант имени персонажа). Становится известно, в частности, что родители Серафиты были приверженцами идей Сведенборга.

В четвертой главе «Тучи над святилищем» Беккер, Минна и Вильфрид приходят к Серафите в замок и просят ее открыть им свою тайну и знания, которыми она обладает (загадка в том, что Серафита очень мудра, но она никогда не покидала родных мест, нигде не училась, ничего не читала и почти ни с кем не общалась). Почти вся глава состоит из длинного монолога Серафиты. Здесь Бальзак выходит за пределы сведенборгианской мистики.

Пятая глава называется «Прощание». Вильфрид делает последнюю попытку добиться любви Серафиты, однако она вновь отвергает его.

В следующих двух последних главах – «Дорога к небу» и «Вознесение» – говорится о физическом увядании Серафиты, ее смерти и вознесении на небо. Перед смертью Серафита наставляет Вильфрида и Минну. Она говорит о жизни, посвященной Богу, и о значении молитвы: она помогает человеку

выйти за пределы своей плоти. В последних сценах романа Вильфрид и Минна наблюдают чудесные явления: они видят, как Серафита избавляется от своей телесной оболочки и попадает в рай. Вильфрид и Минна становятся ясновидцами, им открывается небо и суть всех вещей. Они преображаются в любви друг к другу и решают посвятить себя Богу.

Итак, философские и мистические идеи в концентрированном виде выражены в «Серафите» в третьей и четвертой главах. Мистику Сведенборга, изложенную в романе, можно свести к следующим тезисам: существуют *ангельские души* (les Esprits Angéliques) – это люди, которые достигли особого состояния на пути служения Богу, они готовы стать настоящими ангелами на небесах. Ангельские души проходят через несколько стадий преображения: через любовь (сначала любовь к самому себе, затем к миру и к небу; чтобы прийти к любви, душа должна открыться для веры и молитвы) и через мудрость (мудрость можно понимать как осознанное стремление к божественному).

Союз между духом любви и духом мудрости приводит человеческое существо в особое божественное состояние, когда дух хочет вырваться из плоти, а плоть сопротивляется и страдает.

Всего есть три состояния, которые переживает человек, прежде чем попасть на небо: природное (в котором находятся непреображенные существа), духовное (в этом состоянии прибывают ангельские души) и божественное.

Таким образом, история Серафиты – воплощение сведенборгианской мистики. Она уже преобразилась в любви и поэтому отвергает земные чувства. Такая же судьба предназначена Вильфриду и Минне: через любовь преобразиться и соединиться в одно целое и через любовь и мудрость достичь неба.

У Серафиты есть и собственная философия; она не только воплощает идеи, но и сама порождает их. Серафита задается глобальными вопросами: она рассуждает о природе духа и материи, о первопричине, о смысле жизни и смерти, о справедливости, о природе зла и т.д. Главный ее вопрос: что есть Бог? Ее речь обращена главным образом к Беккеру. Она упрекает его в сомнении (напомним, что Беккер – пастор). Серафита приходит к выводу, что попытки рационального постижения Бога всегда приводят в тупик. Только вера и *ясновидение*¹ способны привести к Богу и к истинному пониманию мироздания.

Персонажи «Серафиты» крайне словоохотливы. Рассуждения Беккера и андрогина занимают значительное место в романе. Развитие авторской мысли при помощи героя-резонера характерно для классического философского романа. В этом «Серафита» ничем не отличается от произведений просветителей, где идеи провозглашаются обычно прямо, «в лоб». Однако *прямое сообщение* в «Серафите» является не единственным и далеко не самым

¹ Теорию ясновидения Бальзак начал развивать еще в «Луи Ламбере» – романе, который писатель в одном из своих писем Ганской назвал предисловием к «Серафите».

главным способом передачи философии. Дух романтизма – от которого Бальзак-реалист никогда не отказывался – преобразует философский роман: говорит об идее не только *рот героя*, но весь его облик; появляются выражающие идею образы и символы; изменяется и природа самого прямого сообщения: все чаще звучат афоризмы, все больше недосказанности, все больше тайны и вопросов, а не готовых ответов.

Интересны условия, в которые философский текст помещается в романе. Биографию Сведенборга и его доктрину излагает Беккер – сомневающийся, не особо крепкий в своей вере пастор. Он уважительно относится к шведскому пророку и к его теориям, мистика явно его увлекает (Беккер прочитал все работы Сведенборга), однако он предпочитает стоять на позициях скептицизма и придерживаться традиционного христианства. Самое главное: он, в отличие от Давида, Минны и Вильфрида, не считает Серафиту божественным созданием. Беккер находит рациональное объяснение ее странному поведению: «...*je vois en elle une fille extrêmement capricieuse, gâtée par ses parents, qui lui ont tourné la tête avec les idées religieuses...*» [1, p. 134]

Серафита представляется ему жертвой, а не чудом; ребенком, которому сумасшедшие фанатичные родители испортили психику. Если бы не персонаж Беккера, «Серафиту» можно было бы прочесть как чисто символическое произведение. Но Беккер, единственный рационалистический герой, присутствует, что заставляет и читателя становиться иногда на позиции скептицизма, рассматривать все происходящее в романе буквально и искать всему разумное объяснение. Так ищут истину в романе детективного жанра. Но «Серафита» – не детектив; в сюжете произведения буквально происходит чудо: андрогин умирает, но затем воскресает и при свидетелях попадает на небо. Таким образом, происходящие события опровергают позицию пастора и одновременно свидетельствуют в пользу сказанного им слова о Сведенборге.

Идея, высказанная в романе прямо, уязвима. Она нуждается в подтверждении, в раскрытии на уровне сюжета. Пастор и его скептицизм угрожают гармонии сведенборгианского неба и теории ясновидения. Уже сам факт того, что теория Сведенборга звучит из уст скептика, дискредитирует теорию. Именно поэтому значение собственно философского текста, прямого сообщения, в романе невелико. Даже слово Серафиты, главного философа в романе, может подвергаться сомнению. Как шестнадцатилетний ребенок может столько всего знать? Беккер не удивляется ничему, и к скептицизму начинает склоняться даже Вильфрид. Уже на следующий день после страстной речи Серафиты оба мужчины освобождаются от охватившего их оцепенения, находят всему рациональные объяснения и начинают смотреть на недавние события чуть ли не по-будничному.

В просветительском философском романе цена слова героя-резонера велика, поскольку слово это – безоговорочная истина; в «Серафите» же *выражение философии* ставится в приоритет перед ее *высказыванием*, которое может быть «взято в скобки». Его значимость может быть снижена

или вообще отвергнута. У Бальзака философию в роман привносит не столько герой-резонер, сколько мистический или *фантастический элемент*¹.

К фантастике, как известно, прибегали и просветители, но в их творчестве она была вспомогательным, а не основным средством развития идеи. У Бальзака же философское начало многие исследователи находят именно в его фантастике.

«Фантастическое в творчестве Бальзака, – пишет, в частности, Г. М. Эльдарова, – это ... средство выражения его философии ... функция бальзаковской фантастики изображать действительность неотделима от ее функции философского осмысления действительности» [2, с. 14]. Философский текст в романах Бальзака важен: он поясняет суть происходящих событий, но он вторичен. Об истине говорит *судьба героев*, в которую писатель для большей рельефности изображения своей мысли вносит фантастический элемент. Это хорошо видно и на примере самого известного философского романа Бальзака. Шагреневая кожа с заключенной в ней «формулой» вносит свой порядок в философию героев романа. Она разрушает жизненное кредо Антиквара и теорию воли Рафаэля: у жизни есть свои незыблемые законы, стоящие выше любых человеческих хотений, абстракций и теорий.

В другом философском романе Бальзака – «Луи Ламбере» – важно не столько понимание философских текстов, в которых есть достаточно темные для понимания места (в конце романа Ламбер вещает в состоянии безумия), сколько наблюдение за тем, что происходит с главным героем. Французский исследователь Э. Бордас обнаруживает в «Луи Ламбере» особую поэтику и особый тип текста, где между философией и художественной тканью произведения устанавливаются отношения взаимодополнения и взаимозависимости: «...*la pensée n'existe pas indépendamment du support qui la suscite, le support est une création de la pensée*» [3, р. 63]. И все же то, что порождено философией, представляется Э. Бордасу более важным в романе Бальзака: по-настоящему философскими являются у писателя образы, а не теоретические выкладки Луи Ламбера. То же можно сказать и о «Серафите». Символика романа, эпизоды умирания Серафиты и ее вознесения на небо красноречивее говорят об истине, чем ее собственная лекция и речь Беккера.

Бальзак уже прибегал к символизации в философском романе: в эпилоге «Шагреневой кожи» он недвусмысленно указывает на символический характер образов Теодоры и Полины. Символична сама шагреневая кожа. В «Серафите» Бальзак еще больше полагается на символы, но он все же не

¹ В одних работах организующим философию началом у Бальзака считается мистическое, в других – фантастическое. Выбор категории зависит от ее трактовки. Бытовая, читательская характеристика фантастики смешивает ее всю целиком с научной фантастикой в духе Ж. Верна или Г. Уэллса. Однако фантастику можно понимать довольно широко. Научную фантастику, фэнтези, мистику – все это можно включить в категорию фантастического. Поэтому мы останавливаемся на формулировке *фантастический элемент* (элементами могут быть образы, символы, события).

позволяет своему роману полностью оторваться от земли и начать парить в чистых фантазиях – скептик Беккер выполняет роль «заземлителя». Он как бы соединяет экзальтированных Давида, Минну, Вильфрида и Серафиту с реальным миром. На наш взгляд, «Серафита» не является чисто символическим произведением, однако, символика в нем присутствует и несет большую идейную нагрузку.

Фантастический образ Серафиты является и главным символом в романе. Ее андрогинность означает преображение в любви, которое является первой ступенью на пути к преодолению телесного. Она – совершенный человек, Женщина и Мужчина. Серафита познала Бога, и все в ней говорит об этом сакральном знании: ее ангельский внешний облик и внутренний свет, ее величественные жесты, ее уверенность среди бушующей и опасной стихии, ее безмятежность перед лицом смерти. Вместе с тем Серафита замкнута в себе, она излагает многозначительные сентенции и задается риторическими вопросами как будто для самой себя, зная, что ее не поймут. Дополняет образ Серафиты ее стремление к молитве. Истинная Серафита молится, а не читает лекцию, которая является лишь уступкой непонятливым собеседникам.

Ей ведомо все, но часто, в том числе и в своей главной лекции, она о чем-то умалчивает и недоговаривает. Иногда ее речь туманна, непонятна. Она не находит слов, чтобы объяснить с Минной, Вильфридом и Беккером, которые находятся на более низких ступенях существования. Важно не только то, что она говорит, но и то, что она *молчит*: молчание Серафиты означает ее мудрость, которая, как мы писали выше, является еще одной ступенью на пути к Богу.

Серафита знает тайны неба, но она не может об этом рассказать прямо Вильфриду и Минне – для этого не существует слов. Серафита имитирует язык философов: ее лекция – это упражнение в логике, она напоминает о средневековой схоластике. Все безуспешно.

Есть, однако, другой способ открыть истину: *показать ее*. Это и сделает в конце концов Серафита: после своего вознесения она попросит у небес на время открыться Вильфриду и Минне. И только увидев небеса и истинное устройство мироздания, только лично проникнув в «матрицу», они окончательно все поймут, возлюбят друг друга и захотят приблизиться к Богу. В двух последних эпизодах, где показаны отделение души Серафиты от ее тела, ее восхождение на небо, приводятся видения Вильфрида и Минны, ярче всего проявляется фантастическое в романе.

В конечном счете, воздействует на героев романа только то, что они видят, а не то, что слышат. И это только подтверждает в «Серафите» приоритет эстетической рефлексии (философствования посредством образности) и косвенного сообщения философской идеи (непрямого ее изложения различными способами) перед логической рефлексией и прямым сообщением.

Рассмотрим другие символы в «Серафите». Среди них мы обнаружим и те, которые с фантастикой никак не связаны. Роман открывает эпизод

восхождения Серафитуса и Минны на вершину горы Фалберг. Это символическое восхождение. Символическим является и пребывание Вильфрида у Серафиты, о чем повествуется во второй главе. Это своеобразные обряды инициации двух героев, как отмечает Н. В. Решетняк [4, с. 21], исследовательница мистических произведений Бальзака.

На вершине горы Минна соприкасается с мужским миром. Ей, которой предназначено твердо стоять на земле, Серафитус открывает бескрайний простор неба, мир силы, скорости и опасности. Кроме того, Серафитус дарит Минне цветок, у которого есть тычинки, но нет пестика – и это тоже символ: символ непреображенного существа на начальной стадии существования.

Горным вершинам противопоставляется камерная атмосфера жилища Серафиты. Вильфрид в замке андрогина встречается с женским миром. Сверхъестественно сильный и дерзкий Серафитус превращается в слабую, утомленную, болезненную женщину. Минну окружали горы и яркий солнечный свет, Вильфрид же помещен в обстановку салона, в вечернее время. Минна несется в выси, смотрит вокруг себя, вглядывается в пейзажи – Вильфрид в салоне Серафиты находит покой: он засыпает у ее ног.

Сам выбор писателем места, где происходят события, имеет особое значение. Север ассоциируется у Бальзака со Сведенборгом, кроме этого, северный норвежский пейзаж – союз моря, гор, и долин – хорошая декорация для символического расположения героев романа. Горные вершины – мир познавшей небо Серафиты. Дом Беккера внизу – мир земной, с его сомнениями, тревогами и тщетными философскими исканиями. Земная Минна должна возвыситься в горах, а возвышенный Вильфрид – спуститься к земле. Герои романа находятся между бурлящим морем – хаосом, и небом – порядком и гармонией. Контраст, как это видно, является важным композиционным принципом «Серафиты».

На севере, кроме того, большее значение приобретает пора весны: таяние льдов, пробуждение природы символизируют начало новой жизни, то есть вознесение на небо Серафиты и преображение Минны и Вильфрида. Такое же значение имеет и время происходящих событий: первый год нового века.

Итак, Оноре де Бальзак, один из крупнейших романистов своего века, сознательно обращается к жанру философского романа, обозначая в своем творчестве отдельный цикл для подобных произведений. Его «Философские этюды» представляют собой пример трансформации этого жанра в XIX столетии. «Серафита» – один из центральных философских романов Бальзака – хорошо демонстрирует эту трансформацию, но он также показывает и то, что резкого перехода от одного типа поэтики к другому не было.

В «Серафите» обнаруживаются черты классического философского романа (объемные тексты сугубо философского характера, герои-резонеры), что говорит об обращении писателя к просветительской традиции. Вместе с тем Бальзак совершенствует жанр и делает упор на иные способы философствования. В «Серафите», как и во многих других романах и повестях писателя, тем основным элементом, который привносит философию в роман,

который ее организует и заставляет ее работать, является фантастический элемент. Большую философскую нагрузку несут в романе и символы, которые к фантастике могут и не иметь отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Balzac, H. de Séraphita* / H. de Balzac [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://beq.ebooksgratuits.com/balzac/Balzac-86.pdf>. – Дата доступа : 05.03.2021.
2. *Эльдарава, Г. М.* Фантастическое в творчестве Бальзака : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05/ Г. М. Эльдарава ; Ленинград. – Ленингр. гос. ун-т имени А. А. Жданова, 1987. – 15 с.
3. *Bordas, É.* Romanesque et énonciation «philosophique» dans le récit [Электронный ресурс] / É. Bordas // *Romantisme*. – 2004. – № 124. – Р. 53–70. – Режим доступа : <https://doi.org/10.3406/roman.2004.1257>. – Дата доступа : 28.09.2019.
4. *Решетняк, Н. В.* «Мистическая книга» Бальзака. От истоков к художественному воплощению теософских идей : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10 01 03/ Н. В. Решетняк ; СПбГУ. – СПб., 2007. – 23 с.

Поступила в редакцию 29.09.2021

УДК 821.111 – 3.09

Аксючиц Полина Сергеевна

выпускник

Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Palina Aksiuchyts

graduate

Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
aksiuchits.polina@gmail.com

Рогачевская Марина Станиславовна

доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной
литературы

Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marina Ragachewskaya

Habilitated PhD in Philology,
Professor at the Department
of World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
marinaragachewskaya@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНЫЙ ДИСКУРС В РОМАНАХ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СЛЕДЫ» С. ФОЛКСА И «СУББОТА» И. МАКБЮЭНА

FICTIONAL AND SCIENTIFIC DISCOURSE IN THE NOVELS *HUMAN TRACES* BY S. FAULKS AND *SATURDAY* BY I. MCEWAN

В статье рассматриваются два вида дискурса – художественный и научный – на примере романов современных английских писателей: «Человеческие следы» С. Фолкса и «Суббота» И. Макбьюэна. Сделан вывод о том, что романы реализуют все конвенциональные стратегии художественного текста (сюжетное построение, характеропостроение,

лексическое разнообразие и др.), органично вплетая в себя научный дискурс, который состоит из таких элементов, как терминологическая лексика, тематика научного исследования в областях медицины, нейробиологии, психотерапии и психоанализа, использование документа и псевдодокумента, аллюзии на известных ученых и медицинские и научные учреждения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *художественный дискурс; научный дискурс; И. Макьюэн; С. Фолкс; интердискурсивность; научная терминология; художественные приемы.*

This article, which is the result of joint efforts of Professor M. Ragachewskaya and her graduate student P. Aksiuchyts, discusses the interaction of fictional and scientific discourses within two novels – *Human Traces* and *Saturday* – by contemporary British authors S. Faulks and I. McEwan, respectively. These types of discourse are analyzed through the interaction of linguistic and extra-linguistic elements. We examine the ways of artistic integration of scientific terminology, historical and academic research, the history and evolution of psychiatry, neurobiology, psychoanalysis and other areas of studying the human mind, as well as theories and discoveries of world famous scientists.

Key words: *fictional discourse; scientific discourse; I. McEwan; S. Faulks; interdiscursivity; scientific terminology; artistic devices.*

В современном мире на фоне событий последнего столетия, таких как мировые войны, экологические проблемы, болезни, все больше возрастает интерес к науке. И проявляется это не только в собственно научных сферах, но и через опосредованную роль искусства и литературы. Художественная литература как вид искусства, как способ познания мира и человека, как форма общения активно участвует в процессе развития и популяризации науки. В то же время художественная литература не является образной иллюстрацией научных понятий и идей. Это самобытная духовно-познавательная система, достигающая единства между всеобщей истиной и ее конкретными проявлениями. Литература как форма художественного познания не адаптирует научно-философские истины к чувственному созерцанию, а исследует соотношение объективного и субъективного в их конкретном текстовом воплощении. Через яркую образную форму литература дает возможность легче и проще воспринимать информацию, расширять знания и открывать безграничные возможности для поиска этого знания, отличного от того, которое достигается научным путем [1].

Художественная литература, понимаемая как дискурс, является системой – открытой, нелинейной и динамичной, способной принимать и включать совершенно разные элементы, изменяться и подстраиваться под заданную тему. Являясь достаточно полиморфной, система художественного текста может включать совершенно разные дискурсы: научный, политический, религиозный и др. Дискурсы не просто сосуществуют, они взаимодействуют, проникают друг в друга и создают единое целое. Благодаря их диалогической взаимоотношенности, могут варьироваться стилистические регистры, создаваться новые лексико-семантические значения. Вопросы взаимодействия разных видов дискурсов, их совместимость, процесс взаимодействия и результат сосуществования интересуют современных литературоведов и лингвистов. Этот процесс наиболее продуктивно можно изучать

на примере современной литературы, которая хранит культурную память, открывает пути в самые разные области человеческого знания. Так, на примере романов современных британских писателей С. Фолкса «Человеческие следы» («Human Traces», 2005) и И. Макьюэна «Суббота» («Saturday», 2005) можно изучить процесс гармоничного сосуществования и взаимопрониновения научного и художественного дискурсов.

Само понятие *дискурса* является многозначным, но в основном оно рассматривается с двух сторон: как беседа или речь с соответствующими системами понятий и как связный текст с рядом определенных экстралингвистических компонентов [2]. О. А. Велюго в своем исследовании отмечает, что лингвистическое определение дискурса как связного текста в совокупности с экстралингвистическими факторами можно использовать как основу в литературоведении, где также понятие дискурса связано с категорией текста, ибо в литературоведении работают непосредственно с письменными художественными текстами [3].

Рассмотрим оба вида дискурса. Как пишут В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе, «дискурс в литературе – художественный текст, погруженный в жизнь и способный трансформироваться в произведение» [4, с. 241]. Художественный дискурс определяется как «динамический модус существования системы “литература”» [4, с. 255]. Именно в дискурсе запускаются системные механизмы литературы – «литературный дискурс “перебрасывает мостик” между миром воображения и конкретной реальностью, между вымышленным миром литературы и действительностью» [4, с. 246]. Благодаря возникающему в литературе дискурсу, текст «оживает», становясь собственно произведением. Т. Б. Самарская и Е. Г. Мартиросьян в своей статье упоминают, что в некоторых работах ученых дискурс понимается как процесс текстопостроения и процесс чтения. Например, Н. А. Кулибина предлагает определять книгу как «машинописный текст, и книгу в процессе прочтения ее человеком» [5]. Тем не менее разные виды дискурса внутри художественного произведения, даже если они полностью соответствуют критериям своей сферы, все равно не смогут оказаться «сильнее» художественного или превратить художественный текст, например, в научный, ибо эти дискурсы изначально включены в художественный и, следовательно, подчиняются художественному дискурсу [Там же].

Научный дискурс – многозначный термин, который широко используется с середины 1970-х гг. вместе с распространением в западноевропейской и американской науке понятия *дискурс*. В одном из определений научный дискурс – «система сложившегося научного знания, то есть доказательная система знаний, рационально удостоверяющая полученный человеком познавательный результат» [6]. В другом понимании – это «совокупность научных текстов, связанных содержательно-тематическими отношениями или объединенных в функциональном отношении» [Там же]. Еще одно определение научного дискурса дает Л. А. Ахтаева: «процесс выражения в целом тексте нового знания, а также его обоснования посредством взаимосвязанных

рассуждений, то есть диалог между старым и новым знанием, в рамках которого происходит постепенное формирование нового, концептуального научного знания» [7, с. 148]. Очевидно, что все дефиниции так или иначе делают упор на систему знаний.

Перейдем к анализу взаимодействия научного и художественного дискурсов в избранных романах. Рассмотрим сначала роман С. Фолкса «Человеческие следы». С. Фолкс (р. 1953) – современный британский писатель и журналист, творчество которого достаточно разностороннее: во многих его произведениях прослеживается любовь к французскому языку и культуре, тема Первой мировой войны; автор создал детективные романы с историческим сюжетом, любовные романы; его перу принадлежит смелое подражание – новый роман о Джеймсе Бонде. Часто С. Фолкса описывают как «детального» писателя, ведь каждая его книга – это проработанное и подробное произведение, где герои и события раскрываются в мелочах.

Повествование романа «Человеческие следы» начинается в 1870-х в разных уголках Европы и длится почти век, а читатель проживает почти всю жизнь с главными героями. Судьбы двух мальчиков, Жака Ребьера из Франции, желающего стать доктором и найти лекарство от загадочной болезни старшего брата Оливьера, и Томаса Мидуинтера из Англии, жаждущего узнать ответ, когда и как человек стал человеком, переплетаются. Объединившись страстью к познанию человеческого сознания и мозга, они вырастают и открывают психиатрическую клинику в Каринтии, на юге Австрии, высоко в горах. Они называют клинику «Schloss Seeblick» и занимаются изучением мозга и сознания, пытаются излечить душевно больных. Герои много путешествуют, «таким образом топографически расширяя и глобализируя масштабы ментальных нарушений» [8, с. 9]. События романа охватывают весь мир: Англию, Францию, Италию, Австрию, Северную Америку, куда Томас предложил поехать Жаку после смерти брата, и Африку – именно туда путешествовал Томас, продолжая свои исследования. Томас погружается в нейробиологию, изучает мозг и выдвигает гипотезу, что все люди с самого своего появления психически нездоровы. Жак же увлекается больше психоанализом, он интересуется методикой Ж. М. Шарко и разработками Венской психоаналитической школы. Роман заканчивается началом нового этапа в жизни человечества – Первой мировой войной, оставляя за собой пессимистичные выводы: «душевнобольные неизлечимы, а помешательство политиков, приведшее к войне – такая же болезнь человечества, как шизофрения отдельно взятого больного» [8, с. 10].

«Человеческие следы» – роман с большим количеством интердискурсивных включений и ответвлений, и его отличительной чертой является тесное переплетение художественного и научного дискурсов. С. Фолкс пытается не жертвовать внутренней структурой художественного дискурса, сохраняя его в следующих элементах: сюжет, характер, образная система, художественные средства, выразительность. Повествование о вымышленных персонажах, вступающих в отношения, заданные конвенциональными требо-

ваниями романного сюжета – завязка, развитие действия, подчиненного одному или нескольким конфликтам, кульминация и развязка. При этом создание характеров также происходит согласно правилам художественного дискурса: характер становится порождением эклектики портрета, реализованного через описание внешности, речевых и поведенческих действий, психологического описания и анализа [8, с. 11]. Образная система также является частью художественного дискурса – описания природы, внешности, чувств, мыслей героев, их диалоги и т.д. Здесь автор использует достаточно много средств художественной выразительности, таких как эпитеты, метафоры, сравнения и т.д., которые позволяют избежать сухости (особенно это касается моментов с большой концентрацией терминологии), делают текст живым. Например, когда в клинике тестировали новый аппарат для лечения со стимуляцией током, одна из героинь описала ощущения как «*It's like having lots of little spiders running all over you*» ('Как будто много-много маленьких паучков бегают по всему твоему телу'); или же, например, при препарировании мозга в Африке Томас сравнивает мозг с кокосом: «*It is like pulling apart the two halves of a coconut*» ('Это как разделять две половинки кокоса') [9].

Фолкс использует интересный прием для описания сознания больного брата Жака, Оливьера, и маленького сына Жака, Даниэля. Этих двух героев объединяет тот факт, что именно в их сознание попасть труднее всего, ведь они «закрыты» для внешнего мира, и читатель не может воссоздать полноценный образ этих персонажей. Оливьер болен, он почти не реагирует на окружающих, полностью погрузившись в свой внутренний мир. Автор использует прямую речь, приближенную к «потoku сознания», погружая читателя в мысли Оливьера, в нескончаемый поток звучащих в его голове голосов, которые буквально заставляют его совершить самоубийство: «*You are a bad man. You cause pain in other people*» ('Ты плохой человек. Ты делаешь людям больно'); «*Kill yourself. Only that can save the world*» ('Убей себя. Только так можно спасти мир'), «*He is not worth killing. He will have to kill himself*» ('Он не заслуживает того, чтобы кто-нибудь убил его. Он должен будет убить себя сам') [9]. Второй пример «открытия» читателю сознания – это маленький сын Жака, Даниэль. Через описания и монологи от третьего лица мы попадаем в сознание ребенка.

В основном в романе использована нейтральная и разговорная лексика, которой также разбавляются насыщенные научной терминологией моменты (лекции, исследования, теории). Часто используется эмоционально-окрашенная, а также уничижительная и бранная лексика: *coward* 'трус', *stable boy* 'конюх' (в данном контексте слово является оскорбительным для Оливьера, ведь, когда он заболел, его отец держал его в конюшне), *sodomite* 'мужеложец' и т.д.

Автор также использует прием эпистолярности (герои, отправляясь в путешествия, всегда пишут домой близким) для придания событиям большей непосредственности, реальности их «проживания» персонажами.

Научный дискурс прежде всего проявляется в форме функционирования в канве текста научной тематики: медицины, психиатрии, когнитивной и общей психологии, психоанализа. Специальная научная терминология, связанная с этими сферами, прослеживается на протяжении всего романа, что связано непосредственно с его сюжетом. Автор специально вводит большое количество научной терминологии для более глубокого погружения в атмосферу романа, в частности, в жизнь и работу докторов, для придания статьям и лекциям научного характера. Наибольшая концентрация медицинской лексики содержится во вставных псевдодокументах, таких как научные статьи, тексты лекций, научные труды, медицинские заключения, отсылки к трудам и теориям таких ученых, как Ч. Дарвин, Ж. М. Шарко. «Одним из способов актуализации научного модуса можно также считать гибридизацию научного дискурса в совокупности с нарративной формой монологической речи, имитирующей научную лекцию» [8, с. 11]. Такие лекции выступают в обрамляющей форме в романе. Несколько из них принадлежат врачу-психиатру Ж. М. Шарко, например, на тему истерии. В одной из них Шарко на примере пациентки Бланш Уитман демонстрировал связь истерии и гипноза, утверждая, что все люди, страдающие от истерии, могут быть загипнотизированы. Интересно то, что Шарко действительно читал такую лекцию в клинике Сальпетриер в Париже, и девушку, имевшую все признаки истерии, звали именно Бланш Уитман. На протяжении лекции Шарко (как герой романа) использует достаточно много медицинской терминологии: *locomotor ataxia* 'локомоторная атаксия', *Sydenham's chorea* 'ревматическая хорея', *uterus* 'матка', *motor disorder* 'моторное нарушение', *epileptic seizure* 'эпилептический приступ'. Другие лекции также полны терминологией: *multiple sclerosis* 'рассеянный склероз', *hemiplegia* 'односторонний паралич' – *hebephrenia* 'гебефреническая шизофрения', *schizophrenia* 'шизофрения'. Однако терминологической лексики все же меньше, чем нейтральной и разговорной.

Также научный модус романа реализуется и на сюжетном уровне. Можно отметить эволюцию психиатрии, которая развивается вместе с героями романа: от примитивных взглядов на сознание до психоанализа. Это прослеживается через сообщения о новых достижениях, идеях, методах лечения и аппаратах для лечения; о приобретении героями знаний в этой области, об актуальных научных открытиях.

В некоторых случаях научный дискурс проявляется в миметическом ключе: созданные вставные тексты имеют свое внутренне дискурсивное пространство, построены по правилам именно научного дискурса, апеллируют к терминологической лексике [8, с. 11]. В романе можно также заметить переход научного дискурса прошлого века в современный: иными словами, то, что в психиатрии было диагнозом, сейчас стало неpolitкорректным жаргоном: *idiocy* 'врожденное слабоумие', *cretinism* 'кретинизм'.

Признаком научного дискурса являются и многочисленные ссылки на ученых и врачей. Например, чаще всего присутствуют имена врача-

психиатра Ж. М. Шарко и ученого Ч. Дарвина, а также врача-невролога Ж. Бабински, психиатра П. Жане, невролога Ж. Жилия де ла Туретта, невролога Ж. Котара, биолога и врача М. Мальпиги, врача Ф. А. Месмера, врача К. Г. Каруса, психолога М. Дессуара и др.

Топонимы также помогают в реализации интердискусивности. Например, часть событий романа происходит в госпитале Сальпетриер в Париже (здесь герой романа Шарко читает свою лекцию об истерии, на которой присутствует Жак), который изначально, с XVII в., служил приютом для бездомных, а затем с XVIII в. – больницей для душевнобольных. Именно здесь работал и знаменитый невропатолог Ж. М. Шарко (1825–1893).

Второй роман «Суббота» принадлежит перу И. Макьюэна – современного британского писателя и сценариста. Он умеет с особой точностью, обнаженностью и прямоотой показать и раскрыть все самые острые и неприятные стороны внутреннего мира человека, поднимая актуальные вопросы и иногда показывая обратную сторону проблем, как, например, в романах «Солнечная», «Цементный сад». Одновременно с этим он может писать в русле национальной реалистической традиции, переплетая ее с постмодернистской поэтикой, более мягко и не так обнаженно, как, например, в романе «Искушение». Автор часто использует прием включения псевдодокументальных элементов, давая возможность читателю самому судить героев и определять свое отношение к ним. Макьюэн – также автор сборников рассказов, детских книг, сценариев и одной пьесы. Его творчество насыщенное и разностороннее, касающееся острых социальных тем и ярко раскрывающее внутренние переживания человека.

Действие романа «Суббота» происходит в Лондоне в течение одного дня, субботы, 15 февраля 2003 года. За окном весьма беспокойные времена: после произошедших двумя годами ранее терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне в обществе появились мрачные настроения и растущий пессимизм, надвигается война в Ираке, и в этот день должна пройти масштабная мирная демонстрация против вторжения США в Ирак. Главный герой произведения – Генри Пероун, успешный нейрохирург, у которого нежные отношения с женой Розалиндой и их двумя детьми, весьма преуспевающими в жизни. У героя большой дом и машина, а на работе он уважаемый и признанный специалист. Волей случая Генри сталкивается с преступником, Бакстером, имеющим дегенеративное заболевание мозга, синдром Гентингтона. Именно эта встреча переворачивает обычную спокойную субботу доктора.

Книга описывает один день обычного и весьма успешного человека на фоне более масштабных исторических событий – антивоенных протестов, происходящих в городе. На протяжении всего произведения читатель находится с героем, почти в его голове, воспринимая происходящее вокруг него через его взгляды, переживания и мысли. Научный дискурс гармонично переплетается с художественным, не утяжеляя текст, а лишь приближая читателя к персонажу. Работая над романом, чтобы сделать научный дискурс произведения максимально точным и верным, Макьюэн два года провел

рядом с Нилом Китченом, нейрохирургом, в Национальной больнице неврологии и нейрохирургии в Лондоне, присутствуя на операциях, записывая свои наблюдения. Писатель даже давал прочесть книгу некоторым врачам-хирургам, чтобы те проверили написанное [10].

Повествование, как и в предыдущем романе, осуществляется согласно заданным конвенциональным требованиям романного сюжета, но вдобавок строится по правилам трех единств: времени (действие романа происходит в одну субботу), места (в одном городе, а половина романа – в одном доме) и действия (читатель следит за одной сюжетной линией). Характеры героев также создаются согласно правилам художественного дискурса: с помощью описаний, диалогов и монологов, поступков, психологического анализа. Большая часть романа представлена в виде монолога, потока сознания Генри Пероуна. Сама форма представления романа в виде размышлений главного героя указывает на художественный дискурс. Но с другой стороны, профессия нейрохирурга оправдывает насыщенность текста научной лексикой, в частности, медицинской. Но чтобы не превратить художественное произведение в научную работу, автор использует большое количество средств художественной выразительности, таких как эпитет, метафора, сравнение, оксюморон, перифраза, олицетворение и др. Например, когда Пероун читал книгу о том, как Дарвин создал «Происхождение видов», он описывал ее так: «*At times this biography made him comfortably nostalgic for a verdant, horse-drawn, affectionate England; at others he was faintly depressed by the way a whole life could be contained by a few hundred pages – bottled, like homemade chutney*» ('Местами эта биография вызывала у него легкую горечь оттого, что вся человеческая жизнь, словно домашний соус в бутылке, уместается в нескольких сотнях страниц'). Далее Пероун описывает операцию (яркий пример гармоничного переплетения научного и художественного дискурсов): «*This part of Baxter's skull now resembles crazy paving, or a broken china doll's head clumsily repaired*» ('Теперь эта часть черепа Бакстера напоминает то ли свежий асфальт, уложенный безумный катком, то ли разбитую и неумело склеенную голову фарфоровой куклы') [11].

Художественный дискурс также реализуется с помощью интертекстуальности, которая в романе выражена аллюзиями и цитатами. Например, на протяжении всего романа герои очень часто ссылаются на разных писателей и музыкантов, их произведения.

Еще одно средство художественности – это флешбэки, частое обращение главного героя к моментам из прошлого.

Лексика в романе в основном нейтральная и разговорная, плавно гармонирует с обилием научной (медицинской) лексики. Иногда используется эмоционально-окрашенная лексика, в частности, бранная, чаще всего из уст преступников, для выражения эмоций героев. Например, *What fucking nonsense!* 'Что за гребаная чушь!', *Fuck this* 'Твою мать', *You streak of piss* 'Ах ты сукин сын!' [11].

Научный дискурс в романе реализуется через описание ряда наук, в частности медицины и таких ее областей, как хирургия, нейрохирургия. Сам факт того, что главный герой – врач, погружает читателя с первых страниц в мир медицины, ориентируя на то, что Пероун в разных ситуациях уже будет действовать и размышлять иначе, через призму своих знаний. Также в романе присутствуют упоминания имен ученых, например, Ч. Дарвин и его «Происхождение видов».

Роман насыщен научной медицинской терминологией, в частности, названиями болезней, синдромов, симптомов, частей тела. Наибольшее количество терминов сконцентрировано в эпизодах, где Генри проводит операции. Но термины также разбросаны по всему роману, они присутствуют практически в каждой ситуации, происходящей с героем. Так как роман в большей степени представлен в виде размышлений Пероуна, поток его мыслей зачастую уводит его в совершенно другую сторону. В одно мгновение он может думать о покупке рыбы, а в следующее – он уже размышляет о нервных рецепторах морского существа: *«He turns his gaze away, towards the bloodless white flesh, and eviscerated silver forms with their unaccusing stare, and the deep-sea fish arranged in handy overlapping steaks of innocent pink, like cardboard pages of a baby's first book. Naturally, Perowne the fly-fisherman has seen the recent literature: scores of polymodal nociceptor sites just like ours in the head and neck of rainbow trout. It was once convenient to think biblically, to believe we're surrounded for our benefit by edible automata on land and sea. Now it turns out that even fish feel pain»* ('Он отворачивается и смотрит на прилавок, где бескровно-белая мякоть, и серебристые выпотрошенные тушки, глядящие на прохожих равнодушным глазом, и глубоководные рыбины, нарезанные невинно-розовыми ломтиками, лежат гармошкой, как картонные книжки для малышей. Пероун – нейрохирург, да к тому же рыболов; он, естественно, читал, что в голове и шейном отделе радужной форели обнаружены полимодальные нервные рецепторы, очень похожие на человеческие. Удобно было в прежние времена, следуя Библии, верить, что земля и вода полны съедобных механизмов, созданных для нашего удовольствия. А теперь оказывается, что даже рыбы чувствуют боль') [11].

Научную лексику можно разделить на несколько групп [12]: больничные реалии: *registrar* 'регистратура', *consultant* 'врач-консультант', *operating suite* 'операционная'; диагностика и названия заболеваний: *acute visual field impairment* 'острое ухудшение зрения', *amenorrhea* 'аменорея', *galactorrhea* 'галакторрея'; проведение операции: *cannula* 'канюля', *operating microscope* 'операционный микроскоп', *transsphenoidal hypophysectomy* 'транссфеноидальная гипофизэктомия'; органы и другие элементы нервной системы: *pituitary gland* 'гипофиз', *optic nerves* 'зрительные нервы', *bony base of the pituitary fossa* 'костное основание гипофизной ямки'.

Также к научному дискурсу можно отнести наличие сокращений, например: *CT scan* (computed tomography scan) 'компьютерная томография', *X-ray* 'рентгенограмма', *C-spine* (cervical spine) 'шейный отдел позвоночника'.

Частью научного дискурса можно считать и присутствие терминов на латинском языке, когда Пероун пытается отвлекать Бакстера и зачитывает ему разные данные со своих бумаг: «*The thing is this. The globus pallidus, the pale globe, is a rather beautiful thing, deep in the basal ganglia, one of the oldest parts of the corpus striatum*» ('Globus pallidus – бледный шар. Очень красивый, верно? Он погружен глубоко в базальные ядра. Один из древнейших элементов corpus striatum – полосатого тела') [11].

Исследуемые романы являются яркими примерами гармоничного взаимодействия и взаимоинтеграции научного и художественного дискурсов которые сочетаются и дополняют друг друга благодаря ряду приемов и методов, использованных авторами: чередование научной терминологии с нейтральной и разговорной лексикой для избавления научного дискурса от сухости и сложности; сохранение структуры художественного произведения и таких его характеристик, как образность, средства выразительности, использование тропов и фигур речи, выполнение эстетической функции и эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя; введение псевдо-документальных элементов, ссылок на ученых и их труды; использование лексики на латыни и сокращений, которые смешиваются с нейтральной лексикой и входят в обычные бытовые действия. Несмотря на яркое и четкое присутствие в художественном дискурсе научного, художественный дискурс будет подавлять его и подчинять своим правилам, не снижая, тем не менее, уровень научности. Авторам удастся гармонично сочетать эти два дискурса и выполнять основные задачи художественного произведения – эмоционально воздействовать на читателя, заставлять думать и рефлексировать на серьезные и важные темы, расширять читательский кругозор, делиться новыми знаниями и, конечно, приносить эстетическое удовольствие от чтения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литература и наука // Учебные материалы для студентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://studme.org/67900/literatura/literatura_nauka. – Дата доступа : 05.04.2021.
2. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/>. – Дата доступа : 04.04.2021.
3. Велюго, О. А. Дискурс о дискурсе, дискурс в дискурсе, или что такое дискурс с точки зрения литературоведа / О. А. Велюго // Научная библиотека журналов и статей РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://naukarus.com/diskurs-o-diskurse-diskurs-v-diskurse-ili-chto-takoe-diskurs-s-tochki-zreniya-literaturoveda>. – Дата доступа : 15.03.2021.
4. Зинченко, В. Г. Литература и методы ее изучения. Системный и синергетический подход: учебное пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 280 с.

5. Самарская, Т. Б. Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации художественного текста / Т. Б. Самарская, Е. Г. Мартиросьян [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2012.10.20.pdf>. – Дата доступа: 19.03.2021.
6. Значение словосочетания «научный дискурс» // Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81>. – Дата доступа: 19.03.2021.
7. Ахтаева, Л. А. Научный дискурс как специфическая разновидность дискурсивной деятельности / Л. А. Ахтаева // Молодой ученый. – 2010. – №7. – С. 144–150.
8. Рогачевская, М. С. Научный vs художественный дискурс в романе С. Фолкса «Человеческие следы» / М. С. Рогачевская // Контрастивные исследования языков и культур : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. Науч. конф., Минск, 30–31 окт. 2019 г. / отв. ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2021. – С. 8–12.
9. Faulks, S. Human Traces / S. Faulks [Electronic book]. – L.: Vintage, 2006. – 793 p.
10. Saturday (novel) // Wikipedia [Electronic resource]. – Mode of access : [https://en.wikipedia.org/wiki/Saturday_\(novel\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Saturday_(novel)). – Date of access : 15.12.2020.
11. McEwan, I. Saturday / I. McEwan. – N.Y.: Anchor, 2006. – 304 p.
12. Безбородникова, Е. В. Интердискурсивные включения в романе И. Макьюэна «Суббота» / Е. В. Безбородникова // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnye-vklyucheniya-v-romane-i-makyuena-subbota/viewer>. – Дата доступа : 19.12.2020.

Поступила в редакцию 30.09.2021

УДК 811.111'42

Булыко Анастасия Владимировна
выпускник
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nastassia Bulyka
graduate
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nastia-sa@mail.ru

ДИСКУРС ИГРЫ В РОМАНАХ «ВОЛХВ» ДЖ. ФАУЛЗА И «ДОМ ДОКТОРА ДИ» П. АКРОЙДА

GAME DISCOURSE IN THE NOVELS *THE MAGUS* BY J. FOWLES AND *THE HOUSE OF DOCTOE DEE* BY P. ACKROYD

В статье рассматриваются основные характеристики дискурса игры на примере романов постмодернистских английских писателей: «Волхв» Дж. Фаулза и «Дом Доктора Ди» П. Акройда. Доказательно представлено, что романам присуща категория

игры, реализующаяся на всех уровнях игрового взаимодействия автора и читателя в художественном дискурсе: на уровне композиции, содержания и художественной формы, на уровне связи текста с широким контекстом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *дискурс; игра; Дж. Фаулз; П. Акройд; роман; композиция; экстралингвистический контекст.*

This article discusses the main characteristics of game discourse within two novels – *The Magus* and *The House of Doctor Dee* – by contemporary postmodernist British authors J. Fowles and P. Ackroyd, respectively. The game discourse represents the interplay of different components: communication between the author and the reader, plot structure, the message of the novel, the form of artistic representation and extralinguistic context.

Key words: *discourse; game; J. Fowles; P. Ackroyd; novel; plot structure; extralinguistic context.*

Игра – неотъемлемая часть жизни общества, характерная и для стиля современной жизни: интеллектуальные, компьютерные, азартные игры, телеигры. Категория игры является сферой междисциплинарных исследований, активно изучается философией, культурологией, психологией, антропологией, лингвистикой и другими науками. Она получила теоретическое обоснование у культурологов и философов (Л. Витгенштейн, Й. Хёйзинга, Р. Кайуа, Р. Барт, Ж.-Ф. Лиотар), отечественных литературоведов (Ю. М. Лотман, В. Е. Хализев), лингвистов (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова в работе «Русская разговорная речь», 1983).

Игра является одним из центральных понятий дискурса и философии постмодернизма и имеет непосредственное отношение к тезису Р. Барта о «смерти автора», потерявшего способность контролировать текст, побежденного то ли Письмом, то ли Игрой, которая приняла форму книги [1, с. 386]. Ж.-Ф. Лиотар также создал свою концепцию языковых игр: они представляют соревнование, особую игру, для которой характерно наличие определенных правил [2, с. 277].

В последнее время появился еще один аспект лингвистического анализа игры – дискурсивный. *Дискурс* – сфера междисциплинарных исследований, определяющаяся как коммуникативно-речевой процесс, включающий текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с культурно-историческими, идеологическими, социальными, психологическими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую упорядоченность языковых единиц при воплощении в текст [3, с. 230]. Развитие научной мысли таких ученых, как М. Бахтин, Р. Барт, Цв. Тодоров и, в настоящее время, В. Тюпа, поспособствовало применению теории дискурса в современном литературоведении, где *литература* понимается как дискурс – диалог посредством текста (объекта) между автором (субъектом) и читателем (адресатом), в ходе которого происходит совместное конструирование смысла художественного произведения.

Согласно определению Й. Хёйзинга, *игра* – это «действие, протекающее в определенных рамках места, времени и смысла, в обозримом порядке, по

добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы и необходимости» [4, с. 152]. В своей работе «Homo ludens» Й. Хёйзинга выделил основные характеристики игры: свобода, бесполезность и несерьезность, замкнутость и отграниченность, правила и рамки; наличие замкнутых сообществ посвященных, повторяемость и напряжение [4, с.19].

Лингвисты Е. И. Шейгал и Ю. М. Иванова, основываясь на признаках игры, представленных Й. Хёйзинга, определяют *игровой дискурс* как «специфический вид общения, направленный на получение удовольствия от самого процесса общения и лишенный прямой практической целесообразности (прямо не ведущий к решению насущных проблем). Это общение, протекающее в рамках ограниченного или особым образом структурированного пространства и времени, совершающееся по определенным правилам (сценарию), содержащее в той или иной степени элемент рекурсивности (воспроизводимости). Для игрового общения характерна двуплановость коммуникативного поведения. Оно построено так, что в нем не может произойти ничего опасного, чреватого серьезными последствиями. Тональность общения преимущественно несерьезная» [5, с. 6].

Руководствуясь методом дискурс-анализа макро- и микроструктуры художественного дискурса, интерпретируя художественный текст как диалог, можно выделить некоторые уровни игрового взаимодействия автора и читателя в художественном дискурсе. В качестве диалога рассматриваются: обращенность автора через текст к читателю (игровой элемент по-разному проявляется на уровне композиции, содержания и художественной формы); связь текста с широким контекстом (системой разнообразных экстралингвистических факторов). В. Тюпа говорит о следующей организации художественного текста: это отношения между «субъектом» дискурса (тот, кто порождает высказывание), «адресатом» (для кого высказывание предназначается) и «объектом» (что и как говорится и подразумевается). Тем самым дискурс-анализ актуализирует коммуникативную природу литературы [6, с. 5] как способа духовного общения. И это неоспоримое преимущество данного подхода к интерпретации текстов: необходимо исследовать взаимоотношения между автором, читателем и текстом и на этом основании выявить скрытые смыслы последнего.

На уровне композиции игровой элемент обнаруживает себя в разработке событийного ряда и реализуется при помощи следующих видов сюжета: линейный с экскурсами (экскурсы в прошлое и взгляд в будущее, например, «Волхв» Дж. Фаулза); линейный дискретный (события подаются неравномерно, с разрывом во времени); линейно-параллельный (несколько сюжетных линий, каждая из них линейна, иногда они пересекаются; например, «Ящик для письменных принадлежностей» М. Павича); сюжет с обратной хронологией (разрешение конфликта представлено в самом начале произведения, а в ходе развития сюжета прослеживаются причины и мотивы, объясняющие такое разрешение, (например, «Стрела времени, или Природа преступления» М. Эмиса) [7, с. 205]. Автор выстраивает определенный путь,

по которому должен пройти читатель, и предлагает ему различные стратегии чтения художественного произведения: прямолинейно, оглядываясь назад или возвращаясь к отправной точке, и таким образом погружает читателя в сконструированную сюжетную игру.

На уровне содержания игровой элемент проявляется через тематику произведения и его проблематику, воплощенные в игровых ситуациях, которые, согласно Й. Хёйзинга и Р. Кайуа, можно разделить на три вида:

а) состязание: «...представляет собой борьбу, где искусственно создается равенство шансов, и противники сталкиваются друг с другом в идеальных условиях, обеспечивающих точную и неоспоримую оценку одержанной победы» [8, с. 52]. Комедия У. Шекспира «Два веронца» – яркий пример ситуации любовного соперничества двух друзей;

б) игра судьбы: вид ситуаций, которые «основаны на решении, не зависящем от игрока и никак не подконтрольном ему, то есть в которых требуется переиграть не столько противника, сколько судьбу» [8, с. 54]; Это азартные игры (игра в кости, карты, рулетка) [8, с. 54]. «Непредсказуемость шанса» является отличительной чертой произведений Э. А. По: его главные герои часто играют со смертью, вступая в конфликт с провидением, высшими силами, Богом;

в) подражание: в основе – явление «миметизма», которое заключается в способности человека «стать иллюзорным персонажем и вести себя соответственным образом» [8, с. 57]. Здесь субъект игровой ситуации «думает, убеждает сам себя и других, что он кто-то другой. Он на время забывает, скрывает, отбрасывает свою собственную личность и притворно приобретает чужую» [8, с. 57]. Стремление игрока здесь с одной стороны состоит в том, чтобы не быть узнанным, а с другой – получить наслаждение, удовлетворение от собственного маскарада. Данная ситуация описывается в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад», где он является типичным для светского общества бытовым мероприятием, непосредственно связанным с подражанием. В этом смысле игра воспринимается как распространенная форма общественного развлечения, как праздник или социально узаконенная форма игрового поведения героев в светском обществе.

Анализ контекста – это необходимый элемент дискурс-анализа. Текст создаётся автором (субъектом дискурса) и затем интерпретируется в контексте «общего дискурса» [9], то есть в системе разнообразных экстралингвистических факторов (исторические, социокультурные, психологические факторы; система взглядов, убеждений, мироощущение субъекта и объекта). Контекст присутствует в тексте и в виде отголосков других дискурсов, в виде интертекстуальности (аллюзий, цитат).

Дж. Фаулз и П. Акройд – выдающиеся представители английской постмодернистской литературы, открыто экспериментирующие с жанрами и приемами создания художественного произведения. Романы «Волхв» и «Дом Доктора Ди» занимают особое место в истории развития эпохи постмодернизма и им присуща категория игры.

В романе «Волхв» – линейный сюжет с экскурсами в прошлое, и три его части помогают раскрыть определенные этапы развития и становления героя. Дж. Фаулз реализует постмодернистскую интеллектуальную игру с читателем, отказываясь от роли всеведущего автора и используя вариативность финала, динамичность и загадочность сюжета, тем самым открывая множественные пути интерпретации смысла романа. Прием «лабиринта», который А. Ю. Устинов указывает в качестве «основополагающего элемента композиционной и смысловой структуры произведения» [10, с. 95], использован Дж. Фаулзом для «блуждания внутри» сознания главного героя и постижения истины.

В основе игры в романе «Волхв» лежит ситуация маскарада. Символ маски в романе связан с поиском себя. Маска всегда была идеей обновления и в то же время сокрытия своего истинного «Я» или его потери. В эпоху постмодернизма исчезает грань между понятиями лица и маски, между игрой и реальной действительностью. Игра и театр неразделимы для Фаулза. В романе описывается пространство, своеобразная «сцена», стоя на которой так называемые актеры не видят людей в зале и искусственно имитируют сходство с обычной жизнью.

Роман «Дом Доктора Ди» на уровне макроструктуры художественного дискурса представляет собой линейный параллельный сюжет, так как здесь имеются два плана повествования, которым соответствуют разные временные пласты. Одна из историй связана с прошлым Великобритании и рассказывает о судьбе реальной исторической личности, мага, алхимика, мистика XVI в. Джона Ди (1527–1608). Другая же повествует о событиях, происходящих в современном Лондоне, о жизни нашего современника Мэтью Палмера. Согласно В. В. Струкову, кольцевое построение текста является особенностью данного романа и способствует созданию игрового взаимодействия автора с читателем [11, с. 106]. К примеру, первая глава заканчивается словами Мэтью Палмера: *But for a moment I seemed to see the dark shape of a man soaring upward above Cloak Lane* [12, с. 19]. Следующая глава под названием «Зрелище» («The Spectacle») начинается со слов Джона Ди: *What became of the flying man?* [12, с. 20]. Эта же глава заканчивается словами Джона Ди: *It was a clear night, and the fixed stars were all I needed to light my path to Clerkenwell* [12, с. 38]. Вторая глава, в свою очередь, начинается со слов Мэтью: *I decide to walk through the night* [12, с. 39]. Создается ощущение, что Джон Ди и Мэтью Палмер существуют в одном временном отрезке и вовлечены в одни и те же события. Многие повороты сюжета в романе не просто отражаются друг в друге, они сливаются, заставляя читателя воспринимать прошлое и настоящее во взаимодействии. Следовательно, по замыслу автора, прошлое и настоящее взаимосвязаны, хоть они и выступают в романе как «параллельные миры».

Писатель играет не только со структурой романа, но и с жанрами, используя стратегии исторического, готического, детективного романа, биографического очерка. Но ни один из вышеперечисленных жанров не

развивается в полной степени и не становится ведущим. Жанровые стратегии становятся элементом постмодернистской игры автора с читателем, предлагая разные пути интерпретации смысла не только на уровне сюжета, но и на уровне жанра, от которого эти интерпретации зависят.

На уровне содержания в романе «Волхв» раскрыта тема самости личности, ее свободы, а также проблема смысла жизни человека, его нравственных и моральных ценностей. Для поиска ответов на важные экзистенциальные вопросы автор через своего персонажа Мориса Кончиса создает различные исторические эпохи и моделирует жизненные ситуации с помощью театрального действия, вплетенного в текст романа. Автор расширяет понятие театра, говоря, что каждый живущий на этой планете играет определенную роль. *We are all actors and actresses...* [13, с. 174], – отмечает одна из героинь романа. На что получает следующий ответ: *Of course. On the stage of the world* [13, с. 174].

В романе «Дом Доктора Ди» Акرويد обращается к теме искусства, исторического наследия, самопознания, к теме взаимосвязи прошлого и настоящего, затрагивая проблемы поиска себя, соотношения правды и вымысла. Процесс самопознания представлен сюжетной линией раскрытия секрета отца и дома, погоней Джона Ди за тайными, мистическими знаниями, ради которых он пренебрегает вниманием и доверием своих близких. Процесс познания и самопознания в романе также символически воплощается в образе лабиринта, по которому блуждают и Мэтью Палмер, и Джон Ди, исследуя глубины собственного «Я». Образ театра отображает тезис о трудности различения реального и нереального, действительного и воображаемого.

На уровне художественной формы игровое начало в романе «Волхв» проявляется в использовании художественных средств иносказания, языковых аномалий и аллюзий на греческие мифы (мифы о Тесее, Орфее и Одиссее) и произведения Шекспира («Ромео и Джульетта»). Дж. Фаулз часто использует языковые игры благодаря необычным сочетаниям слов, морфем, значений, создавая новые смыслы, как, например, многочисленные слово-образования с суффиксом *-ness*, который обычно используется для образования абстрактных существительных от прилагательных. Но в качестве основы Фаулз использует не только прилагательные, но и числительные, и наречия. *I noticed the twoness of the tea-table, and stood by the corner, embarrassed, aware of a trite English desire to sneak away* [13, с. 78], – эта мысль пробежала в голове Николаса Эрфе в тот момент, когда он хотел поближе познакомиться с виллой «Бурани». Языковая аномалия *twoness* представляет собой соединение числительного и суффикса *-ness*, помогая автору точно и кратко выразить мысль, что стол на вилле накрыт только для двоих. На уровне синтаксиса используется страдательный залог без указания субъекта действия, например, в сцене предстоящей физической близости Николаса и Лилии в темной комнате. Главный герой думает, что дверь в комнату закрыта, но внезапно в нее врываются две незнакомые фигуры: *The*

door was flung wide open, the light came on, there were two black figures, two tall men in black trousers and shirts [13, с.487]. Страдательный залог без указания субъекта действия виртуально перемещает читателя внутрь комнаты к главному герою, где он, как и Николас, не может понять, кто и каким способом мог бы открыть дверь.

Создание мистико-магического эффекта очарования Греции также является частью игрового дискурса. Греция – олицетворение прекрасного: яркая, страстная, живая. Она трактуется писателем как место инициации главного героя и обретения человеком самого себя. *Phraxos was beautiful. There was no other adjective; it was not just pretty, picturesque, charming – it was simply and effortlessly beautiful. It took my breath away when I first saw it, floating under Venus like a majestic black whale in an amethyst evening sea, and it still takes my breath away when I shut my eyes now and remember it* [13, p. 50] – так автор описывает первые впечатления Николаса об острове. Волшебная и магическая Греция противопоставляется серой, удручающей, спокойной и невзрачной Англии, которая воспринимается Николасом на острове как нечто несуществующее: *The outer world, England, London, became absurdly and sometimes terrifyingly unreal* [13, с. 56]. Он не ощущает своей принадлежности к английскому обществу: *I used to hear the B.B.C. Overseas Service from time to time, but the news broadcasts seemed to come from the moon, and concerned situations and a society I no longer belonged to...* [13, с. 56]. Николас пытается избавиться от своей национальной идентичности, так как она разрушает его индивидуалистскую философию, причисляя его к обществу, которое ему отвратительно. Метафоры, эпитеты и другие тропы участвуют в усилении эффекта мистификации Греции.

Миф об Одиссее является одной из центральных аллюзий в романе. Подобно Одиссею Николас отправляется в странствование, чтобы обрести себя, найти цель в жизни и обнаружить, что именно там находится цель его скитаний – женщина, к которой он стремится. Лилия Монтгомери примеряет на себя роль Цирцеи: *...she had to take on – and so rapidly – the Circe role* [13, с. 564]. Герой, однако, путешествует не по морям и странам, а по собственному подсознанию с целью обретения своего истинного «Я».

На уровне микроструктуры художественного дискурса игровое начало в романе «Дом доктора Ди» представлено метафорами, символическими образами (образ дома, образ гомункулуса, образ города) и особым употреблением некоторых языковых единиц. Стоит отметить особый идиолект автора: сочетание современного английского языка и изобилия латинских терминов (*mirabilia, anno, spiritus mundi, harmonia mundi*), которыми наполнена речь Джона Ди. В диалогах он часто использует латинское слово *anno* в сочетании с историческими датами. *Anno* является частью словосочетания *anno Domini*, или ‘от лета Господня’, ‘христианской эры’, ‘нашей эры’ [14]. Джон Ди считает себя сущностью, которая скоро должна стать равной Богу, поэтому акцент на слове *anno* скорее всего подразумевает скрытое значение в смысле ‘нашей эры’ – то есть не просто эры Христа, но и доктора Ди.

В романе наблюдается игра слов, например, оппозиция «Dog–God». В главе «Больница» («The Hospital») отец Джона Ди дает сыну наказ: *Love my dog* [12, с.106] – на что получает ответ: *Do you love dog or god?* [12, с. 106]. Джона Ди также обзывают «Doctor Dog», что символизирует неделимость и реверсивность светлого и темного начала в человеке, зла и добра. Символически собака является священным животным, но, с другой стороны, она часто олицетворяет зло.

Несомненно, один из заглавных метафорических образов в романе – дом в Кларкенуэлле, хозяином которого являлся Джон Ди. Дом – это портал, позволяющий обратиться к предшествующим эпохам. Его назначение – рассказать всю правду хозяину. Населяющие дом духи прошлого подкладывают Мэтью документы его отца, старые бумаги, его посещают видения, он слышит голоса за стеной – разговоры Джона Ди и его помощника. Дом как полноценный герой помогает познать истину.

Осознание себя Богом-творцом, создавшим гомункулуса, является тайной сутью доктора Джона Ди: *I have beside me a glass vessel prepared and waiting for my little man* [12, с. 78]. «Человечек» (*little man*), или гомункулус на языке алхимиков, будучи сотворенным другим человеком, не принадлежит самому себе и повторяет судьбу своего создателя. Образ гомункулуса в романе связывает прошлое и современность. Мэтью Палмер – гомункулус, творение Джона Ди, срок жизни которого – тридцать лет. Повествование обрывается незадолго до дня рождения Мэтью, и читателю остается лишь гадать о том, что могло бы произойти дальше по версии П. Акройда.

Учитывая экстралингвистический контекст художественного дискурса, стоит отметить, что в романе «Волхв» Фаулз делает опору не только на автобиографическую основу романа и собственные философские взгляды и убеждения, но и встраивает в повествование разные виды дискурса (дискурс экзистенциализма, психоанализа), повышая эстетическую и культурную значимость художественного текста. Так, психологический эксперимент в романе поставлен над Николасом. Как обнаружил З. Фрейд, травматические события, аффективные переживания, неисполнившиеся желания не исчезают из психики, а подвергаются вытеснению – активному удалению из сознания в сферу бессознательного, где продолжают активно воздействовать на психическую жизнь, проявляясь часто в замаскированной форме в виде невротических симптомов [15, с. 259]. Именно такое толкование дано поведению главного героя.

П. Акройду свойственно прекрасное знание художественных стилей других эпох, широкое знакомство как с историей Великобритании, так и историей литературы, архитектуры, с различными философскими учениями. Интерес к истории как специфика английской литературы в целом связан с особенностями британского менталитета, отмечает С. Г. Тер-Минасова [16, с. 206]. Так, одним из главных героев романа «Дом Доктора Ди» является достаточно известная и противоречивая личность в истории Великобритании – Джон Ди (1527–1608), знаменитый

ученый, алхимик, каббалист, астролог и астроном, математик и механик, географ, архитектор. С помощью этого образа Акройд отражает атмосферу XVI в., что придает повествованию некоторую иллюзию достоверности. В то же время реализуется игра автора с читателем, основываясь на постмодернистском представлении о «знании», к которому нужно относиться с должным скептицизмом и без догматической веры. Акройд изначально ориентирует читателя на то, что Джон Ди – это художественный персонаж, в то же время реконструируя его жизнь как реальной исторической фигуры, изображая его реинкарнацию в образе нашего современника.

Согласно ведущим постулатам постмодернизма, художественный дискурс предполагает опору на предшествующие тексты (интертекстуальность). Так Акройд создает иллюзию достоверности повествования и погружает читателя в дискурс эпохи Возрождения, выбирая в качестве основы реальные философские труды и работы исследователей. К примеру, в главе «The Library» автор следует принципу исследователя Питера Френча: библиотека Джона Ди способна лучше всего отразить его взгляды и мировоззрение. Акройд отбирает значимые книги для заглавного персонажа романа, которые действительно были частью его личной библиотеки и свидетельствуют о неподдельном интересе ученого к магии и алхимии: *Reuchlin his De verbo mirifico and De arte cabalistica, Brunswick's Book of Distillation... De occulta philosophia, De incantationibus by Pomponazzi, the Corpus Hermeticum collected by Turnebus* [12, с. 64].

В заключение отметим, что в отличие от Дж. Фаулза, П. Акройд реализует игровые аспекты романа «Дом Доктора Ди» на композиционном уровне более выражено, не прячет игру за избытком метафор и языковых аномалий. Оба писателя играют с жанрами, используя стратегии исторического, готического, детективного, психоаналитического, детективного романа и биографического очерка. Дж. Фаулз включает в свою игру с читателем театрализацию античности и Второй мировой войны. П. Акройд посредством игрового дискурса обращает внимание читателей на широкий круг исторически значимых личностей и событий, также затрагивая экзистенциально важные темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
3. Чернявская, В. Е. От анализа текста к анализу дискурса / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр. ; Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань, 2002 – С. 230–232.
4. Хёйзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий / Й. Хёйзинга. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 400 с.

5. Шейгал, Е. И. Игровой дискурс: Игра как коммуникативное событие / Е. И. Шейгал, Ю. М. Иванова // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. – 2008. – Т. 67. – № 1. – С. 3–20.
6. Тюпа, В. И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы) / В. И. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 80 с.
7. Поспелов, Г. Н. Введение в литературоведение. – М.: Высш. шк., 1988. – 528 с.
8. Кайуа, Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Р. Кайуа. – М.: ОГИ, 2007. – 304 с.
9. Ерофеева, Е. В. К вопросу о соотношении понятий ТЕКСТ и ДИСКУРС / Е. В. Ерофеева, А. Н. Кудлаева // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Т. И. Ерофеева; Перм. ун-т. – Пермь, 2003. – Вып. 3. – С. 28–36.
10. Устинов, А. Ю. Лабиринтизм «В лабиринте» А. Роб-Грийе / А. Ю. Устинов // Научная мысль Кавказа. – № 3. – С. 94–100.
11. Струков, В. В. Художественное своеобразие романов Питера Акройда: (к пробл. британ. постмодернизма) / В. В. Струков. – Воронеж: Полиграф, 2000. – 182 с.
12. Ackroyd, P. The House of Doctor Dee / P. Ackroyd. – L.: Penguin Books, 1993. – 277 p.
13. Fowles, J. The Magus. – London: Vintage, 2004. – 656 p.
14. Merriam-Webster Dictionary [Electronic Resource]: Anno. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/anno>. – Date of access: 13.03.2021.
15. Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции / З. Фрейд; [пер. с нем. Г. В. Барышниковой]. – Москва: Эксмо, 2020. – 416 с.
16. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2008. – 334 с.

Поступила в редакцию 04.10.2021

УДК 82.0:821.161.3.09-14

Садко Людміла Міхайлаўна

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дактарант Цэнтра даследаванняў
беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
Мінск, Беларусь

Lyudmila Sadko

PhD in Philology, Associate Professor,
Doctoral Student
Research Centre of Belarusian Culture,
Language and Literature of the National
Academy of Sciences
Minsk, Belarus
konovod1@yandex.ru

ПОЛІСІСТЭМНЫ ХАРАКТАР РАННЯЙ ЛІРЫКІ М. ТАНКА

POLYSYSTEMIC CHARACTER OF M. TANK'S EARLY LYRICS

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці ранніх вершаў М. Танка зборніка «На этапах» з пазіцый тэорыі і практыкі полісістэмнага падыходу. Зроблены высновы аб полісістэмным, поліпарадыгмальным характары аўтарскай манеры паэта, адзначаны рысы

складанага і арганічнага адзінства розных эстэтычных і паэтычных сістэм і кірункаў, як уласна беларускіх, так і сусветных, як традыцыйных, так і наватарскіх. Прааналізаваны разнастайныя рэпертуарныя мадэлі, пачынаючы ад фальклорна-міфалагічных, рамантычных, да «перадзвіжніцкіх», авангардысцкіх і сацрэалістычных.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *полісістэма; рэпертуарная мадэль; М. Танк; рамантызм; «перадзвіжнікі»; фальклорна-міфалагічныя вобразы; авангардызм; сацыялістычны рэалізм.*

The article examines the features of M. Tank's early poems in the collection *At the Stages* from the standpoint of the theory and practice of the polysystemic approach. Conclusions are made about the polysystemic, polyparadigmatic nature of the poet's manner, the features of a complex and organic unity of various aesthetic and poetic systems and trends are noted, both Belarusian and global, traditional and innovative. Various repertory models are analysed, ranging from folklore/mythological and romantic to «itinerant», avant-garde and those of socialist realism.

Key words: *polysystem; repertory model; M. Tank; romanticism; «itinerants»; folklore and mythological images; avant-garde; socialist realism.*

У цэнтр грамадска-культурнага жыцця 1930-х гг. ва Усходняй і Заходняй Беларусі трапляюць ідэі разбурэння духоўных каштоўнасцей і нацыянальных традыцый. Ва Усходняй частцы ў гэты перыяд пануюць рэпертурэмы будаўніцтва новага жыцця, сацыялістычнага рэалізму, класавай барацьбы – «уладу набірала арыентацыя, бадай, выключна на ўслаўленне, на ідылічнасць, на тэматычна аднабокi паказ дзяжурнай бадзёрасці, радасці» [1, с. 63]; у Заходняй – палітыка антыбеларусізацыі, разбурэння пераемнасці нацыянальных літаратурных і культурных традыцый.

Цэлы шэраг айчынных аўтарытэтных даследчыкаў у розныя гады звяртаецца да вывучэння мастацкага феномена М. Танка, аднаго з самых яркіх прадстаўнікоў нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі, асэнсавання танкаўскай творчай індывідуальнасці, полісістэмнай эстэтычнай і паэтычнай арганізацыі твораў паэта. У. Калеснік, Дз. Бугаёў, М. Арочка, В. Рагойша, А. Верабей, М. Мікуліч адзінагалосна падкрэсліваюць, што мастацкая адметнасць лірыкі М. Танка сфарміравалася на скрыжаванні глыбокага разумення народнага жыцця, нацыянальна-патрыятычных ідэалаў, заангажаванасці самымі вострымі праблемамі сацыя-палітычнага жыцця Заходняй Беларусі і «багатага мацерыка еўрапейскай цывілізацыі і культуры, аб чым маглі толькі марыць пісьменнікі па гэты бок рыжскай мяжы» [2, с. 13].

М. Арочка, даследуючы раннюю творчасць паэта «на пераломе жалеза і песні», задае слушнае пытанне: «Ці можна арганічна з'яднаць, зліць гэту паэзію шурпатах далоняў, незагойных ран, стогнаў у катойнях з паэзіяй тонкіх адчуванняў, красы, ды так, каб яны ўзаемапранікліся паміж сабой на ўнутраных асновах» [3, с. 63]. Неабходна адзначыць, што даследчык акцэнтуюе ўвагу на рысах «з'яднання», «зліцця», «узаемапранікнення» розных пачаткаў і сістэм сацыя-культурнага характару ў мастацкай спадчыне гэтага аўтара. Дз. Бугаёў указвае, што паэт рашуча выступаў супраць простага капіравання народнай творчасці, запазычання з яе рэпертуарных мадэляў: «ён умеў творча пераўвасобіць народныя здабыткі, паставіць іх на службу

актуальным паэтычным задачам свайго часу» [4, с. 34]. У. В. Гніламёдаў асабліва выдзяляе ў творчым лёсе М. Танка «ўдзел у рэалізацыі надзвычай зманлівага праекта – прымірыць і зрабіць сябрамі дзве супрацьлегласці – жыццё і рэвалюцыю, паэзію і камунізм» [5, с. 129].

Дакладна вызначае канвергентнасць, узаемадзеянне розных мастацкіх сістэм у творчасці М. Танка і В. П. Рагойша, падкрэсліваючы, што «нельга не ўлічваць пэўнага ўплыву на раннюю творчасць М. Танка як савецкай (Маякоўскі, Ясенін, маладнякоўцы), так і польскай паэзіі, у тым ліку фармалістычнай» [6, с. 18]. Даследчык выказвае таксама цікавыя назіранні пра асаблівасці танкаўскага вобразнага мыслення, у якім «добра развіты мастацкі слых і зрок» [6, с. 49]. Бясспрэчна, узаемаўплывы розных родаў мастацкіх сістэм – літаратуры, жывапісу, музыкі – значна ўзбагачаюць выяўленчую палітру аўтара, дазваляюць гаварыць пра адметныя і арыгінальныя прыёмы пісьма. Сродкі мастацтваў нахталт музыкі праяўляюць сябе, разгортваюцца ў часе, а магчымасці жывапісна-выяўленчых рамёстваў трансліруюцца ў прасторы. Пра талент мастакоў слова, у чых творах выразна праяўляюць сябе магчымасці і прасторавых, і часавых мастацтваў, варта гаварыць як пра асаблівую, сінтэтычную манеру, арыгінальны стыль.

А. Л. Верабей, даследуючы ўзаемасувязі творчасці беларускага класіка і польскай літаратуры, пераканаўча даводзіць, што танкаўская творчая індывідуальнасць склалася на перакрываванні цэлага шэрагу розных мастацкіх з’яў: «На характар і ступень засваення М. Танкам традыцый рамантычнай паэзіі (рускай, польскай, украінскай) уплывалі таксама асаблівасці яго таленту (паэта-рэаліста і адначасова паэта-рамантыка), умовы, у якіх развівалася заходнебеларуская літаратура, а таксама агульныя тэндэнцыі развіцця еўрапейскай паэзіі ў 1920–1930-я гады. У асобных вершах пачатку 1930-х гадоў выяўлялася знешняе засваенне маладым паэтам розных традыцый: “старой” рамантычнай і “новай” пралетарскай паэзіі» [7, с. 106]. Я. Чыквін дадае: «Нічога дзіўнага, што ён (М. Танк. – Л. С.), вырастаючы як паэт на стыку трох культур, будзе адчуваць патрэбу, як некалі Максім Багдановіч, узбагачаць беларускую культуру высокімі набыткамі рускай і польскай класікі» [8, с. 100]. Г. К. Тычко падкрэслівае, што эстэтыка-літаратурныя погляды М. Танка сінтэзаваліся на аснове творчай трансфармацыі літаратурных традыцый, вопыту Я. Купалы, А. Міцкевіча, Т. Шаўчэнкі, іншых майстроў слова і здабыткаў неканвенцыйнай, эксперыментальнай паэзіі: «Плённа наследуючы класічныя традыцыі, малады паэт быў захоплены ідэяй наватарскага пошуку» [9, с. 109].

У ранняй лірыцы М. Танка выразна праяўляюць сябе авангардысцкія тэндэнцыі. Размова вядзецца пра асаблівую ролю мастака і мастацтва ў сучасным грамадстве. Яшчэ ў першай палове XIX ст. сенсіманісты і фур’ерысты, прыхільнікі сацыяльнага ўтапізму, прызнавалі за мастаком значную грамадскую ролю, бачылі яго місію ў выяўленні вялікіх ідэй свайго часу, прамым садзейнічанні мэтам грамадскага пераўтварэння. У сацыякультурных умовах Заходняй Беларусі і абставінах нацыянальна-вызва-

ленчага руху творы М. Танка бяруць на сябе функцыю служэння сацыяльнаму ідэалу свабоды Бацькаўшчыны. Авангардызм у мастацтве з эстэтычнай праграмай абнаўлення свету, разбурэння старых законаў і нормаў, пошукамі новых, незвычайных сродкаў выяўлення формы і зместу твораў стаў паслядоўным адлюстраваннем філасофскіх дактрын сацыяльных утапістаў.

У полісістэме беларускай літаратуры і мастацтва рысы авангардызму адзначаюцца ў творах цэлага шэрагу аўтараў – Я. Купалы, Зм. Бядулі, А. Александровіча, М. Чарота, А. Дудара, Я. Пушчы, У. Жылкі, У. Дубоўкі і многіх іншых. М. Танк, увайшоўшы ў літаратурны працэс 1930-х гг., таксама адлюстраваў у ранніх вершах дыяпазон самых рознанакіраваных авангардысцкіх рэпертурэм, тэматыкі і стылістыкі сацыялістычнага рэалізму, што якраз пачаў сваё фарміраванне ў савецкай літаратуры.

Узаемадачынненні авангардызму і сацрэалізму ў танкаўскай лірыцы грунтуецца на агульнай мэце гэтых мастацкіх з’яў – жаданні радыкальнай перабудовы свету на новых падставах, на магутным крытычным патэнцыяле, сацыяльным пратэсце, «создании нового мира с помощью организационных и технических методов социалистического строительства, в котором художник соединяет творчество и утилитаризм» [10, с. 45]. Акрамя таго, прадстаўнікі гэтых накірункаў вялікую ўвагу надаюць распрацоўцы такога аспекту мастацкага твора, як прагматыка, што фіксуе «отношения между текстом и субъектами текстовой деятельности (т.е. адресантом-автором и адресатом-читателем)» [11, с. 623]. Пры такім падыходзе мастацтва аказваецца сродкам выхавання, на думку М. Шапіра, «главным становится действенность искусства – оно призвано поразить, растормошить, взбудоражить, вызвать активную реакцию у человека со стороны» [12, с. 137].

У сваю чаргу сацрэалізм аднаўляе рысы творчай манеры знакамітых мастакоў-перадзвіжнікаў, што выкрывалі самыя вострыя праблемы грамадства – класавую няроўнасць, беднасць, сацыяльную несправядлівасць. Творам перадзвіжнікаў уласцівы падкрэсленая ўвага да лёсу простага чалавека, драматычнае выяўленне яго як пакутніка ад непасільнай працы, адлюстраванне невырашальных супярэчнасцей жыцця беднаты. Рэпертурэмы класавасці і палітычнай ангажаванасці знайшлі адбітак у лірыцы М. Танка 1930-х гадоў. Безумоўна, большасць вершаў прысвечана характэрнай тэме змагання, бунтарства, падполля, кратаў і чакання «*бітвы*», «*агню*», «*іскры*», «*зары*» з Усходу. Жыццё селяніна і рабочага намалявана паэтам як экзістэнцыяльная трагедыя, зневажанне і здзек нечалавечымі ўмовамі жыцця: «*Апухла галодная печ, / Ногі стала рахітычна аселі, / Нож заіржавеў / Ад бясконцай бясхлебiцы*» («Адозва», 1931) [13, с. 27]. Праз мастацкую дэталі расказвае паэт і пра акалічнасці жыцця на Усходніх Крэсах, у несвабодзе, у абцугах чужой улады: «*На суботы, нядзелі, / На сёлы, гарады / Наморднікі надзелі, / Каб не крычалі з бяды*» [13, с. 27].

У вершах зборніка «На этапах» (1936) М. Танка наогул знікае станоўчы вобраз дома як мікрасвету, гарманізаванага адзінства зямнога і ўзвышанага, што характэрна і для авангардысцкіх канцэпцый разрыву, перагляду, жыцця

ў віхуры супярэчнасцей і зломаў, і для метаду сацыялістычнага рэалізму, дзе дэкларавалася мастацтва ў формах жыцця, прынцыповае адмаўленне ад эстэтычных адносін да рэчаіснасці. Калі ў вершах М. Танка і з'яўляецца вобраз хаты, чалавечага жылля, то малюецца ён змрочнымі фарбамі: «*дзіравыя капялюшы стрэх*» («На касагоры»), «*саламяныя стрэхі, запалыя зрубы*» («Пацыфікацыя»), «*дзіравая карэлая пасцель*» («У падзямеллі»), «*батрацкія сялібы*» («Песня»), «*пакой, як скрыня, з глухім акном*» («Сerp сонца»), «*хата-сіраціна*» («За песні і сасонкі...»), «*хаціна згорбленая, сырая*» («Песня кулікоў»), «*шэрыя хаты*», «*счарнелыя бэлькі*», «*у шчэрбінах печы клапы*» («Шэрыя хаты, платы і вароты...»). У пейзажных вершах першага зборніка знікае адчуванне адзінства чалавека і прыроды, якая малюецца часцей як халодны і варожы, паглынаючы пачатак: «*сцежкі, парослыя цярнем, глухія*» («Песня»), «*замець праклятая*» («Грукаючы ў дзверы»), «*чорны, мокры вецер*» («Вагон калыша. Позні вечар...»), «*дыміць над выгарамі і над палямі туман*» («Нарач, як мора, шуміць...»), «*вечар пахмурны, чорны*» («У непагоду»), «*дождж густы, сцюдзёны сыпле*», «*перадрогшыя асіны*» («Над Прыпяццю»). Верш-партрэт лірычнага героя ўзнаўляе вобраз змагара, пакутніка, ахвярна адданага ідэі вызвалення. У такога героя «*дзіравыя сярмягі, кашулі*», «*нахмураныя бровы*», «*галоудныя зрэнкі*» («Пацыфікацыя»), ён сам «*стары палітзак*» («Нарач, як мора, шуміць...»), што мае «*толькі кашаль і думы*» («У вагоне»), «*кашаль і сухоты*», ён «*родам з Палесся... год 20...*», «*твар высахшы і змрочны*» («Да дня»), яго «*брат закуты*», а «*рукі мазольныя*» («Не забывай»). Метафарычны партрэт такога героя створаны ў вершы з характэрнай назвай «*Я – у кожным пажары...*» (1935):

*Я – ў кожным пажары,
Я – полымя брат,
Я – ў кожным удары
Жалезных лапат.*

*Я – ў чорных загонах,
У скібах цяжкіх,
У кос перазвоне
Між ніў залатых.*

*Я – ў скаргах, я – ў сьлёзах
І сірат і ўдоў,
Я – ў шуме бярозаў,
У гуле вятроў.*

*І што ўсе нягоды
Суровыя мне,
Драты, перашкоды
І краты ў вакне! [13, с. 46].*

У тэксце з чарады самавызначэнняў лірычнага героя паўстае, на першы погляд, рамантычны звышчалавек, выключны ў сваіх праявах. Вытокі такой канцэпцыі героя – у ідэі барацьбы, звязанай з вызваленнем, прадчуваннем свабоды. Але ў вершы здымаецца прынцыповае для мастацтва рамантызму супрацьстаянне героя і свету, знікае тэма адчужанасці, адзіноты – у пэўным сэнсе канфлікт можа быць вырашаны станоўча, без трагічнага вырашэння сітуацыі. Абавязковы сюжэтны паварот расчаравання ў людзях, комплекс трансцэндэнтальнага героя, «лішняга чалавека» не мае дачынення да персанажа верша «Я – у кожным пажары...», які выяўляе супольнасць з народам, яго духоўнымі сіламі. З другога боку, такі персанаж блізкі фальклорнай

паэтыцы, якая выключае прысутнасць індывідуальнага асобаснага пачатку і звязаных з ім супярэчнасцей. Праблема «“интеллигенции” и “народа” как коллективных субъектов с разными ментальностями, как носителей различных систем ценностей», па вызначэнні В. Цюпа [14, с. 11], не мае ніякага дачынення да танкаўскага героя – непадзельнай часткі лёсу Бацькаўшчыны і яе народа. Як адзначае М. Мікуліч, «М. Танк стварыў вобраз маладога падпольшчыка-рэвалюцыянера, прыгожага сваёй высакароднай ахвярнасцю змагага за інтарэсы народа, шырокай працоўнай грамады [15, с. 21–22].

У вершы «Я – у кожным пажары...» разбураецца звыклы хранатоп тэкстаў рамантызму, пабудаваны ці на геаграфічнай экзотыцы, ці на вертыкальных незвычайнасцях – іншых вымярэннях, боскіх ці д’ябальскіх існасцях. Пры гэтым адзначаецца дывергентнасць героя – ён і напружана эмацыянальны, чулівы, і «сацыяльна арыентаваны», мужны, і трагічна гатовы на самаахвярнасць, і аптымістычна спадзяецца на лепшае. Твор напоўнены пафасам сцвярджэння, у ім гучыць адмаўленне пачварнага: усе цяжкасці, «*драты, перашкоды і краты*», як абвяшчае герой, лёгка пераадольваюцца; нават назіраецца паэтызацыя рэчаіснасці, дзе побач са «*скаргамі*» і «*слязьмі*» ёсць месца «*шуму бяроз*» і «*залатым нівам*». Згадка пра «краты ў вакне» дадае неабходнай дакументальнасці, дазваляе праз дэталі спасцігнуць цэлае.

У полісістэме ранняй танкаўскай лірыкі асаблівае месца займаюць рэпертуарныя мадэлі вуснай народнай творчасці. У намінацыйнай і лапідарнай форме гэтую ж думку выказвае і М. Арочка: «Фальклор – Купала – сусветная паэзія» [3, с. 81], адзначаючы складаную сінтэзаваную прыроду мастацкага пісьма М. Танка. У абставінах нацыянальнага ўціску, забароны любых сацыяльных інстытуцый на беларускай мове (адукацыя, сродкі масавай інфармацыі, кнігадрукаванне і інш.) у Заходняй Беларусі фальклор меў выключнае значэнне, быў непадкантрольнай формай духоўнага жыцця, функцыянавання і развіцця роднай мовы, своеасаблівым андэграўндам.

Звяртае на сябе ўвагу пашыранасць у першым зборніку М. Танка тэмы смерці. У традыцыйнай культуры гэты феномен шматбакова асэнсоўваецца, страх перад смерцю пераадольваецца гарманічным адчуваннем натуральнага прыроднага кругазвароту, што асабліва актуальна пры сельскагаспадарчым ладзе жыцця. У ранніх вершах М. Танка шматразова з’яўляецца цэлы корпус звыклых мартальных вобразаў: хвароба і голад героя, холад і змрочнасць прыроды, вечар і цемра. У танкаўскіх вершах набывае распаўсюджанасць амбівалентная сімволіка дарогі як падарожжа жыцця і шляху на той свет. Безумоўна, ужо ў назве зборніка «На этапах» зададзены ідэйна-тэматычныя дамінанты твораў: у 50-ці тэкстах (77 – агульная колькасць вершаў) сустракаюцца лексемы, звязаныя з семантыкай дарогі: «*дарога*» (20 разоў), «*шлях*» (8 разоў), «*этап*» у значэнні шляху зняволеных (6 разоў), «*каляіна*» (5 разоў), «*сцежка*» (5 разоў), а таксама па некалькі разоў словы «*брук*», «*пуцявіна*», «*завулкі*», «*вуліцы*» і іншыя, што карэлююцца з ідэяй перамяшчэння і руху («*след*», «*крокі*», «*ісці*», «*калёсы*» і г. д.). Часцей за ўсё гэтыя дарогі цяжкія

і складаныя – «сцежкі, парослыя цернем, глухія» (верш «Песня»), «дарога гразкая / І калёсы западаюць да ступіц» (верш «Едуць цыганы...»), «галосіць вецер там між пуцявін дарожных» (верш «Санет»), «каляіны этапных дарог» (верш «Жнівом»). Але абсалютная большасць вершаў мае фальклорную перспектыву пераходу ад мартальнага да вітальнага: цемру пераразаюць «усходы», «зоры», «іскры» і «маланкі».

Так, у вершы «Ціха, так ціха – ні ветру, ні шуму...» (1935) [13, с. 71] М. Танка намалявана царства смерці з усімі традыцыйнымі атрыбутамі: зімы як смерці прыроды, ночы як смерці дня, паралізаванасці гукаў, колераў, знясіленасці чалавека, неўміручасці сасны як вартаўніка між светам жыцця і светам смерці. Але такі цяжкі шлях, калі ісці няспынна, абавязкова прывядзе да лепшага:

<i>Ціха, так ціха – ні ветру, ні шуму...</i>	<i>Ледзь пуцяводныя зоры відаць.</i>
<i>Быццам лес белую думае думу.</i>	<i>Думак бязследна плыве чарада.</i>
<i>Не зашуміць, не засвішча віхор,</i>	<i>Цяжка ісці, прыстаюць ужо ногі, –</i>
<i>Не шалахнецца заснежаны бор.</i>	<i>Толькі мне нельга спачыць ля дарогі,</i>
<i>Цягнецца белы мой след адзінокі,</i>	<i>Нельга спыніцца ў дрымотным бары...</i>
<i>Цягнецца ў гурбах між сосен высокіх.</i>	<i>Трэба няспынна ісці да зары!</i>

Арыштанцкія этапы ў вершах першага зборніка М. Танка ператвараюцца ў татальны сімвал заходнебеларускага жыцця, паэт распавядае пра пякельнае існаванне народа без свабоды, закутага, бы вязень, але выказвае рашучае спадзяванне на заўтрашні дзень, напрыклад, у вершы «Над Прыпяццю» (1936):

<i>Меле гром над полем хмары,</i>	<i>– Што, этап яшчэ далёка?.. –</i>
<i>Дождж густы, сьцюдзёны сыпле</i>	<i>Не прыстаць, не прыпыніцца.</i>
<i>На палескія імшары</i>	<i>Толькі чуецца навокал</i>
<i>І на Прыпяць.</i>	<i>Навальніца.</i>
<i>Ды шумяць каля дарогі</i>	<i>Мы ідзем у час найгоршы</i>
<i>Перадрогшыя асіны.</i>	<i>Светлай волі на спатканьне!</i>
<i>Гразнуць змораныя ногі</i>	<i>Гэта ўжо этап апошні, –</i>
<i>Ў каляінах...</i>	<i>Заўтра ўстанем! [13, с. 93].</i>

Нават вершы-апяванні роднай прыроды, насычаныя вобразамі, звязанымі з архетыпічным матывам дарогі як скразнога, бясконцага руху, зменлівасці, быцця «на пераломе», «напярэдадні», становяцца сімвалічнай дамінантай, адлюстраваннем нацыянальнага разумення прасторы. У вершах М. Танка зборніка «На этапах» пейзажнага характару заўсёды прадстаўлены і вертыкальны, і гарызантальны рух. Вертыкальнае вымярэнне прасторы ў танкаўскіх вершах звязана з архаіка-фальклорнымі ўяўленнямі пра будову сусвету («зямля–неба», «прафаннае–сакральнае»), гарызантальнае арганізавана праз азначэнне вандравання па канкрэтных топасах (лес, поле, дарога):

*Вецер кудлаты на нівах калосьсе гайдае,
Стужкай дарога з-над мокрых калёс выбягае
Там, дзе бярозы плакучае зьвесілі вецьце,
Там, дзе адны толькі хмары, і месяц, і вецер.*

Іду па шляху пясчаным, няроўным.

Кій і торба песень вандроўных,

І ад астрога і да астрога плятусь –

Беларусь ты мая, Беларусь! («На шляху дзікіх гусей», 1936) [13, с. 99].

Паводле А. Бельскага, «карціна прыроды, адмецінай якой з’яўляюцца незвычайная экспрэсіўнасць вобразнага мыслення, павышаная эмацыянальнасць, суб’ектыўна-псіхалагічная заглыбленасць пачуцця» [16, с. 19] можа быць аднесена да рамантычнага пейзажу. Рэпертурэмы рамантызму – кантраснасць вобразаў, маштабнасць і панарамнасць падзей, «прага гармоніі», «увасабленне нечага ідэальнага, прыгожага, душэўна блізкага і сугучнага чалавечай душы» [16, с. 19] праяўляюць сябе ў вершы «На шляху дзікіх гусей» нароўні з фальклорна-міфалагічнымі. Кожнае двухрадковае пабудавана на кантрасных вобразах-апазіцыях матэрыяльнага і ідэальнага, цёмнага і светлага: *вецер – нівы – стужка дарогі; бярозы – хмары, і месяц, і вецер; сны – цені – падарожныя бярозы; шлях – кій – торба – вандроўныя песні*. Асабліваю заостранасць набываюць апошнія радкі, дзе праз канкрэтныя локусы абвясчаецца, адкуль і куды ідзе вандроўны: «*ад астрога да астрога*». У гэтым вершы ўжо ў назве актуалізуецца семантыка дарогі, перамяшчэння па метафарычным шляху птушак, што ляцяць па сваіх, толькі ім зразумелых маршрутах, але заўсёды вяртаюцца дадому. Дом, радзіма, родны кут, Беларусь – міфалагічны Цэнтр Сусвету, па якім так сумуе лірычны герой, шукаючы яго па ўсіх дарогах, пакутуючы па астрагах.

Гэтыя шляхі-дарогі М. Танка бясконцыя не толькі ў фізічным сэнсе, але і ў метафарычным – як Быццё. У М. Танка яны і сімвал барацьбы («*брук грыміць ад грукату баёў*»), і сімвал радзімы («*над прасёлачнай дарогай, над маёю вёскай*»), і сімвал прызначэння («*мы яшчэ ўсіх шляхоў не апелі*»), і сімвал лёсу змагароў («*па мядзельскім тракту бясконцы этап наш брыдзе*»), і сімвал жыцця ў няволі («*сцежкі, парослыя цярнем, глухія*»), і, што самае галоўнае, – сімвал часу, гісторыі Бацькаўшчыны, што складаецца з лёсаў людзей, што прабівалі гэты шлях, безупынна ішлі цяжкай пуцінай да незалежнай краіны.

Такім чынам, полісістэма вершаў першага зборніка «На этапах» М. Танка складаецца з рэпертурэм фальклорна-міфалагічнага характару, рамантызму, рыс мастацтва «перадзвіжніцтва», а таксама рэпертуарных мадэляў авангардызму ў яго розных праявах – ад эстэтыкі сацыялістычнага рэалізму да эксперыментальнай паэтыкі вершаскладання.

ЛІТАРАТУРА

1. Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей: у 4 кн. / І. С. Шпакоўскі [і інш]; рэд. : В. А. Каваленка, І. Я. Навуменка ; Акадэмія навук Беларусі. – Мінск : Нав. і тэхн., 1994. – Кн. 3: 1917–1941 гг. – 399 с.
2. Мікуліч, М. У. Максім Танк. Талент, заручаны з небам / М. У. Мікуліч. – Мінск : Літ. і маст., 2012. – 336 с.

3. *Арочка, М. М.* Максім Танк: Жыццё ў паэзіі / М. М. Арочка. – Мінск : Нав. і тэхн., 1984. – 272 с.
4. *Бугаёў, Дз. Я.* Паэзія Макіма Танка / Дз. Я. Бугаёў. – Мінск : Бел. навука, 2003. – 311 с.
5. *Гніламёдаў, У. В.* Ад даўніны да сучаснасці: Нарыс пра беларускую паэзію / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2001. – 246 с.
6. *Рагойша, В. П.* Паэтыка Максіма Танка / В. П. Рагойша. – Мінск : Выд-ва БДУ імя У. І. Леніна, 1968. – 227 с.
7. *Верабей, А. Л.* Максім Танк і польская літаратура / А. Л. Верабей. – Мінск : Нав і тэхн., 1984. – 120 с.
8. *Чыквін, Я.* Імёны. Творы. Кантэкст. Артыкулы, рэцэнзіі, інтэрв'ю / Я. Чыквін. – Беласток : Белавежа, 2020. – 297 с.
9. *Тычко, Г. К.* Беларуская літаратура XIX–XX стагоддзяў: час і асобы / Г. К. Тычко. – Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, 2010. – 267 с.
10. *Гройс, Б.* Рождение социалистического реализма из духа русского авангарда / Б. Гройс // Вопросы литературы. – 1992. – № 1. – С. 42–61.
11. Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
12. *Шапир, М. И.* Эстетический опыт XX века: авангард и постмодернизм / М. И. Шапир // Philologica. – 1995. – № 3/4. – С. 136–143.
13. *Танк, М.* Збор твораў у 6 тт. Т. 1. Вершы, паэмы. 1930–1945 / М. Танк. – Мінск : Маст. літ., 1978. – 528 с.
14. *Тюпа, В. И.* Литература и ментальность / В. И. Тюпа. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 231 с.
15. *Мукуліч, М. У.* Лірычны герой у паэзіі Максіма Танка давераснёўскага перыяду / М. У. Мукуліч // Веснік Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія, журналістыка, педагогіка. – 2007. – № 1. – С. 18–23.
16. *Бельскі, А. І.* Жывая мова краявідаў: Пейзаж у беларускай паэзіі / А. І. Бельскі. – Мінск : Бел. гум. адукац.-культ. цэнтр, 1997. – 136 с.

Поступила в редакцию 13.09.2021

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 5 (114), 2021

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Ю. И. Варакса, В. М. Василевская, О. С. Забродская*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 27.10.2021. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 10,00. Уч.-изд. л. 11,16. Тираж 100 экз. Заказ 44.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172